

ВѢРА и РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1896.

№ 13.

ІЮЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Голосъ изъ Греціи о старокатолическомъ вопросѣ. * * *	1—18
Возможно-ли соединеніе Православной Церкви съ Латинскою? По поводу энциклики папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года (продолженіе). <i>Профессора А. Д. Бѣляева</i>	19—46
Христіанское нравоученіе Шлейермахера (продолженіе). <i>И. Розанова</i>	47—66
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности. <i>И. Попова</i>	1—18
Идея Бога и безсмертіе души предъ судомъ новѣйшихъ критиковъ. Каро, члена Парижской Академіи наукъ (продолженіе). * * *	19—34
Духовенству Харьковской Епархіи	1—10
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе. Высочайшая благодарность.—Опредѣленія Св. Синода.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища за 1896 годъ.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія о заупокойныхъ запискахъ.—Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія Петровскій пер., д. № 17.

1896.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, — однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія лнціи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ переулокъ, д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Садовая, домъ № 16. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полные экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 7 р. за каждый годъ; по 8 р. за 1890 годъ, по 9 р. за 1891 г. и по 10 р. за 1892 годъ.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 60 р. съ пересылкою.

Кромѣ того въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Живое Слово“. Сочиненіе преосвященнаго Амвросія. Цѣна 50 к. съ перес.
2. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Врентано. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новпкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.
3. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“. Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.
4. «Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости» за 1883 г. Цѣна за экземпляръ съ пересылкою 3 р.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 9.

Дозволено цензурою. Харьковъ, 15 Юли 1896 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

Голосъ изъ Греціи о старокатолическомъ вопросѣ.*)

Истинный и дѣйствительный идеалъ Христовой Церкви, присущій церкви Восточной Православной, въ сопоставленіи съ идеаломъ старокатолическаго Люцернскаго конгресса, состоящимъ въ какомъ-то церковномъ синкретизмѣ.

Старокатолики, отдѣлившись отъ римской церкви, поставили себѣ задачею, между прочимъ, и соединеніе церквей чрезъ созваніе разныхъ конгрессовъ, на которые они приглашали духовныхъ лицъ и богослововъ другихъ церквей. Старокатолики предположили, что это свое намѣреніе они могутъ осуществить, подражая извѣстной политической системѣ, нѣкогда практиковавшейся на островѣ Критѣ, вслѣдствіе чего и получившей названіе синкретизма. Эту политическую систему синкретизма старокатоличество нашло возможнымъ примѣнить во взаимныхъ отношеніяхъ различныхъ церквей въ послѣднія два десятилѣтія, хотя впрочемъ подобная попытка была сдѣлана два столѣтія тому назадъ. Этотъ церковный синкретизмъ (συχρητισμός) состоитъ въ измышленіи какой-то общей и неопредѣленной церкви, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не существующей, какъ только въ умѣ или въ воображеніи тѣхъ, которые выдумали этотъ неопредѣленный призракъ. Въ туманѣ такой неопредѣленной церкви исчезаетъ всякая догматическая окраска различныхъ христіанскихъ церквей.

*) Статья эта напечатана въ официальномъ органѣ Элладской церкви „Священный союзъ“ (ἱερός Σύνδεσμος) за прошлый годъ и принадлежитъ перу весьма извѣстнаго на востокѣ профессора православнаго догматическаго богословія въ богословскомъ факультетѣ Аѳинскаго университета Э. Роси. Предлагаемъ сокращенный ея переводъ.

Дѣйствительно, синкретизмъ удачно можно примѣнять въ политикѣ, гдѣ ложь и обманъ можетъ иногда прославляться. Въ дѣлѣ же религіи, и притомъ религіи истины и свѣта, каковою является христіанская религія, примѣненіе такого церковнаго синкретизма гибельно, и не можетъ имѣть успѣха. Поэтому мы и стараемся разсѣять находящійся въ церковномъ синкретизмѣ Люцернскаго старокатолическаго конгресса туманъ свѣтомъ истинной Христовой церкви, доказавъ, что истинный идеалъ Церкви не туманъ, не тьма, не нѣчто не существующее и только воображаемое, а свѣтъ, который всегда пребываетъ дѣйствительнымъ въ основанной Христомъ дѣйствительной церкви, въ которой постоянно находится животворящій и всегда руководящій къ истинѣ Духъ Его.

Взглядъ старокатоликовъ на церковь, на догматы и на преданіе, высказанный на Люцернскомъ конгрессѣ, высказанъ былъ еще на конгрессѣ для соединенія церквей, бывшемъ въ Боннѣ въ 1874 году. На этомъ конгрессѣ Делингеръ предложилъ слѣдующій тезисъ: „призываемъ, что чистое преданіе, т. е., постоянная передача чрезъ посредство устнаго и письменнаго слова ученія, проповѣданнаго въ первый разъ Христомъ и апостолами,—есть источникъ знанія, имѣющій по волѣ Божіей авторитетное значеніе для всѣхъ послѣдующихъ христіанскихъ поколѣній. Это преданіе, съ одной стороны, узнается изъ согласія великихъ церковныхъ тѣлъ, пребывающихъ въ исторической связи съ первобытною церковью, а, съ другой—(узнается) научнымъ путемъ изъ письменныхъ памятниковъ всѣхъ вѣковъ.

(Срав. Reusch Bericht über die Unionsconferenzen, стр. 33, 1874 г. З. Роск. Отчетъ стр. 22, 1874 г.). Съ этимъ тезисомъ въ ближайшемъ отношеніи находится второй тезисъ Люцернскаго конгресса, почти тождественный по содержанію съ девятымъ тезисомъ конгресса Бонскаго...

По объясненію, которое далъ самъ Делингеръ его Высокопреподобію, протоіерею г. Янышеву и Датскому богослову г. Блоху, спросившимъ его объ этомъ: „великія церковныя тѣла“—это Восточная и Западная церковь, а изъ протестантскихъ церквей не только англиканская церковь, (о которой говорится во второй части тезиса, что англиканская церковь и церкви отъ

нея происходящія сохранили постоянное епископское преемство и, слѣдовательно, она находится, по мнѣнію старокатоликовъ, въ исторической связи съ первобытною церковью), но и церковь лютеранская (Kensch Bericht, 1874 г. стр. 22, 23).

Изъ великихъ протестантскихъ церквей только о церкви Женевской Делингеръ сначала выразилъ нѣкоторое сомнѣніе на счетъ того, сохранила ли она историческую связь съ первобытною церковью; но на замѣчаніе датскаго лютеранина г. Блоха о томъ, что не только лютеранская церковь, но и Женевская не можетъ быть исключена, Делингеръ ничего противъ не сказалъ.

Итакъ, по смыслу девятаго тезиса Бонскаго конгресса ученіе Христово передано было чрезъ посредство непрерывнаго устнаго и письменнаго преданія; узнается же это чистое преданіе изъ согласія великихъ христіанскихъ тѣлъ, т. е. восточной, западной и протестантской (по крайней мѣрѣ англиканской и лютеранской) церквей.

Итакъ, великія церковныя тѣла въ девятомъ тезисѣ Бонскаго конгресса суть ничто иное, какъ то, что во второмъ тезисѣ люцернскаго конгресса опредѣляется какъ *christliche Einzelkirchen*, т. е. христіанскія частныя церкви: Восточная Западная, Англиканская, Лютеранская...

Такимъ образомъ старокатолики простираютъ границы чистаго преданія какъ за предѣлы восьми первыхъ вѣковъ, такъ и на остальные церкви, т. е. и на западную или латинскую церковь, на англиканскую и на лютеранскую, между тѣмъ какъ исторически доказано, что только православная восточная церковь, сохранившая неприкосновенными и неизмѣнными догматы настоящей православной католической церкви первыхъ восьми вѣковъ до раздѣленія, есть единственная церковь, которая не прервала догматической и католической связи съ настоящею католическою церковью до раздѣленія и, слѣдовательно, только она одна сохраняетъ цѣльнымъ и чистымъ настоящее христіанское преданіе и служитъ продолженіемъ настоящей католической церкви до раздѣленія.

Когда я присутствовалъ въ засѣданіяхъ Бонскаго конгресса въ 1874 году, то замѣтивъ въ этомъ тезисѣ распростра-

ніе границъ чистаго христіанскаго преданія и на западную церковь послѣ раздѣленія девятаго столѣтія, а, слѣдовательно, и на нѣкоторыя протестантскія церкви, отдѣлившіяся отъ послѣдней послѣ реформаціи,—и воспротивился девятому тезису при обсужденіи его, сказавъ, что я не нахожу правильнымъ выраженнаго въ этомъ тезисѣ опредѣленія границъ преданія, и что Восточная Церковь не согласна съ тѣмъ, что преданіе продолжаетъ быть въ римской церкви послѣ раздѣленія“¹⁾.

Также не согласенъ съ духомъ православія и взглядъ на нѣкоторые догматы, относительно коихъ разногласятъ частныя христіанскія церкви, взглядъ, состоящій въ томъ, что эти догматы можно считать какъ богословскія мнѣнія, а не какъ обязательныя для христіанина догматы, которые и признаны общимъ, непрерывнымъ и единогласнымъ христіанскимъ преданіемъ христіанскихъ частныхъ церквей. Этотъ взглядъ на догматы содержится въ восьмомъ тезисѣ Бонскаго конгресса 1874 г.; тезисъ гласитъ такъ: „wir erkennen an, dass die Zahl der Sacramente erst im zwölften Jahrhundert auf sieben festgesetzt, und dann in die allgemeine Lehre der Kirche aufgenommen wurde, urdzwarnicht als eine von den Aposteln oder den aeltesten Zeiten kommende Tradition, sondern als das Ergebniss theologischer Speculation“, т. е. мы признаемъ, что седмиричное число таинствъ опредѣлено лишь въ двѣнадцатомъ столѣтіи, а потомъ уже принято было въ католическомъ ученіи церкви и даже (принято было) не какъ преданіе, происходящее отъ апостоловъ или отъ древнѣйшихъ временъ, но какъ выводъ богословскаго умозрѣнія. (Reusch Bericht 1874 г. стр. 17, отчетъ 3. Роси 1874 г. стр. 18). Если, такимъ образомъ, по восьмому тезису Бонскаго конгресса²⁾ догматъ нашей православной церкви, а также и латинской о семи таинствахъ введенъ былъ въ церковь „не какъ преданіе, происходящее отъ апостоловъ или отъ древнѣйшихъ временъ (и, слѣдовательно, не какъ

¹⁾ Rhosis... ich vermissee in der These eine Angabe über die Grenzen der Tradition. Die orientalische Kirche bestreitet die continuität der Tradition in der römischen Kirche nach dem Schisma. (Reusch Bericht S. 34, 1874 г. сравн. вышеупомянутый отчетъ св. Синода стр. 23, 1874 г.).

²⁾ Тезисъ сей одобренъ въ частныхъ преніяхъ между англиканами и старо-католиками безъ участія восточныхъ богослововъ.

чистое преданіе), но какъ выводъ изъ богословскаго умозрѣнія“,—то, слѣдовательно, это не обязательный для христіанина догматъ, такъ какъ онъ не признанъ „общимъ, непрерывнымъ и единогласнымъ“ преданіемъ частныхъ христіанскихъ церквей, какимъ долженъ быть обязательный догматъ, а лишь богословское мнѣніе это вытекаетъ по буквѣ и духу изъ восьмого тезиса Бонскаго конгресса, такъ и изъ второго тезиса конгресса Люцернскаго. Изъ сказаннаго видно, что старокатолики и англикане, съ которыми первые почти соединены, (а это видно изъ многихъ словъ, сказанныхъ въ Люцернскомъ конгрессѣ), имѣютъ въ виду особыя цѣли. Доказательство этому самый Люцернскій конгрессъ. Старокатолики, отдѣлившись отъ папской церкви главнымъ образомъ вслѣдствіе объявленія непогрѣшимости папы на ватиканскомъ соборѣ 1870 г., а затѣмъ приступивъ мало по малу къ преобразованіямъ многихъ несообразностей папской церкви, въ которой родились и были воспитаны вмѣстѣ съ вѣрою въ непогрѣшимость папы, отбросили и вѣру въ непогрѣшимость своей церкви, которая содержала нѣсколько элементовъ христіанской истины, хотя и смѣшанныхъ со многими заблужденіями. А послѣ того какъ они отбросили вѣру въ непогрѣшимость своей церкви, имъ не легко было признать эту непогрѣшимость въ другой какой нибудь церкви, даже и въ самой восточной церкви, такъ какъ они и эту послѣднюю считаютъ не непогрѣшимую, а пребывающею въ заблужденіи. Что старокатолики не признаютъ непогрѣшимости ни одной христіанской церкви, ни самой православной восточной церкви, это видно даже изъ словъ епископа ихъ г. Рейнкенса ¹⁾ на Люцернскомъ конгрессѣ. Проводя различіе между христіанскою вѣрою и христіанскою церковію, и представляя чистою и свободною отъ человѣческаго заблужденія и соединяющею людей только христіанскую вѣру въ ея первобытномъ и безформенномъ состояніи, христіанскую же церковь считая могущею впасть въ заблужденіе и раздѣляющею людей, г. Рейкенсъ говоритъ: „христіанская вѣра въ чистотѣ своей ведетъ по природѣ своей къ единству духа. Но

¹⁾ Нынѣ покойнаго.

церкви не могутъ существовать безъ содѣйствія людей способныхъ заблуждаться и часто грѣшныхъ. (Протоколь Люцернскаго конгресса, стр. 100). А что г. Рейнкенсъ всѣ христіанскія церкви, не исключая и православной восточной, считаетъ находящимися въ заблужденіи, и что старокатолики не думаютъ сблизиться ни съ одною церковію и, слѣдовательно, и съ восточною, это видно изъ слѣдующихъ словъ, которыя г. Рейнкенсъ сказалъ съ искренностью, достойною всякой оцѣнки: „ни одна частная церковь (Keine einzelne Kirche) не обладаетъ абсолютною полнотою христіанскаго духа.... и, слѣдовательно, ни одна церковь не можетъ служить идеаломъ для всѣхъ другихъ. Въ такомъ заблужденіи относительно того, что она безусловно совершенна и одна истинна церковь Іисуса Христа, находится теоретически и практически Римская церковь, но практически подлежатъ этому самому заблужденію и другія церкви. Это испытали мы, старокатолики, когда сторонники нашего движенія оцѣниваютъ насъ по стольку, поскольку они вѣрятъ, что мы приближаемся къ ихъ церквамъ. Поэтому я желалъ просить сердечно всѣхъ благосклонно расположенныхъ христіанъ, чтобы они твердо думали, что идеаль церкви ни въ одной изъ существующихъ церквей не достигнуть“.... (Протоколь, стр. 109). Всякій хорошо понимаетъ смыслъ этихъ словъ епископа старокатоликовъ и протестантскій духъ, которымъ они проникнуты, а также и то, что старокатолики лишь въ первые годы своего отдѣленія отъ папской церкви проявляли нѣкоторое стремленіе къ сближенію съ православною восточною церковію, теперь же они проявляютъ такое стремленіе по отношенію къ протестантизму. Что выражается, напр., словами: „ни одна частная церковь не обладаетъ абсолютною полнотою христіанскаго духа...., слѣдовательно, ни одна церковь не можетъ служить идеаломъ для всѣхъ другихъ.... Идеаль церкви ни одною изъ существующихъ церквей въ совершенствѣ не достигнуть“, какъ не протестантская мысль?!

Съ тѣмъ мнѣніемъ, что ни одна церковь не можетъ служить идеаломъ, къ которому должны стремиться всѣ другія церкви, тѣсно связано и другое мнѣніе, выраженное во вто-

ромъ тезисъ Люцернскаго конгресса и въ девятомъ тезисъ Бонскаго конгресса. По выше указанному мнѣнію христіанское преданіе ни въ какой изъ частныхъ церквей послѣ раздѣленія не сохранилось цѣльнымъ и чистымъ и, слѣдовательно, отдѣльныя частныя церкви, чтобы возвратиться къ истинной и дѣйствительной католической церкви, не должны взирать на христіанское преданіе ни одной изъ частныхъ церквей, даже Восточной; но должны смотрѣть на обще-христіанское ученіе всѣхъ или нѣкоторыхъ частныхъ христіанскихъ церквей, т. е. Восточной, Западной, Англиканской, Лютеранской и др. Это-то общее ученіе непрерывно и единогласно признаваемое преданіемъ христіанскихъ церквей, и составляетъ, по мнѣнію старокатоликовъ, настоящее христіанское преданіе и настоящій христіанскій догматъ, или чистое ученіе Христа, по смыслу втораго тезиса Люцернскаго конгресса и девятаго тезиса Бонскаго конгресса. Такимъ образомъ второй тезисъ Люцернскаго конгресса и девятый Бонскаго область чистаго христіанскаго преданія не ограничиваютъ періодомъ церковной жизни до раздѣленія церквей и не считаютъ православной восточной церкви продолженіемъ настоящей и православной католической церкви до раздѣленія, и одною изъ всѣхъ другихъ церквей, сохранившей преданіе чистымъ,—но простираютъ эту область и на преданіе другихъ церквей послѣ раздѣленія. Простирая-же область истинно-христіанскаго преданія на всѣ почти церкви послѣ раздѣленія; они вмѣстѣ съ тѣмъ настоящее христіанское преданіе и обязательный для христіанина догматъ видятъ лишь въ томъ, что вообще непрерывно и единогласно признаютъ всѣ эти частныя церкви съ Восточною церковью включительно. Но такъ какъ многіе догматы православной Восточной церкви не признаны общимъ, постояннымъ и (непрерывнымъ) единогласнымъ преданіемъ всѣхъ частныхъ христіанскихъ церквей, то, по смыслу втораго тезиса Люцернскаго конгресса и девятаго Бонскаго, эти догматы не обязательны для христіанина, а только суть богословскія мнѣнія. Но кто изъ православныхъ христіанъ можетъ считать не обязательными догматами, а только богословскими мнѣніями, напр., догматъ о семи таинствахъ, о рѣшающей силѣ священныхъ соборовъ, непогрѣшимости цер-

кви и другіе догматы, которые не будутъ признаны безъ всякаго протеста со стороны частныхъ христіанскихъ церквей, даже инославныхъ? Да и какъ можно согласовать находящееся во второмъ тезисѣ конгресса понятіе о догматѣ, какъ объ общепризнанномъ, постоянномъ и едино-гласномъ преданіи христіанскихъ частныхъ церквей, со слѣдующими словами, находящимися во введеніи къ тезисамъ конгресса: „конгрессъ не имѣетъ права и порученія судить о догматическихъ вопросахъ и вмѣшиваться въ отношенія частныхъ церквей“ (der einzelnen Kirchen? ¹). Развѣ, высказывая выше приведенное *опредѣленіе понятій* о догматѣ, конгрессъ не разсуждалъ о догматическихъ вопросахъ? Кромѣ того, какимъ образомъ, не смотря на прямое запрещеніе догматическихъ разсужденій и рѣшеній на конгрессѣ, его предсѣдатель позволилъ разсужденіе о выше названномъ второмъ тезисѣ, который касается важнѣйшихъ догматовъ православной Восточной церкви, такъ какъ здѣсь измышляется новое понятіе о христіанскомъ догматѣ и преданіи?

Изъ сказаннаго до сихъ поръ о христіанскихъ частныхъ церквахъ, о христіанскомъ преданіи и о христіанскомъ догматѣ по смыслу второго тезиса Люцернскаго конгресса и девятого Бонскаго видно, что Люцернскій конгрессъ подъ общемо или католическою церковію разумѣетъ составъ всѣхъ или главнѣйшихъ христіанскихъ церквей, разнящихся по исповѣданіямъ вѣры постольку, поскольку у нихъ (у этихъ церквей) помимо догматическихъ разностей есть и нѣчто общее, т. е. нѣсколько общихъ христіанскихъ догматовъ...

На основаніи этого понятія конгресса объ общей или католической церкви можно составить точное понятіе о томъ истинномъ католицизмѣ, о которомъ говорится въ слѣдующихъ словахъ перваго тезиса „старокатоличество есть... возвращеніе къ истинному католицизму древней и нераздѣльной церкви“ ²)... На основаніи выше указаннаго ученія объ об-

¹) Сравни. Протоколъ конгресса, стр. 28.

²) Протоколъ, стр. 31. Сравни. и стр. 12, «damit derselbe (der Kongress) sich auch äusserlich zu einem Abbilde der allgemeinen, d. i. der wahrhaft katholischen Kirche gestalte».

щихъ христіанскихъ догматахъ, старокатолики и многіе англикане думаютъ, что можетъ быть достигнуто соединеніе церквей чрезъ посредство какого-то церковнаго синкретизма, если признать обязательными и существенными лишь общіе догматы частныхъ церквей, а различія въ догматахъ считать богословскими мнѣніями, несущественными и не необходимыми для спасенія. Но подобная идея о соединеніи церквей не есть ничто новое. Еще въ XVII в. на основаніи общихъ христіанскихъ догматовъ Латинской, Лютеранской и Кальвинской церквей пытался соединить богословъ Георгій Калликстъ ¹⁾.

Это стремленіе Калликста дало поводъ къ возникновенію въ Германіи въ половинѣ XVII в. спора о такъ называемомъ синкретизмѣ (*Synkretismus, synkretischer Streit*). Но тогда какъ политическій синкретизмъ и въ особенности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существовалъ на островѣ Критѣ, откуда и получилъ свое имя,—оправдывается патріотизмомъ; наоборотъ синкретизмъ, перенесенный изъ политики въ отношеніе церквей разныхъ исповѣданій, не согласенъ съ истиннымъ духомъ христіанства, такъ какъ онъ усиливаетъ религіозную холодность и индифферентизмъ къ истинѣ христіанскихъ догматовъ.

Знаменитый философъ Гегель, характеризуя понятіе Шеллинга объ абсолютномъ, говоритъ, что абсолютное Шеллинга—это какъ бы ночь, во время которой, какъ обыкновенно говорится, всѣ коровы кажутся черными ²⁾. Эту удачную характеристику можно *mutatis mutandis* примѣнить нѣсколько и къ идеалу Люцернскаго конгресса объ общей или католической церкви.

Идеаль общей или католической церкви Люцернскаго конгресса,—это какъ-бы туманъ, окутывающій частныя церкви, при которомъ дѣлается невидимою всякая догматическая окраска различающихся между собою догматически христіанскихъ церквей. Но идеаль истинной Христовой Церкви не туманъ, а

¹⁾ Выдающійся законовѣдъ и опытный въ исторіи церкви г. М. Реніери, обогатившій церковную литературу, вслѣдствіе глубокаго изученія источниковъ, важнѣйшими сочиненіями, относящимися къ церковной исторіи, какъ напр. изслѣдованіями о Кириллѣ Лукаріусѣ, о патрѣ—грекѣ Александрѣ и о Митрофанѣ Крижонулѣ, говоритъ объ этомъ планѣ Калликста въ прекраснѣйшемъ своемъ сочиненіи о Митрофанѣ Крижонулѣ стр. 46, 47).

²⁾ Hegel, *Phaenomenologie des Geistes* S. B.

свѣтъ, уничтожающій туманъ, такъ какъ глава Церкви—Христосъ, есть „свѣтъ истинный, который просвѣщаетъ всякаго человѣка, приходящаго въ мѣръ“ (Ион. I, 9). По протестантскому взгляду на церковь, между идеею о церкви и ея дѣйствительностію существуетъ полное противорѣчіе. Конечно, въ папской Церкви, отъ которой протестанты отдѣлились въ XVII столѣтіи, какъ и старокатолики въ недавнее время, между идеею церкви Христовой и ея дѣйствительностію въ названной церкви существуетъ почти противорѣчіе. Но изъ того, что въ одной или въ нѣкоторыхъ изъ существующихъ церквей между идеею церкви и осуществленіемъ ея существуетъ противорѣчіе, нельзя заключить съ достаточнымъ основаніемъ, что ни въ одной церкви на землѣ и идеаль Церквѣ Христовой не дѣйствителенъ, какъ въ ученіи или въ догматахъ и въ нравственныхъ началахъ, такъ и въ богослуженіи, и въ управленіи или въ административномъ устройствѣ ея. Такъ какъ Богочеловѣкъ—Основатель Церкви согласно съ даннымъ намъ Его обѣтованіемъ послалъ въ церковь въ день Пятидесятницы божественный Духъ, дабы сей пребывалъ постоянно въ ней, наставляя ее на всякую истину (Иоан. XIV, 25—26; XV, 26; XVI, 13—14; Лук. XXIV, 49; Дѣян. II, 2 и т. д.) и такъ какъ Онъ Духомъ своимъ присутствуетъ въ церкви до скончанія вѣка (Мѣ. XXVIII, 20), то идеаль церкви Христовой всегда дѣйствителенъ въ той церкви, которая ничего не прибавила, ни убавила въ ученіи о вѣрѣ, данной Христомъ и апостолами, въ ученіи постоянно передаваемомъ изъ рода въ родъ чрезъ посредство каноническихъ органовъ, въ ученіи, сохраняющемся цѣльнымъ, а также раскрытымъ и установившимся подъ водительство самого Духа Святаго. Также существуетъ въ истинной церкви Христовой и истинное богослуженіе, и истинное нравственное ученіе, и истинное управленіе. Какая же это изъ всѣхъ христіанскихъ церквей—истинная церковь Христова, которая ничего ни прибавила, ни убавила въ данномъ ей чистомъ ученіи, а сохраняла всегда цѣльнымъ христіанское преданіе, неизмѣннымъ ученіе о вѣрѣ и христіанской нравственности и у которой есть истинное богослуженіе и настоящее управленіе дѣйствительно католической церкви? До половины почти де-

вятаго вѣка церкви Востока и Запада находились въ единеніи, такъ какъ онѣ согласны были въ догматахъ вѣры, въ нравственномъ ученіи и въ основахъ богослуженія и управленія и составляли, такимъ образомъ, единую апостольскую и чистую католическую церковь Христову. Съ девятаго же столѣтія, пахотящаяся подъ властію римскихъ палъ западная церковь, чрезъ нововведенія въ догматахъ, въ богослуженіи, въ нравственномъ ученіи и въ управленіи отдѣлившись отъ единой православной и настоящей католической и апостольской церкви, осуждена была восточною церковію, которая осталась вѣрною чистому Христіанскому преданію и другимъ установленіямъ единой, святой и дѣйствительно католической Христовой церкви. Отъ западной-же или латинской церкви, которая со временемъ многими своими нововведеніями еще больше отпала отъ истинно единой и настоящей католической церкви первыхъ восьми вѣковъ, въ XVI столѣтіи отдѣлились протестантскія церкви, которыя, вмѣсто того, чтобы возвратиться къ настоящей католической церкви первыхъ восьми вѣковъ, непрерывное продолженіе которой составляетъ Восточная церковь—направились въ свой особый путь и заблудились. Такимъ образомъ идеаль истинной церкви Христовой, по свидѣтельству исторіи, истиннымъ и дѣйствительнымъ сохранился только въ одной Восточной церкви, которая, поэтому,—единственная на землѣ истинно апостольская, настоящая католическая и православная церковь.

Неопровержимъ историческій фактъ, что Восточная церковь соблюдала и соблюдаетъ цѣльнымъ и чистымъ христіанское преданіе древней и нераздѣльной католической церкви первыхъ восьми вѣковъ, которой она служитъ непрерывнымъ продолженіемъ, безъ всякой перемѣны. Ибо она не прибавила, не убавила, не измѣнила ни одного догмата, какъ прибавила и измѣнила отпавшая отъ древней и католической церкви, церковь латинская и отдѣлившіяся ото нея по причинѣ еще большихъ нововведеній церкви протестантскія. Итакъ, единственно истинная и настоящая католическая церковь,—это церковь восточная православная, сохранившая христіанское преданіе цѣльнымъ и чистымъ, епископское преемство истин-

нымъ и католическимъ, а догматы чистыми и неизмѣнными, равно какъ и богослуженіе и управленіе древней католической церкви. Въ западной-же или латинской церкви, какъ равнымъ образомъ и въ отдѣлившихся отъ нея протестантской и старо-католической церквахъ, со времени раздѣленія, прекратилось какъ фальсифицированное, искаженное во многомъ истинное христіанское преданіе, прекратилось и истинное и каноническое епископское преемство, такъ какъ ни одинъ епископъ церкви, отпавшей отъ настоящей католической церкви первыхъ восьми вѣковъ чрезъ нововведенія въ догматахъ и т. п. не можетъ передать другимъ настоящаго и истиннаго епископскаго сана и истиннаго священства. Поэтому въ отдѣлившихся чрезъ нововведенія въ догматахъ и т. д. отъ православной католической церкви, западныхъ церквахъ не можетъ считаться ни епископскій санъ настоящимъ, или вообще священство дѣйствительнымъ, истиннымъ. Нельзя также считать мѣриломъ, по которому должно мѣрять настоящее христіанское преданіе и настоящій христіанскій догматъ, то преданіе, которое въ этихъ церквахъ поддѣлано и смѣшано съ заблужденіемъ.

Мы по принципу не противники мысли о соединеніи церквей, такъ какъ мы осуществленіе этой мысли считаемъ дѣломъ христіанскимъ, дѣломъ, внушаемымъ христіанскою любовію, которая, по правдивымъ словамъ Богочеловѣка, основателя нашей святой вѣры, составляетъ отличительный признакъ истинныхъ Его учениковъ, какъ мы это доказали въ своемъ сочиненіи о соединеніи церквей въ 1868 году.

Но истинное соединеніе церквей прежде всего должно основываться на истинной любви къ священной истинѣ христіанства; ибо такое соединеніе христіанскихъ церквей, которое не исходитъ изъ любви къ христіанской истинѣ и не основано на принятіи основныхъ истинъ христіанской вѣры, запечатлѣнныхъ въ здравыхъ догматахъ, а на извращеніи истины и на отрицаніи важнѣйшихъ догматовъ православной и дѣйствительно католической церкви до раздѣленія, которой непрерывнымъ продолженіемъ есть восточная церковь,—такое, говоримъ, соединеніе не есть истинное соединеніе, а ложное. Пока старокатолики проявляли нѣкоторое искреннее желаніе и стара-

тельность къ возвращенію къ настоящей католической церкви до раздѣленія отрицаніемъ своимъ многихъ нововведеній и злоупотребленій папской церкви, до тѣхъ поръ православная церковь Греческая оказывала имъ большое сочувствіе. Но, какъ видно изъ второго тезиса Люцернского конгресса и изъ многихъ еще словъ, сказанныхъ на немъ, въ церковныхъ общинахъ старокатоликовъ окончательно возобладалъ духъ, не согласный съ духомъ православной восточной церкви: какъ во второмъ тезисѣ конгресса, такъ и въ другихъ словахъ извращается истинное понятіе о настоящей православной католической церкви Христовой, какъ равнымъ образомъ и неразрывно связанное съ нимъ понятіе о настоящемъ христіанскомъ преданіи и о настоящемъ и православномъ догматѣ.

Церковь на землѣ,—это основанное Христомъ общество людей, связанныхъ между собою и со Христомъ единою и тою-же истинною вѣрою и одними и тѣми-же здоровыми догматами и таинствами, и управляемыхъ епископами, каноническими и истинными преемниками апостоловъ. Такова истинная церковь Христова—Восточная православная, которая по истинѣ единая, святая, апостольская и православная или настоящая католическая церковь. Ибо она одна сохранила чистымъ и полнымъ ученіе о вѣрѣ, какъ оно передано было Христомъ и апостолами и раскрыто здраво и канонически въ церкви восьми первыхъ вѣковъ мѣстными и вселенскими соборами; она одна сохраняетъ настоящее преданіе, здоровыя нравственныя начала, богослуженіе и управленіе церкви восьми первыхъ вѣковъ и каноническое и настоящее преемство апостольскаго сана епископовъ; она одна, по всему этому составляетъ непрерывное продолженіе настоящей и православной католической церкви до раздѣленія. Истинная Христова церковь—святая, ибо въ ней одной совершается освященіе вѣрныхъ чрезъ передаваемую въ таинствахъ благодать, пребывающаго въ ней божественнаго Духа. Остальныя же церкви, не соединенныя съ ней догматически и канонически, какими являются отпавшія отъ нея чрезъ раздѣленіе западная или латинская церковь и отдѣлившіяся отъ нея чрезъ реформацію протестантскія церкви, какъ и общины старокатоликовъ не могутъ считаться членами истинно

единой, святой, апостольской и настоящей католической церкви, такъ какъ онѣ не содержатъ настоящей и полной христіанской истины, а только нѣсколько элементовъ ея, и то большею частію смѣшанныхъ съ заблужденіями. Кромѣ того, эти церкви, какъ прервавшія постоянную догматическую и каноническую связь съ настоящимъ преданіемъ дѣйствительно католической церкви первыхъ восьми вѣковъ,—не сохранили чистыми и неприкосновенными ни здоровое ученіе или настоящіе догматы и таинства, ни богослуженіе и управленіе церкви. Оттого и преемство апостольскаго сана епископовъ не сохранилось истиннымъ въ западной церкви, вслѣдствіе перерыва въ теченіи настоящаго преданія послѣ раздѣленія.

Такимъ образомъ идеаль истинной и настоящей католической или православной церкви Христовой дѣйствителенъ въ той церкви, которая, явно, только одна сохранила настоящее христіанское преданіе настоящей и католической православной церкви до раздѣленія, которая сохранила догматы вѣры здоровыми и неприкосновенными, а также и настоящее и каноническое епископское преемство. Въ ней существуетъ полная христіанская истина, которой только нѣсколько элементовъ, смѣшанныхъ съ заблужденіями, существуетъ въ другихъ церквахъ. Истинный идеаль церкви Христовой нельзя считать чѣмъ-то не существующимъ въ дѣйствительности и могущимъ осуществиться въ будущее время въ какомъ-то церковномъ синкретизмѣ чрезъ соединеніе частныхъ христіанскихъ церквей, не исключая и Восточной церкви, на основаніи тѣхъ общихъ (всѣмъ церквамъ) догматовъ, которые считаются обязательными и необходимыми для спасенія, съ тѣмъ, чтобы тѣ догматы, относительно которыхъ существуетъ разногласіе, считались только богословскими мнѣніями и не необходимыми для спасенія. То мнѣніе, что идеаль Церкви не существуетъ въ дѣйствительности, и что опъ въ будущемъ осуществится въ какомъ-то церковномъ синкретизмѣ,—прямая хула на Богочеловѣка—Основателя ея (церкви) и на Его правдивое обѣщаніе о ниспосланіи Духа Своего Церкви и пребываніе Его съ ней до скончанія вѣковъ. Какъ образъ общей или католической Церкви не въ истинномъ ея смы-

слѣ, по которому настоящая католическая Церковь,—это Церковь восьми первыхъ вѣковъ до раздѣленія, которой постояннымъ и истиннымъ продолженіемъ служить православная Восточная Церковь, а въ смыслѣ церковнаго синкретизма,—какъ образъ, говоримъ, такой общей или католической Церкви, по словамъ, употребляемымъ въ приглашеніи на Люцернскій конгрессъ¹⁾, является самый фактъ созванія этого конгресса. Это потому, что Люцернскій конгрессъ, какъ состоявшій изъ членовъ частныхъ христіанскихъ, разнящихся догматически и имѣющихъ нѣкоторые общіе догматы,—какъ бы служилъ представителемъ всѣхъ ихъ церквей, а принятіемъ второго тезиса, по которому обязательнымъ догматомъ считается только то, что признано общимъ, постояннымъ и единоголоснымъ преданіемъ христіанскихъ частныхъ церквей,—идеаль общей и неотдѣленной Церкви церковнаго синкретизма получилъ какъ бы нѣкоторое бытіе, продолжавшееся столько-же, сколько продолжались Люцернскія засѣданія членовъ вселенскаго конгресса. И вотъ, такимъ образомъ, въ туманѣ такого идеала, когда исчезаетъ всякая догматическая окраска христіанскихъ частныхъ церквей,—церкви представляются какъ бы соединенными въ отношеніи общихъ догматовъ и какъ-бы составляющими новую общую или католическую церковь, существенно отличающуюся отъ настоящей и истинной католической церкви первыхъ восьми вѣковъ, истиннымъ представителемъ которой является только одна Восточная Церковь. Догматы же настоящей и православной католической Церкви о рѣшающей силѣ священныхъ соборовъ, о семи таинствахъ, о непогрѣшимости Церкви при соборномъ согласіи всѣхъ мѣстныхъ православныхъ церквей, какъ равнымъ образомъ и другіе догматы нужно считать какъ бы не исходящими изъ настоящаго христіанскаго преданія не обязательными будто-бы для христіанина. Безъ признанія же этихъ догматовъ настоящими христіанскими и обязательными для христіанина, одни общіе для всѣхъ христіанскихъ частныхъ церквей разныхъ исповѣданій догматы не составляютъ полной истины христіанской, но лишь чистая и полная истина хри-

¹⁾ Сравни. Официальное изложеніе о конгрессѣ, стр. 12.

тіанства служить существеннымъ признакомъ истинной и дѣйствительной католической церкви и истиннаго и настоящаго католичества. Поэтому никто изъ тѣхъ, у которыхъ настоящій православный взглядъ (духъ), не можетъ признать истиннымъ и православнымъ второй тезисъ Люцернскаго конгресса и связанный съ этимъ тезисомъ идеаль церкви, который старокатолическій епископъ г. Рейнкекъ сдѣлалъ очевидно своими вышеприведенными словами. Если признать вѣрнымъ второй тезисъ, а идеаль церкви, состоявшій въ вышесказанномъ церковномъ синкретизмѣ Люцернскаго конгресса истиннымъ идеаломъ истинной церкви,—то необходимо отрицать правоту и необходимость многихъ догматовъ православной и настоящей католической Восточной церкви и истинный идеаль церкви Христовой, который только въ православной Восточной церкви дѣйствителенъ.

Всякій настоящій православный христіанинъ Восточной церкви твердо и непоколебимо убѣжденъ въ правотѣ догматовъ своей церкви, которая одна есть истинная и настоящая Христова церковь, содержащая христіанскую истину чистою и цѣлостною, а преданіе древней католической церкви восьми первыхъ вѣковъ цѣльнымъ и неприкосновеннымъ. Всѣ-же другія церкви не содержатъ христіанскую истину и преданіе полнымъ и чистымъ, но только нѣкоторые элементы ихъ, смѣшанные съ заблужденіями. Можетъ и долженъ каждый православный терпѣть религіозныя убѣжденія сторонниковъ другихъ церквей, но онъ никогда не долженъ терпѣть явныя или тайныя стремленія сторонниковъ другихъ церквей къ разрушенію догматовъ и установленій нашей православной церкви, которая справедливо претендуетъ на то, что она одна есть истинная Христова церковь и одна соблюдаетъ неприкосновенною христіанскую вѣру, а догматы ея—неизмѣнными, какъ они были по существу со временъ апостольскихъ и до раздѣленія церквей въ девятомъ столѣтіи.

Многіе изъ сторонниковъ мысли о соединеніи церквей выходятъ изъ искренней христіанской любви, но они невѣрно понимаютъ христіанскую истину. Полагая, что всѣ церкви пахотятся болѣе или менѣе въ заблужденіи и будучи не въ си-

лахъ понять, что христіанская истина по необходимости сохраняется въ одной изъ церквей чистою и полною,—они думаютъ, что соединеніе должно быть достигнуто взаимными уступками. Но христіанскую истину да и вообще истину можно представлять не только мысленно или субъективно, но и въ дѣйствительности или объективно. Другіе-же, смотрящіе на вопросъ о соединеніи церквей съ политической точки зрѣнія, думаютъ, что они должны воспользоваться имъ для политическихъ цѣлей, достиженіе которыхъ они думаютъ облегчить какимъ-бы то ни было соединеніемъ церквей съ жертвою и самой христіанской истины. Отсюда, по свидѣтельству исторіи, императоры, короли и выдающіеся политическіе дѣятели помимо своихъ спеціальныхъ дѣлъ занимались и вопросомъ о соединеніи церквей. Были и полководцы превосходные, которые послѣ триумфовъ отъ кровавыхъ битвъ, изъ похвального религіознаго рвенія не сочли лишнимъ, ни несообразнымъ съ призваніемъ своимъ, чтобы, сложивъ вещественный мечъ и препоясавшись мечемъ духовнымъ, который острѣе всякаго меча обоюдоостраго (Ефес. VI, 17 Евр. IV, 12), постараться по возможности срывать и богословскія лавры. Вообще въ попыткахъ къ соединенію церквей скрываются очень часто политическія цѣли. Однако наша (Греческая) національная исторія и неразрывно связанная съ нею исторія церкви весьма ясно свидѣтельствуешь о томъ, что пользованіе церковными вопросами для политическихъ цѣлей всегда оканчивалось въ ущербъ и національному нашему государству, и церкви. Достаточно привести изъ церковной и національной нашей исторіи примѣръ Флорентійскаго лже-собора, въ которомъ наши греки по политическимъ соображеніямъ сочли нужнымъ жертвовать истинною догматовъ вѣры и поэтому вовсе не достигли преслѣдуемой ими политической и національной цѣли сохранить еще не завоеванныя земли греческой имперіи и возвратить потерянные. Византійскій императоръ Іоаннъ Палеологъ, съ большинствомъ бывшихъ на этомъ лже-соборѣ грековъ, послушавшись въ Флоренціи сатанинскихъ словъ папы Римскаго: „все это дамъ тебѣ, если, падши, поклонишься мнѣ“,—не былъ однако въ состояніи удалить опасность паденія Константинополя и совершенную гибель греческой имперіи....

Будемъ хранить цѣльнымъ священнымъ залогомъ православной вѣры, какъ мы приняли его отъ отцевъ нашихъ, считая непостытельнымъ равнодушіе къ догматамъ церкви нашей, а уклоненіе отъ нихъ предательствомъ.

Оттолкнемъ всякую поддѣльную монету православія.

Постараемся сдѣлать тѣснѣе и прочнѣе союзъ вѣры и христіанской любви съ другими мѣстными православными церквами и въ особенности съ матерью всѣхъ православныхъ церквей, со Вселенскою Константинопольскою Патріархіею, съ другими патріархатами и съ православной Россійскою церковью. Прежде всего будемъ всѣ содѣйствовать по возможности съ церковною и гражданскою властію болѣе совершенному, религіозному образованію православнаго народа и преимущественно духовенства соотвѣтствующимъ просвѣщеніемъ его и научнымъ образованіемъ ¹⁾. Между тѣмъ при помощи Божіей, само собою истина православія будетъ воспринята даже инославными умами и сердцами такимъ образомъ подготовится дѣло соединенія съ православною и настоящею католическою церковью другихъ церквей, къ которымъ мы должны оказывать терпѣніе и христіанскую любовь, продолжая молиться постоянно въ священныхъ храмахъ „о соединеніи всѣхъ“.

* * *

¹⁾ Какъ извѣстно греческое духовенство, особенно низшее, вслѣдствіе долголѣтняго рабства, стоитъ еще на низкомъ уровнѣ образованія, но за то оно высоко благочестиво и крѣпко предано православію.

Возможно-ли соединеніе Православной Церкви съ Латинскою?

По поводу энциклики папы Льва XIII отъ 20 іюня 1894 года.

(Продолженіе *)).

Что престолъ Римской церкви стоялъ въ ряду другихъ престоловъ важнѣйшихъ помѣстныхъ церквей, а не выдвигался изъ ряда ихъ,—а это было-бы, если-бы онъ господствовалъ надъ всѣми церквами вселенной,—это совершенно ясно видно изъ 36-го правила шестаго вселенскаго собора, которое узаконяетъ слѣдующій порядокъ престоловъ главнѣйшихъ церквей: Римскій, Константинопольскій, Александрійскій, Антіохійскій, Іерусалимскій; при этомъ Константинопольскому престолу предоставляются преимущества, равныя съ Римскимъ престоломъ. Если-бы теперь Римскій епископъ господствовалъ надъ всѣми церквами, слѣдовательно господствовалъ бы и надъ всѣми перечисленными въ этомъ правилѣ главными церквами вселенной: то было-ли бы согласно съ законами логики и здравымъ смысломъ поставлять его престолъ хотя и на первомъ мѣстѣ, однако все таки рядомъ съ этими, подчиненными ему, престолами? Развѣ съ государемъ поставляются рядомъ его вельможи, или даже его сыновья, не исключая и наслѣдника престола?

Всѣ эти правила о независимости одной церкви отъ другихъ церквей и о разграниченіи предѣловъ церквей, неоднократно повторяемыя, не оставались на бумагѣ, а точно и строго исполнялись; нарушеніе же ихъ настойчиво воспрещалось, какъ это видно изъ 8-го правила третьяго Вселенскаго собора. Отцы

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 11, за 1896 г.

этого собора, узнавши, что Антиохійскій епископъ заявляетъ притязанія поставить епископовъ въ Кипрскую церковь, которая раньше не была ему подчинена, строго воспретили это. Начальствующіе во святыхъ Кипрскихъ церквахъ да имѣютъ свободу, безъ притязанія къ нимъ и безъ стѣсненія ихъ по правиламъ святыхъ отецъ, и по древнему обыкновенію, сами собою совершати поставленіе благоговѣннѣйшихъ епископовъ. То-же да соблюдается и въ иныхъ областяхъ, и повсюду въ епархіяхъ: дабы *никто* изъ боголюбивнѣйшихъ епископовъ не простиралъ власти на иную епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ: но аще кто простеръ и насильственно какую епархію себѣ подчинилъ, да отдастъ оную: да не преступаются правила отецъ: да не вкрадывается, подъ видомъ священнодѣйствія, *надменность власти мірскія*: и да не утратимъ по малу, непримѣтно, тоя *свободы*, которую даровалъ намъ кровію Своею Господь нашъ Іисусъ Христосъ, освободитель всѣхъ человѣковъ“¹⁾). Основанныя на древнихъ обычаяхъ, выработанныя опытомъ, необходимыя для поддержанія въ церкви мира, порядка и свободы и для предотвращенія нестроеній, вообще согласныя съ пользами церкви, правила эти и не могли остаться мертвою буквою. Въ православныхъ восточныхъ церквахъ они строго соблюдаются даже и до настоящаго времени. Впрочемъ, уже самое существованіе этихъ правилъ неопровержимо свидѣтельствуетъ о томъ, что Римскій епископъ вовсе не имѣлъ власти надъ всею церковью, что, папр., церкви Константинопольская, Александрійская, Антиохійская и Іерусалимская были совершенно независимы отъ него, и что онъ управлялъ только нѣсколькими церквами, входившими въ составъ Римской церкви.

Не только правила, но и самая практика церковной жизни подтверждаетъ выводимое изъ правилъ заключеніе о совершенной независимости всѣхъ восточныхъ церквей отъ Римскаго

¹⁾ Нѣкоторые выраженія этого правила весьма характерны и какъ будто бы прямо имѣютъ въ виду высокомеріе Римскихъ епископовъ, направлены къ обузданію незаконныхъ притязаній ихъ на вмѣшательство въ дѣла неподчиненныхъ имъ церквей и къ охраненію свободы церкви отъ ихъ гнета и осуждаютъ мірской духъ ихъ властолюбія. Слово: „никто“ ясно показываетъ, что и Римскій епископъ не имѣетъ власти надъ неподчиненными ему церквами.

епископа. Напр., Римскіе епископы развѣ поставляли епископовъ для церквей восточныхъ. Никогда. Если-бы Римскій епископъ былъ главою вселенской церкви, то по крайней мѣрѣ епископы важнѣйшихъ церквей,—епископы Константинопольскіе, Александрійскіе, Антиохійскіе и Іерусалимскіе,—были-бы поставляемы имъ, или съ его разрѣшенія. Въ томъ особенно и выражались главенство и власть главнаго епископа, напр., помѣстной церкви, что онъ вмѣстѣ съ другими епископами своей церкви поставлялъ епископовъ для областей своей церкви, или митрополитовъ, а митрополиты, въ свою очередь, съ подчиненными имъ епископами, поставляли епархіальныхъ епископовъ. Такъ, правило 28-е четвертаго Вселенскаго собора, утверждая преимущества Константинопольскаго престола и опредѣляя, какія области должны находиться у него въ подчиненіи, узаконяетъ, чтобы митрополиты этихъ областей были поставляемы Константинопольскимъ архіепископомъ, а каждый митрополитъ, съ епископами своей области, поставлялъ бы епархіальныхъ епископовъ для нея. Такимъ образомъ, непосредственно, или посредствомъ, всѣ епископы помѣстной церкви получали поставленіе отъ главнаго епископа ея. Если бы теперь и надъ Константинопольскимъ архіепископомъ былъ кто либо высшій, то онъ и былъ бы поставляемъ этимъ высшимъ. Его и поставлялъ бы римскій епископъ, если бы послѣдній былъ главою всей вселенской Церкви. Но онъ главою Церкви не былъ, и потому-то ни Константинопольскій, ни Александрійскій, ни Антиохійскій, ни Іерусалимскій епископы никогда не были имъ поставляемы. Нужны-ли еще другія доказательства для подтвержденія этой истины, что всѣ восточныя церкви были совершенно независимы отъ римскаго епископа?

Однако мы не можемъ не привести здѣсь одного примѣра изъ церковной практики пятаго вѣка, записаннаго (примѣра) въ 30-мъ правилѣ четвертаго Халкидонскаго собора и свидѣтельствующаго о совершенной независимости восточныхъ церквей отъ римскаго епископа. „Поелику благоговѣннѣйшіе епископы Египетскіе, говорится въ этомъ правилѣ, отложили въ настоящее время подписати посланіе святѣйшаго Архіепископа Льва, не аки бы противяся католической вѣрѣ, но предста-

вляя существующій въ Египетской области обычай, ничего такого не дѣлать безъ соизволенія и опредѣленія своего Архіепископа, и просятъ отсрочити имъ до поставленія будущаго епископа великаго града Александріи: того ради за праведное и челобколюбное дѣло признали мы, оставить ихъ въ своемъ санѣ въ царствующемъ градѣ и дати имъ срочное время до поставленія Архіепископа великаго града Александріи. Посему, пребывая въ своемъ санѣ, или да представляютъ поручителей, аще возможно имъ сіе, или клятвеннымъ обѣщаніемъ да отвратятъ сомнѣніе“. Если бы епископъ римскій былъ главою Церкви, то дерзнули-ли бы епископы Александрійской церкви на основаніи мѣстнаго обычая не подписать посланія папы? Самый обычай Александрійской Церкви, о которомъ говорится въ этомъ правилѣ, ясно показываетъ, что для александрійскихъ епископовъ власть главнаго епископа ихъ Церкви была выше власти римскаго епископа. Правда, соборъ изъявилъ согласіе на отказъ александрійскихъ епископовъ подписать посланіе папы лишь по свисхожденію и обезпечивши себѣ полученіе ихъ подписа въ будущемъ; но это не потому, что они не подписали посланія, написаннаго папою римскимъ, а потому, что не подписали посланія, признаннаго соборомъ православнымъ. Своимъ отказомъ подписать посланіе, подписанное всѣми отцами собора, александрійскіе епископы давали поводъ заподозрить чистоту ихъ православія, какъ это видно изъ самого правила.

Не только всѣ восточныя церкви были совершенно независимы отъ епископовъ римскихъ, но даже и на Западѣ долгое время многія церкви не были подчинены имъ; таковы церкви Карфагенская, Испанская, Галльская и другія.

Другое свойство Церкви, съ которымъ также несовмѣстно главенство папы надъ Церковію, есть *соборность* Церкви. Это свойство Церкви столь важно и существенно, что даже въ Символѣ вѣры Церковь названа Соборною. Въ церковныхъ правилахъ это свойство подробно раскрывается.

Такъ по 34-му апостольскому правилу главный или первый епископъ всякаго народа „ничего да не творитъ безъ разсужденія всѣхъ епископовъ; ибо тако будетъ единомысліе“. Прави-

лами: апостольскимъ 37-мъ, перваго Вселенскаго собора 5-мъ и шестаго Вселенскаго собора 8-мъ, узаконялось, чтобы въ каждой области всѣ епископы ея собирались вмѣстѣ на соборъ два раза въ годъ для разсужденія о догматахъ благочестія и для рѣшенія спорныхъ дѣлъ. Второй Вселенскій соборъ, согласно правилу перваго Вселенскаго собора, правиломъ 2-мъ опредѣлилъ: „Дѣла каждой области благоучреждати будетъ соборъ той же области“. Правиломъ 4-мъ первый Вселенскій соборъ опредѣлилъ: „Епископа поставляти наиболѣе прилично всѣмъ той области епископамъ“. Кромѣ постоянныхъ областныхъ соборовъ, по мѣрѣ надобности, для обсужденія болѣе важныхъ дѣлъ, были созываемы соборы помѣстные, на которые собирались епископы всѣхъ областей, входившихъ въ составъ одной помѣстной или автокефальной церкви. Наконецъ, для рѣшенія вопросовъ самыхъ важныхъ, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, были созываемы соборы вселенскіе, на которые съѣзжались епископы, по возможности изъ всѣхъ помѣстныхъ церквей, епископы всей вселенской Церкви.

Вотъ это-то соборное устройство и управленіе Церкви, и въ особенности высшая форма его—соборы вселенскіе, исключаютъ самую возможность существованія въ Церкви видимаго единоличнаго главы. При вселенскихъ соборахъ видимый единоличный глава въ Церкви не нуженъ и даже невозможенъ.

Вся исторія вселенскихъ соборовъ показываетъ, что въ Церкви не было никакихъ другихъ ни учрежденій, ни лицъ, которыя по степени власти, правамъ и полномочіямъ равнялись бы со вселенскимъ соборомъ. Вселенскій соборъ опредѣляетъ догматы вѣры и издаетъ правила нравственности и церковнаго благоустройства; онъ осуждаетъ лжеученія и анаѳематствуетъ еретиковъ, хотя бы они были предстоятелями самыхъ знаменитыхъ помѣстныхъ церквей, не исключая и римской церкви; опредѣленія и правила его обязательны для всей Церкви, и нарушители ихъ, кто бы они ни были, подвергаются соборомъ же установленной карѣ; въ постановленіяхъ вселенскаго собора выражаются голосъ, воля и власть всей Церкви; вселенскій соборъ есть какъ бы сама вселенская Церковь. А такъ какъ Церковь *есть столпъ и утвержденіе истины* (1 Тим. 3,

15), то и опредѣленія вселенскихъ соборовъ истинны, непререкаемы и безусловно обязательны для всѣхъ членовъ Церкви, не исключая и высшихъ епископовъ, не исключая и папъ. Какъ цѣлое больше своей части, какъ вся вселенская Церковь выше и больше каждой помѣстной церкви, какъ бы ни была послѣдняя велика и знаменита; такъ и вселенскій соборъ не только выше предстоятеля той или иной помѣстной церкви, римской, или какой другой, но выше и помѣстнаго собора, хотя бы онъ состоялъ изъ епископовъ двухъ—трехъ помѣстныхъ церквей и былъ очень многолюденъ. Опредѣленія и правила помѣстныхъ соборовъ становились обязательными для всей Церкви не иначе, какъ послѣ признанія ихъ таковыми вселенскимъ соборомъ. Тѣмъ болѣе имѣетъ права вселенскій соборъ судить и осудить предстоятеля какой бы то ни было помѣстной церкви, не исключая и римскихъ папъ. Дѣйствительно, папа Вигилій былъ осужденъ пятымъ Вселенскимъ соборомъ, хотя и не ноименованно, а папа Гонорій анаематствованъ шестымъ Вселенскимъ соборомъ, подобно тому, какъ и Константинопольскіе епископы Македоній и Несторій были объявлены еретиками и осуждены—Македоній вторымъ Вселенскимъ соборомъ, а Несторій третьимъ. Вселенскій соборъ имѣетъ власть осудить даже цѣлый сонмъ епископовъ. Такъ, второй Вселенскій соборъ осудилъ всѣхъ епископовъ, удалившихся вмѣстѣ съ Македоніемъ съ собора, а ихъ было 36. Такимъ образомъ видимый глава Вселенской Церкви есть вселенскій соборъ.

Теперь возникаетъ вопросъ, какъ можно и нужно представлять себѣ отношеніе къ вселенскому Собору Римскаго папы въ случаѣ признанія послѣдняго главою церкви, и притомъ непогрѣшимымъ главою?

Если папа на самомъ дѣлѣ есть глава церкви и въ качествѣ главы церкви онъ непогрѣшимъ, то для чего тогда нуженъ вселенскій соборъ? Если папа имѣетъ власть и силу рѣшать вопросы вѣры и другія церковныя дѣла, рѣшать безошибочно, то зачѣмъ нужно было для этой цѣли созывать епископовъ со всего свѣта? А такъ какъ вселенскіе соборы были созываемы, то ясно, что въ древней церкви Римскій епископъ вовсе не былъ признаваемъ такимъ лицомъ, которое могло бы

замѣнить собою вселенскій соборъ, т. е., не былъ признаваемъ непогрѣшимымъ главою церкви, какимъ его признаютъ теперь латиняне.

Если намъ скажутъ, что вселенскіе соборы собирались изрѣдка и на краткое время, а церковь должна имѣть еще постояннаго непогрѣшимаго главу, каковъ и есть папа; то мы на это замѣтимъ, что вселенскіе соборы продолжаютъ постоянно доселѣ управлять церковію чрезъ изданныя ими опредѣленія и правила, а въ случаѣ возникновенія новыхъ вопросовъ чрезвычайной важности, не предусмотрѣнныхъ прежними соборами, церковь можетъ во всякое время созвать вновь вселенскій соборъ. Напр., если бы Латинская церковь, возжелавши соединиться съ Православною церковію, спросила бы ее, на какихъ условіяхъ она можетъ принять ее въ общеніе съ собою; то для теоретическаго и практическаго рѣшенія этого важнаго вопроса было бы лучше всего созвать вселенскій соборъ изъ епископовъ и ученѣйшихъ пресвитеровъ всѣхъ православныхъ восточныхъ церквей. Но этотъ вселенскій соборъ въ основу своего рѣшенія положилъ бы, кромѣ Священнаго Писанія, ученіе и практику древней вселенской церкви, и въ особенности правила соборовъ. Новый вселенскій соборъ непременно взялъ бы въ руководство для себя дѣятельность и правила древнихъ вселенскихъ соборовъ, подобно тому, какъ и эти послѣдніе въ основаніе своихъ опредѣленій полагали древнѣйшіе обычаи и правила отцовъ. Такимъ образомъ несомнѣнно, что вселенскіе соборы управляютъ церковію.

Латиняне могутъ намъ сказать еще и то, что хотя папа, какъ непогрѣшимый глава церкви, и не имѣлъ нужды для безошибочнаго рѣшенія церковныхъ дѣлъ и вопросовъ и для опредѣленія догматовъ въ помощи вселенскихъ соборовъ; но соборы эти были созываемы для поддержанія единомыслія церквей съ церквами, епископовъ съ епископами, и всей церкви съ ея главою -- папою. Однако исторія вселенскихъ соборовъ не подтверждаетъ такой мысли. Что чрезъ вселенскіе соборы видимо обнаруживалось и оживлялось братское общеніе и укрѣплялось единомысліе между церквами и ихъ предстоятелями, этого мы нисколько не отрицаемъ. Но это достигалось само

собою; это было, такъ сказать, попутною цѣлью созванія соборовъ. Главная же цѣль созванія соборовъ была всегда иная. Всѣмъ извѣстно, что вселенскіе соборы были созываемы по поводу возникавшихъ ересей, для рѣшенія вопросовъ о томъ, какъ должно вѣровать, для болѣе точнаго опредѣленія догматовъ, для вразумленія еретиковъ и, въ случаѣ ихъ упорства, для всенароднаго осужденія ихъ и ихъ ереси, а также для составленія правилъ церковнаго благоустройства и для рѣшенія важныхъ церковныхъ дѣлъ.

Допустимъ, однако, что церкви, кромѣ вселенскихъ соборовъ, нуженъ еще глава единоличнѣй и постоянно пребывающій. Въ такомъ случаѣ отношеніе этого главы къ вселенскимъ соборамъ было бы подобно отношенію предстоятеля помѣстной церкви къ помѣстному собору, или митрополита къ собору областному: онъ созываетъ соборъ вселенскій и онъ же предсѣдательствуетъ на немъ. А если принять во вниманіе, что латиняне признаютъ папу не только главою церкви, но и непогрѣшимымъ главою, то слѣдуетъ ожидать, что папа на вселенскихъ соборахъ будетъ имѣть гораздо болѣе значенія, нежели митрополиты на областныхъ соборахъ и предстоятели помѣстныхъ церквей на соборахъ помѣстныхъ, что онъ будетъ тамъ среди епископовъ не только первымъ между равными, но полнымъ и даже неограниченнымъ главою ихъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ: главѣ церкви, и притомъ непогрѣшимому, какъ не быть полновластнымъ главою на вселенскомъ соборѣ?

Но исторія всѣхъ вселенскихъ соборовъ, безъ единого исключенія, показываетъ вамъ, что ничего подобнаго не было. Ни одинъ вселенскій соборъ не былъ созванъ папою; ни на одномъ вселенскомъ соборѣ папа не былъ предсѣдателемъ, даже ни на одномъ вселенскомъ соборѣ никто изъ папъ не присутствовалъ; на соборахъ вселенскихъ присутствовали только легаты папы, но и то не на всѣхъ соборахъ. Что легаты папы на вселенскихъ соборахъ не имѣли первенствующаго значенія, это видно изъ исторіи всѣхъ семи вселенскихъ соборовъ. Такъ, на первомъ Вселенскомъ соборѣ легатами папы были даже не епископы, а два пресвитера; и изъ исторіи этого собора не видно, чтобы на немъ они имѣли не только первенствующее, но даже и

сколько нибудь замѣтное значеніе, а, напротивъ, видно, что на ходъ дѣлъ на соборѣ оказывали большое вліяніе старѣйшіе и знаменитѣйшіе епископы Востока. На второмъ и на пятомъ Вселенскихъ соборахъ легатовъ папы совсѣмъ не было. На третій Вселенскій соборъ легаты папы прибыли послѣ открытія собора; между тѣмъ, если бы папа былъ главою Церкви, то, безъ сомнѣнія, собравшіеся отцы не открыли бы собора раньше прибытія папы, или его легатовъ. Папы не только не созывали вселенскихъ соборовъ, но у нихъ даже не испрашивали ни позволенія, ни согласія на созваніе соборовъ; имъ только посылали приглашеніе пожаловать на соборъ, какъ послалось оно и всѣмъ прочимъ предстоятелямъ церквей. Мало того: пятый Вселенскій соборъ былъ созванъ даже вопреки волѣ папы Вигилія. На второмъ Вселенскомъ соборѣ предсѣдательствовалъ Святой Мелетій Антиохійскій, не смотря на то, что онъ не былъ въ общеніи съ римскою церковію, такъ какъ папа законнымъ епископомъ Антиохіи призналъ соперника Мелетіева Павлина; а послѣ кончины Мелетія соборъ избралъ преемникомъ его не Павлина, а Флавіана. Такимъ образомъ для вселенскихъ соборовъ мнѣнія, рѣшенія и распоряженія папъ не имѣли никакой обязательной силы: соборы иногда дѣйствовали прямо вопреки желаніямъ и рѣшеніямъ папъ. Наконецъ, если бы папа былъ главою церкви, то вселенскіе соборы собирались бы въ Римѣ, между тѣмъ, какъ нарочно, всѣ семь соборовъ были на Востокѣ. Если, такимъ образомъ, вселенскіе соборы, на которые собирались епископы со всего христіанскаго міра, на которыхъ были рѣшаемы важнѣйшіе вопросы вѣры, нравственности и церковнаго устройства, на которыхъ были постановляемы опредѣленія и правила, обязательныя для всей церкви, обязательныя и для папъ не меньше, нежели для другихъ епископовъ, которые могли судить и осуждать и самихъ папъ, какъ и предстоятелей прочихъ важнѣйшихъ церквей, которые были, такъ сказать, воплощеніемъ вселенской Церкви,—если вселенскіе соборы были созываемы не папами и даже безъ ихъ согласія, а иногда и вопреки ихъ желанію, если они были предсѣдательствуемы не папами, а либо тѣмъ, либо другимъ изъ знаменитыхъ восточныхъ еписко-

повъ, если они собирались не въ Римѣ, а въ разныхъ городахъ Востока, если они происходили безъ личнаго присутствія папъ и безъ замѣтнаго влiянiя на теченiе ихъ дѣлъ со стороны легатовъ папы, которыхъ на двухъ соборахъ даже и совсѣмъ не было: то согласно-ли съ здравымъ смысломъ утверждать, будто папа былъ главою Церкви во времена вселенскихъ соборовъ?

Точно также и помѣстные соборы въ каждой самостоятельной церкви были созываемы по желанiю и распоряженiю предстоятеля церкви, при чемъ папу даже и не увѣдомляли о созванiи собора, какъ не увѣдомляли и предстоятелей другихъ самостоятельныхъ церквей. А между тѣмъ и на помѣстныхъ соборахъ иногда были обсуждаемы и рѣшаемы догматическiе вопросы; и эти соборы имѣли право анаѳематствовать еретиковъ. И такiе соборы были созываемы безъ увѣдомленiя о нихъ папы и безъ испрошенiя у него позволенiя не только на Востокѣ, но даже и на Западѣ. Таковы, напр., были помѣстные соборы въ Карфагенской церкви, которые осудили ересь Пелагiя и опредѣленiя которыхъ церковь впоследствии признала обязательными для всѣхъ. Папы могли созывать на соборъ только епископовъ своей помѣстной церкви, подобно тому, какъ и предстоятель каждой самостоятельной помѣстной церкви могъ созывать помѣстный соборъ изъ епископовъ своей церкви. Дѣйствительно исторiя не представляетъ такихъ примѣровъ, чтобы папы въ перiодъ вселенскихъ соборовъ созывали такiе помѣстные соборы, на которые съѣзжались бы епископы изъ всѣхъ западныхъ церквей.

Совершенное отсутствiе главенства папъ на вселенскихъ соборахъ, равно какъ и полная независимость отъ папъ соборовъ помѣстныхъ, собиравшихся въ церквахъ восточныхъ и западныхъ, неопровержимо свидѣтельствуютъ о томъ, что папы никогда не управляли всею церковiю, никогда не были ея главою, что они не имѣли никакой власти не только надъ восточными церквами, но даже и надъ западными, за исключенiемъ одной своей римской церкви.

Эта независимость отъ папъ—восточныхъ церквей всегдашняя, а западныхъ продолжавшаяся нѣсколько вѣковъ—тѣмъ болѣе имѣетъ значенiя для опроверженiя ученiя о главенствѣ папъ,

что всѣ независимыя отъ папъ самостоятельныя церкви находились тогда въ странахъ, которыя были провинціями Рима, а Римъ былъ ихъ столицею, при чемъ христіанскія страны Востока находились въ этомъ государственномъ подчиненіи Риму первые три вѣка, а западныя въ теченіе многихъ вѣковъ.

Такимъ образомъ, съ одной стороны, независимость помѣстныхъ церквей другъ отъ друга и въ частности отъ Римской церкви не позволяла папамъ вмѣшиваться въ управленіе и дѣла церквей, быть ихъ главою и управлять ими и ограничивала его власть предѣлами одной его собственной, Римской церкви; съ другой стороны, соборное устройство и соборное управленіе какъ областныхъ и помѣстныхъ церквей, такъ и всей вселенской церкви сосредоточивало верховную власть надъ вселенскою церковію во вселенскихъ соборахъ, надъ каждою помѣстною церковію въ помѣстныхъ соборахъ каждой церкви, надъ областною церковію въ областномъ соборѣ, и дѣлало излишнимъ и даже невозможнымъ главенство надъ всею церковію одного лица, кто бы оно ни было, Римскій-ли папа, или предстоятель какой иной помѣстной церкви. Исторія вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, равно какъ и вся вообще исторія древней церкви свидѣтельствуетъ, что Римскіе епископы и въ дѣйствительности не управляли ни одною изъ помѣстныхъ церквей, кромѣ своей церкви, и не имѣли никакой надъ ними власти; не управляли и всею вселенскою церковію и не были ея главою.

Однако, скажутъ намъ, папы не только управляли своею Римскою церковію, но, несомнѣнно, оказывали большое вліяніе и на дѣла общецерковныя.

Мы не отрицаемъ этого; но это не было главенство надъ церковію. Римскіе епископы имѣли большее вліяніе на дѣла общецерковныя, чѣмъ епископы другихъ важныхъ помѣстныхъ церквей, потому, что престоль ихъ былъ въ столицѣ, что церковь ихъ была столочною, а не провинціальною церковію. Столичность этой церкви давала ей и ея предстоятелямъ нѣкоторыя преимущества предъ помѣстными церквами провинціальными и предъ ихъ предстоятелями.

Тѣмъ не мевѣе не всѣ папы имѣли вліяніе на общецерковныя дѣла, а только наиболѣе знаменитые, напр., Левъ I-й и

Григорій Великій, причисленные къ лику святыхъ. Одинъ примѣръ покажетъ, какъ велико было вліяніе на дѣла общецерковныя папъ, отличавшихся высокими личными достоинствами, и какъ, напротивъ, папы, не обладавшіе выдающимся способностями и не оказавшіе особенныхъ заслугъ церкви, не имѣли никакого вліянія на общецерковныя дѣла.

Папа Левъ I-й чрезъ свое посланіе и чрезъ легатовъ оказалъ большое вліяніе на дѣятельность четвертаго Вселенскаго собора, благодаря своимъ высокимъ личнымъ качествамъ ¹⁾. Напротивъ папа Вигилій, не имѣвшій достоинствъ Льва I-го, оказался даже въ увизительномъ положеніи въ своихъ отношеніяхъ къ пятому Вселенскому собору: Вигилій не желалъ, чтобы былъ созванъ этотъ соборъ, а соборъ состоялся; Вигилій не пошелъ на соборъ, а соборъ обошелся и безъ его присутствія; Вигилій не желалъ осудить тѣхъ, для осужденія которыхъ соборъ былъ созванъ, а соборъ осудилъ ихъ, осудилъ и не желавшихъ осудить ихъ.

Какимъ образомъ, спросятъ насъ, папамъ удалось подчинить себѣ всѣ западныя церкви, которыя, рано или поздно, а признали его своимъ главою? Подчиненіе церквей запада папѣ не служитъ-ли доказательствомъ, что папа всегда былъ главою церкви?

Подчиненіе папѣ всѣхъ западныхъ церквей произошло постепенно, благодаря стеченію многихъ благопріятныхъ обстоятельствъ. Римъ въ теченіе многихъ вѣковъ превосходилъ всѣ города Запада, какъ въ государственномъ, такъ и въ церковномъ отношеніи. Римъ былъ столицею Запада, и это возвышало Римскую церковь и римскихъ епископовъ надъ всѣми прочими церквями Запада и надъ ихъ предстоятелями. Римская церковь на Западѣ была древнѣйшею и несомнѣнно апостольскою церковію. Возвышенію Римской церкви и ея предстоятелей надъ прочими церквями Запада и надъ ихъ предстоятелями благопріятствовало то обстоятельство, что другія знаменитыя и древнѣйшія церкви

¹⁾ Впрочемъ на этомъ соборѣ особенно велико было значеніе Льва еще и потому, что на Востокѣ тогда было смутное время и изъ предстоятелей важнѣйшихъ церквей Востока никто не могъ равняться достоинствами со Львомъ. Александрійскій епископъ Діоскоръ былъ осужденъ и низложенъ соборомъ за срьсь; Анатолій Константинопольскій былъ рукоположенъ Діоскоромъ и въ свою очередь рукоположилъ на Антіохійскій престолъ въ епископы Максима; Ювеналій Іерусалимскій сначала держалъ сторону Діоскора.

на Западѣ по нѣкоторомъ времени пришли въ совершенный упадокъ вслѣдствіе несчастныхъ политическихъ обстоятельствъ. Такъ, знаменитая въ древности Кароагенская церковь была разрушена до основанія и уничтожена нашествіемъ мухаммеданъ, и они же нанесли смертельный ударъ церкви испанской. Церкви же Галльская, Германская и Британская возвысились только въ позднѣйшее время, когда владычество папъ надъ западными церквами уже было упрочено, и притомъ эти церкви уступали Римской во многихъ отношеніяхъ.

Но какія бы ни были причины подчиненія всѣхъ западныхъ церквей епископамъ Римскимъ, остается въ силѣ то положеніе, что это подчиненіе совершилось постепенно и что первоначально его не было, а Кароагенская церковь даже совсѣмъ не находилась въ подчиненіи у римскихъ епископовъ.

Почему, могутъ еще спросить насъ, не Александрійскіе, или Іерусалимскіе, или Антиохійскіе, а именно Римскіе епископы стали заявлять притязанія на главенство надъ церковію? Было же для этого какое либо основаніе?

Частію поводомъ, частію основаніемъ къ возникновенію этихъ притязаній послужили преимущества престола Римской церкви предъ кафедрами всѣхъ прочихъ церквей, не только западныхъ, но и древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ восточныхъ.

Какія же это были преимущества? Это были преимущества чести, а не власти. Преимущества чести означаютъ то, что одна церковь и епископъ ея почитаются болѣе важными, нежели другая церковь и ея предстоятель. Что преимущество и даже первенство Римскаго епископа предъ прочими епископами было преимуществомъ и первенствомъ чести, а не власти, т. е., что преимущества Римскаго престола не давали Римскимъ епископамъ власти надъ другими самостоятельными церквами и ихъ предстоятелями, равно какъ и надъ всею вселенскою церковію, это видно изъ многихъ правилъ вселенскихъ соборовъ.

Такъ, въ 3-мъ правилѣ второго вселенскаго собора преимущество Римскаго епископа прямо называется преимуществомъ чести. „Константинопольскій епископъ да имѣетъ преимущество чести по Римскомъ епископѣ, потому что градъ оный есть

новый Римъ". Правилomъ 28-мъ четвертаго вселенскаго собора престолу Новаго Рима, т. е., Константинопольскому, предоставлены были, согласно правилу втораго Вселенскаго Собора, преимущества, равныя съ престоломъ ветхаго Рима. Позднѣе это было подтверждено 36-мъ правилomъ шестаго Вселенскаго собора. Могли-ли бы вселенскіе соборы предоставить епископу Константинопольскому преимущества, *равныя* преимуществамъ Римскаго епископа, если бы послѣдній былъ главою вселенской церкви? Единая вселенская церковь не можетъ имѣть двухъ главъ. Что первенство Римскаго престола было первенствомъ чести, это видно и изъ того, что Константинопольскій престолъ поставленъ вторымъ, а Римскій первымъ, не смотря на то, что и тому даны преимущества *равныя* съ этимъ. Что съ преимуществами чести не соединялось преимуществъ власти, т. е., что Римскій епископъ, будучи первымъ, не имѣлъ, однако, никакой власти надъ епископами, поставленными ниже его, это видно еще изъ правила 36-го шестаго Вселенскаго Собора, которымъ опредѣляется слѣдующій порядокъ престоловъ главныхъ церквей: Римскій, Константинопольскій, Александрійскій, Антиохійскій, Иерусалимскій. Извѣстно, что, напр., Константинопольскій епископъ не имѣлъ никакой власти надъ Иерусалимскимъ епископомъ и надъ его церковію, не смотря на то, что Константинопольскій престолъ поставленъ вторымъ, а Иерусалимскій пятымъ. Подобнымъ образомъ и Римскій епископъ не имѣлъ никакой власти надъ престолами церквей, поставленныхъ на второмъ, третьемъ и дальнѣйшихъ мѣстахъ. Это отношеніе между престолами главныхъ помѣстныхъ церквей можно сравнить съ отношеніемъ между родными братьями или сестрами въ семьѣ. Старшій братъ имѣетъ первенство чести и старшинства предъ вторымъ, второй предъ третьимъ и т. д.; но старшій братъ не имѣетъ главенства власти ни надъ вторымъ, ни надъ каждымъ изъ прочихъ братьевъ, ни надъ всѣми ими въ совокупности; власть и главенство надъ всѣми ими, со включеніемъ старшаго брата, принадлежатъ родителямъ.

Что преимущества чести не давали власти надъ церковію вселенскою, это особенно хорошо показываютъ подробности,

сообщаемыя въ 28-мъ правилѣ четвертаго Вселенскаго собора, которое поэтому мы считаемъ нужнымъ привести полностью. „Во всемъ послѣдую опредѣленіямъ святыхъ отецъ и признавая читанное нынѣ правило ста пятидесяти боголюбивѣйшихъ епископовъ, бывшихъ въ соборѣ во дни благочестивыя памяти Θεодосія въ царствующемъ градѣ Константинополѣ, новомъ Римѣ, тожде самое и мы опредѣляемъ и постановляемъ о преимуществахъ святѣйшія церкви тогожде Константинополя, новаго Рима. Ибо престолу ветхаго Рима отцы прилично дали преимущества: поелику то былъ царствующій градъ. Слѣдую тому же побужденію и сто пятьдесятъ боголюбивѣйшихъ епископовъ предоставили равныя преимущества святѣйшему престолу новаго Рима, праведно разсудивъ, да градъ, получившій честь быти градомъ царя и синклита и имѣющій *равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ будетъ возвеличенъ подобно тому* и будетъ второй по немъ. Посему токмо митрополиты областей Понтійскія, Асійскія и Θракійскія и такожде у иноплеменниковъ вышереченныхъ областей да поставляются отъ вышереченнаго святѣйшаго престола святѣйшія Константинопольскія церкви: сирѣчь, каждый митрополитъ вышеупомянутыхъ областей съ епископами области должны поставлять епархіальныхъ епископовъ, какъ предписано Божественными правилами, а самые митрополиты вышеупомянутыхъ областей должны поставляемы быти, какъ речено, Константинопольскимъ архіепископомъ, по учиненіи согласнаго, по обычаю, избранія и по представленіи ему онаго“.

Не смотря на то, что Константинопольскому престолу даны преимущества, равныя съ римскимъ престоломъ, не смотря на то, что въ церковныхъ дѣлахъ Константинопольскому престолу представляется возвеличиваться подобно римскому; однако власть Константинопольскаго епископа, выражавшаяся въ поставленіи митрополитовъ, этимъ же правиломъ ограничена предѣлами только одной Константинопольской церкви съ принадлежащими къ ней церковными областями. Надъ церквами Александрійской, Антиохійской и Іерусалимской, не смотря на то, что страны, въ которыхъ онѣ находились, были подчинены

Константинополю въ государственномъ отношеніи, и не смотря на то, что престолы этихъ церквей были ниже Константинопольскаго въ порядкѣ чести, Константинопольскому епископу никакой власти не предоставлено; и онъ дѣйствительно не имѣлъ ея и доселѣ не имѣеть. Не ясно-ли, что не было дано никакой власти надъ ними и римскому епископу?

Правда, правила предоставили Константинопольскому престолу только второе мѣсто, а первое оставалось за римскимъ престоломъ; но при преимуществахъ чести кто нибудь непременно долженъ быть первымъ. Первенство чести и оставлено за римскимъ престоломъ, потому что онъ получилъ его раньше, такъ какъ Римъ былъ столицею раньше Константинополя. Тѣмъ не менѣе и Константинопольскому престолу даны преимущества, *равныя* съ римскимъ престоломъ, и ему предоставлено возвышаться въ церковныхъ дѣлахъ *подобно* римскому престолу. Вотъ это-то равенство преимуществъ Константинопольскаго престола съ римскимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поставленіе Константинопольскаго престола на второмъ мѣстѣ особенно ясно показываетъ, что первенство римскаго престола отнюдь не было главенствомъ надъ Церковію. А иначе развѣ могли бы быть Константинопольскому престолу предоставлены преимущества, равныя съ римскимъ престоломъ, и отцы соборовъ развѣ могли бы высказывать желаніе, чтобы Константинопольскій престолъ въ дѣлахъ церковныхъ возвысился такъ же, какъ престолъ римскій? Слыханное-ли и мыслимое-ли дѣло подчиненному давать преимущества чести, равныя съ начальствующимъ надъ нимъ? Желать, чтобы подчиненный возвеличился въ дѣлахъ, подобно начальствующему, значитъ желать такихъ отношеній, при которыхъ невозможны ни порядокъ, ни миръ, ни благоустройство.

Вотъ эти-то преимущества чести и сопровождавшая ихъ сила вліянія на церковныя дѣла и воспитали мало-по-малу въ римскихъ епископахъ духъ высокомерія, честолюбія и властолюбія. Постепенно стали они усвоить привычку смотрѣть на предстоятелей другихъ важныхъ помѣстныхъ церквей надменно, свысока, подобно тому, какъ и вообще столичные жители склонны относиться къ провинціаламъ съ высокомеріемъ; а

худшіе изъ папъ стали при случаѣ обнаруживать притязанія на власть надъ неподчиненными имъ церквами и ихъ предстоятелями и вмѣшивались въ дѣла этихъ церквей.

Кромѣ того, притязаніямъ папъ на главенство сильную поддержку оказали подложныя сочиненія, въ которыхъ возвеличивались римскій престоль и права римскихъ папъ и которыя въ теченіе многихъ вѣковъ были признаваемы подлинными сочиненіями; таковы Климентины и Лжеисидоровскія декреталіи. Такія сочиненія и въ папахъ, и въ духовенствѣ, и въ ученыхъ, и въ народахъ западныхъ странъ укореняли убѣжденіе въ законности притязаній папъ на главенство.

Что притязанія папъ на власть надъ другими церквами и ихъ вмѣшательство въ дѣла другихъ церквей были незаконны, это видно изъ того, что эти притязанія были отвергаемы епископами и соборами, а также были изобличаемы высокоомѣріе и властолюбіе папъ, какъ источники этихъ притязаній. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

При спорахъ о времени празднованія Пасхи, бывшихъ во 2-мъ вѣкѣ, папа Викторъ хотѣлъ было объявить еретиками малоазійскихъ епископовъ, праздновавшихъ Пасху не въ одно время съ Римскою церковію; но не нашелъ поддержки даже среди западныхъ епископовъ. Поэтому онъ не только не привелъ своей угрозы въ исполненіе, но даже не могъ склонить малоазійскихъ епископовъ къ тому, чтобы они праздновали Пасху въ одинъ день съ Римскою церковію.

Святый Кипріанъ Карѳагенскій въ 3-мъ вѣкѣ возсталъ противъ требованія папы Стефана не перекрещивать еретиковъ. Слова изъ письма папы къ нему онъ называетъ слишкомъ высокоомѣрными, не относящимися къ дѣлу, самопротиворѣчивыми, необдуманно и неискусно написанными. Стефана онъ титулуетъ: „братъ нашъ“¹⁾. Могъ-ли бы Кипріанъ называть папу братомъ, сталъ-ли бы онъ вооружаться противъ его мнѣнія и рѣшился-ли бы онъ называть его слова высокоомѣрными, если бы папа былъ дѣйствительнымъ главою церкви, а не претендентомъ, незаконнымъ и непризнаннымъ, на самовласт-

¹⁾ Письмо къ Помпею противъ письма Стефана о крещеніи еретиковъ (въ началѣ). Братомъ и сослужителемъ своимъ Римскаго епископа называютъ и отцы Карѳагенскаго собора (Правло 33).

ное обращеніе съ предстоятелями неподчиненныхъ ему церквей? Кипріанъ же порицалъ предъ цѣлымъ соборомъ Стефана за то, что онъ называлъ себя епископомъ епископовъ. Кипріанъ говорилъ, что никто изъ епископовъ не долженъ принуждать повиноваться себѣ другаго епископа, что каждый епископъ можетъ имѣть собственное мнѣніе, что епископъ не можетъ судить другаго епископа и самъ не можетъ быть судимъ другимъ епископомъ. Если бы папа былъ главою церкви, то, безъ сомнѣнія, онъ имѣлъ бы право судить любого епископа. Поэтому слова Кипріана ясно показываютъ, что Римскій епископъ имѣлъ не больше власти, чѣмъ прочіе епископы, что главою церкви его не признавали, и онъ не былъ главою церкви и въ дѣйствительности. Сила словъ Кипріана увеличивается тѣмъ, что онъ признанъ святымъ и на Западѣ, равно какъ и на Востокѣ.

Достойно вниманія еще слѣдующее событіе, о которомъ разсказывается въ посланіи Картегенскаго собора къ епископу римскому. Епископъ Фавстинъ, мѣстоблюститель Римскаго епископа Вонифатія, представилъ на Картегенскій соборъ письмо, въ которомъ собору предлагались правила о перенесеніи судебныхъ дѣлъ отъ епархіальнаго епископа къ римскому и къ сосѣднимъ епископамъ, и правила эти названы правилами Никейскаго (перваго) Вселенскаго собора ¹⁾. Отцы Картегенскаго собора заявили Фавстину, что въ имѣющихся у нихъ спискахъ правилъ Никейскаго собора они таковыхъ правилъ не находятъ и, для разрѣшенія сомнѣнія, положили истребовать вѣрные списки правилъ Никейскаго собора отъ епископовъ Антіохійскаго, Александрійскаго и Константинопольскаго; а чтобы не оставить никакого сомнѣнія въ своемъ повиновеніи правиламъ Никейскаго собора, изрекли слѣдующее первое правило своего собора: „опредѣленія Никейскаго собора всемѣрно да соблюдаются“. Но этимъ не ограничился отпоръ, данный отцами собора притязаніямъ епископа римскаго на вмѣшательство въ дѣла Картегенской церкви. Соборъ написалъ и препроводилъ весьма характерное посланіе къ папѣ Целестину, въ которомъ раскрываются обстоятельства слѣдующаго

¹⁾ На самомъ дѣлѣ это были правила помѣстнаго собора Сардинійскаго.

дѣла. Папа, вопреки соборнымъ правиламъ, принялъ въ общеніе нѣкоего пресвитера Карфагенской церкви Апіарія, отлученнаго этою церковію за развратъ. Упомянутый Фавстинъ привезъ этого Апіарія въ Карфагенъ, просилъ соборъ опять изслѣдовать его дѣло и при разбирательствѣ дѣла оказывалъ Апіарію явное и несправедливое покровительство, а въ отношеніи собора держалъ себя непочтительно. Къ счастью, Апіарій во время судоговоренія нечаянно самъ признался въ своихъ гнусныхъ дѣлахъ. Излагая это въ посланіи къ папѣ, соборъ пишетъ еще слѣдующее: „Фавстинъ сильно противостоялъ всему собору, навнося ему различныя оскорбленія, аки бы защищая преимущества Римской церкви и желая, чтобы принятъ былъ нами въ общеніе Апіарій, котораго твоя святыня пріяла въ общеніе, повѣривъ его жалобѣ, коея онъ не могъ доказать“... „Исполнивъ долгъ подобающаго почитанія, умоляемъ васъ, господине брате, дабы вы впредь не допускали легко до вашего слуха приходящихъ отселѣ и не соизволяли впредь примати въ общеніе отлученныхъ нами; ибо твоя досточтимость удобно обрящетъ, яко сіе самое опредѣлено и Никейскимъ Соборомъ“... „Которые въ своей епархіи отлучены отъ общенія, да не явятся воспріемлемыми въ общеніе твоею святынею съ намѣреніемъ, и якоже не подобаетъ“... „Не возбранено сіе для Африканскія церкви никакимъ опредѣленіемъ отцовъ; да и опредѣленія Никейскаго Собора, какъ клириковъ низшей степени, такъ и самыхъ епископовъ, явнымъ образомъ, обратно отсылаютъ къ собственнымъ ихъ митрополитамъ. Разумно и праведно призналъ онъ, что какія бы ни возникли дѣла, они должны оканчиваемы быти въ своихъ мѣстахъ. Ибо отцы судили, что ни для единыя области не оскудѣваетъ благодать Святаго Духа, чрезъ котораго правда іереями Христовыми и зрится разумно, и содержитсяъ твердо, и наипаче, когда каждому, аще вастоитъ сомнѣніе о справедливости рѣшенія ближайшихъ судей, позволено приступати къ соборамъ своея области и даже къ вселенскому собору. Развѣ есть кто либо, который бы повѣрилъ, что Богъ нашъ можетъ единому токмо нѣкому вдохнути правоту суда, а безчисленнымъ іереямъ, собравшимся на соборъ, откажетъ въ ономъ?“... „О томъ, чтобы нѣкіе, аки бы отъ ребра твоея святыни, были посылаемы, мы

не обрѣтаемъ ни единого собора отцовъ ¹⁾. Ибо, что прежде отъ васъ, чрезъ этогожде соепископа нашего Фавстина, прислано было къ намъ, аки бы изъ постановленій Никейскаго собора, того мы никакъ не могли обрѣсти въ вѣрнѣйшихъ спискахъ правилъ сего Собора, съ подлинниковъ снятыхъ“.... „Итакъ, не соизволяйте, по просьбѣ нѣкоторыхъ, посылати сюда вашихъ клириковъ изслѣдователями, и не попускайте сего, да не явимся мы вносящими дымное надменіе міра въ церковь Христову, которая желающимъ зрѣти Бога приносить свѣтъ простоты и день смиренномудрія“.

Это по истинѣ незабвенныя, золотыя слова! Отцы собора точно предвидѣли, что папы и впредь будутъ страдать недугомъ столичной и мірской надменности, что имъ будетъ чуждо христіанское смиреніе, что они будутъ вмѣшиваться въ дѣла неподвѣдомыхъ имъ церквей, нарушать правила вселенскихъ соборовъ и древніе обычаи, выдавать подложные документы за подлинныя, заявлять притязанія на главенство надъ всею церковію, даже объявлять себя непогрѣшимыми. Въ лицѣ папы Целестина отцы Карѳагенскаго собора учтиво, но твердо и настойчиво дали наставленіе всѣмъ папамъ не вмѣшиваться въ дѣла независящихъ отъ нихъ церквей, не нарушать соборныхъ правилъ и церковныхъ обычаевъ, не выдавать подложныхъ документовъ за настоящіе, отторгнуть отъ себя духъ мірской гордости и самопревозношенія и научиться подражать Христу въ смиреніи и простотѣ, не мнить себя непогрѣшимыми. Посланіе Карѳагенскаго собора ясно показываетъ, что въ 5-мъ вѣкѣ папа не былъ главою даже и западныхъ церквей, и что притязанія нѣкоторыхъ папъ того времени на расширеніе своей власти за предѣлами своей церкви встрѣчали рѣшительный отпоръ на Западѣ же, въ тѣхъ церквахъ, въ дѣла которыхъ папы осмѣливались вмѣшиваться. Изъ этого посланія видно также, что не только вселенскіе, но даже и областные соборы были признаваемы по власти выше папъ.

Даже и правила Сардикійскаго собора, 3-е, 4-е и 5-е, которыя были заявлены на Карѳагенскомъ соборѣ въ письмѣ

¹⁾ Рѣчь о присланныхъ изъ Рима Правилахъ, невѣрно названныхъ правилами перваго Вселенскаго собора.

папы и которыми предоставлялось папѣ право назначить пересмотръ дѣлъ о епископахъ, низложенныхъ областнымъ соборомъ, показываютъ, что власть папы во времена этого собора признавалась только въ нѣкоторыхъ церквахъ Запада. А если бы папа былъ главою надъ всею церковію, то имѣлъ-ли бы право помѣстный Сардакійскій соборъ опредѣлять права папы по разсмотрѣнію дѣлъ о низверженныхъ епископахъ? Да и зачѣмъ бы опъ сталъ предоставлять папѣ права, которыя папа и безъ того имѣлъ, если бы, то есть, онъ былъ главою церкви?

Но, не смотря на воспретительныя правила вселенскихъ соборовъ и на энергическіе протесты епископовъ другихъ церквей и помѣстныхъ соборовъ, папы, пользуясь многими благоприятными обстоятельствами, мало-по-малу осуществили свои властолюбивыя планы и подчинили себѣ всѣ церкви Запада.

Не довольствуясь главенствомъ надъ церквами Запада, папы употребляли всевозможныя мѣры, чтобы подчинить себѣ и восточныя православныя церкви. Не прекратились ихъ домогательства на обладаніе православнымъ Востокомъ даже и до настоящаго времени, какъ показываетъ это и обсуждаемая нами энциклика папы Льва XIII. Возсоединеніе церквей съ Латинскою церковію, котораго папа желаетъ и которое онъ предлагаетъ имъ, не есть братское соединеніе двухъ церквей, при которомъ бы каждая изъ нихъ, согласно древнимъ церковнымъ обычаямъ и правиламъ вселенскихъ соборовъ, оставалась самостоятельною и независимою отъ другой, а есть подчиненіе ихъ папѣ. Къ счастью, домогательства папъ подчинить себѣ православный Востокъ посредствомъ такъ называемаго соединенія православныхъ церквей съ Латинскою церковію доселѣ не имѣли успѣха. Папамъ удавалось подчинить себѣ только немногія и небольшія части Православной церкви, напр., Литовцевъ, Бѣлоруссовъ, Галичанъ. Будемъ надѣяться, что Православная церковь и въ послѣдующія времена будетъ всегда отвѣчать отказомъ на призывы папъ къ соединенію съ Латинскою церковію, которое есть въ сущности не соединеніе на правахъ равенства и взаимной независимости другъ отъ друга и самостоятельности, а рабское подчиненіе папѣ, которое неизбежно привело бы ее къ тому, что она

мало-по-малу утратила бы свою истинную православную вѣру, олатинилась бы.

Папы не только приписали себѣ главенство надъ церковію и непогрѣшимость въ рѣшеніи дѣлъ церковныхъ, но и присвоили себѣ мірскую власть. Получивши нѣкогда въ даръ землю, окружающую Римъ и названную потомъ Папской областію, папы мало-по-малу утвердились въ убѣжденіи, что свѣтская власть, владѣніе царствомъ есть ихъ неотъемлемое право. Въ этомъ опять таки обнаружались ихъ надменность, властолюбіе, мірской духъ и забвеніе основныхъ истинъ христіанской вѣры, нравственности и церковныхъ обычаевъ и порядковъ. Сдѣлавшись свѣтскими владыками, папы нарушили свой епископскій долгъ подражанія Христу, который сказалъ Пилату: *Царство Мое не отъ міра сего* (Іоан. 18, 36)¹⁾, и долгъ подражанія Апостоламъ, которымъ Іисусъ Христосъ, посылая ихъ на проповѣдь, заповѣдалъ соблюдать совершенную нестяжательность (Матѳ. 10, 9, 10), и которые дѣйствительно ничего не имѣли (2 Кор. 6, 4—10). Вмѣстѣ съ тѣмъ отступили отъ всегдашней и повсемѣстной практики древней вселенской церкви; такъ какъ никто изъ епископовъ, кромѣ папъ, никогда не имѣлъ мірскаго царства, да и сами папы въ продолженіе многихъ вѣковъ не были обладателями земнаго царства. Отцы Карфагенскаго собора какъ будто предвидѣли, что папы, кромѣ незаконныхъ притязаній на владычество надъ церквами, будутъ предъявлять права на обладаніе земнымъ царствомъ. „Да не явимся мы, писали они папѣ, вносящими дымное надменіе міра въ церковь Христову“. И третій вселенскій Соборъ, воспрещая 8-мъ своимъ правиломъ епископамъ простирать власть на епархію, которая прежде и сначала не была подъ рукою его, или его предшественниковъ, присовокупилъ: „да не преступаются правила отцевъ, да не вкрадывается, подъ видомъ священно-дѣйствія, *надменность власти мірскія*“. Вопреки

¹⁾ О свѣтской власти папъ говорится во второмъ Прибавленіи къ сочиненію А. Н. Муравьева: „Слово Каѳолическаго православія римскому католичествому“, подъ заглавіемъ: *О наслѣдіи Святаго Петра или державной области папской*; Н. К. Соколова: *О мірской власти епископовъ Римскихъ*, въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ. Ч. 18. 1859 г.; А. Воронова. *О происхожденіи свѣтской власти папъ* въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1862 г. №№ 1 и 2.

этому папы утверждаютъ, будто свѣтскія владѣнія имъ необходимы для лучшаго достиженія цѣлей религіозныхъ.

И какая же судьба постигла папскія владѣнія? Что случилось съ мѣрскою властію папъ.

Не чужіе, или иновѣрные народы, а собственные сыны Латинской церкви отняли у главы своего ея область, не оставивши ему даже и одного Рима. Папскія войска, отбивая нападеніе французовъ и итальянцевъ, проливали кровь своихъ братьевъ по вѣрѣ и по крови. Почему папа не приказалъ своимъ воинамъ положить оружіе и не предотвратилъ безполезнаго кровопролитія? Папа признаетъ себя пріемникомъ Петра, а забылъ слова, сказанныя Христомъ Петру: *Возврати мечъ твой въ его мѣсто; ибо всѣ, взявшіе мечъ, мечемъ погибнутъ* (Матѳ. 26, 52). И теперешній папа, преемникъ Пія IX, при которомъ это произошло, не можетъ примириться съ мыслию, что у него нѣтъ мѣрскихъ владѣній и враждуетъ противъ свѣтскаго правительства того народа, среди котораго самъ живетъ и который исповѣдуетъ латинскую вѣру.

Должно упомянуть, что ученія о главенствѣ надъ Церковію, о непогрѣшимости и о свѣтской власти папъ собственно не относятся къ вѣроученію, суть ученія по самому предмету своему не догматическія, а каноническія, правильнѣе сказать, противо-каноническія. Но сами латиняне ученія о главенствѣ и о непогрѣшимости папъ признаютъ догматами, а потому и въ полемикѣ противъ латинянъ необходимо обращать на эти ученія самое серьезное вниманіе. Можно сказать даже болѣе: эти ученія имѣютъ первостепенную важность, такъ какъ они оказываютъ огромное вліяніе на вѣроученіе, нравоученіе, управленіе и вообще на весь строй, характеръ и духъ Латинской церкви, на составъ ея ученія и на направленіе ея жизни и дѣйствованія. По силѣ своего вліянія эти ученія гораздо важнѣе догматическихъ заблужденій латинявъ, напр., ученія объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына, ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери и др.; а такъ какъ ученія о главенствѣ и непогрѣшимости папъ въ то же время лживы, то при своей вліятельности они опаснѣе и вреднѣе догматическихъ заблужденій Латинской церкви. Не даромъ наши старинные полемисты ученіе о главенствѣ папы признавали „всему злу главизной“. Еще

болѣе опаснымъ и вредоноснымъ стало ученіе о главенствѣ папъ теперь, когда къ нему присоединилось завершающее его ученіе о непогрѣшимости папъ. Принявши это безразсудное ученіе и объявивши его даже догматомъ, папы поставили свою церковь на путь еще болѣе опасный и скользкій, чѣмъ тотъ, по которому она шла до провозглашенія этого догмата. Вотъ почему мы обратили особенное вниманіе на ученія о главенствѣ и о непогрѣшимости папъ. Что касается до ученія о свѣтской власти папъ, то оно менѣе вредно и менѣе заслуживаетъ вниманія.

Вотъ сколько новшествъ допущено Латинскою церковію, а лучше сказать, папами. Новшества эти весьма существенны: они представляютъ весьма важныя измѣненія вѣры и устройства древней вселенской Церкви. Иное латинянами прибавлено, иное отвергнуто, иное извращено. Эти прибавленія, измѣненія и отступленія не могутъ быть оправданы ни Священнымъ Писаніемъ, ни ученіемъ святыхъ отцовъ, ни опредѣленіями и правилами соборовъ, ни практикою всей вселенской Церкви первыхъ девяти вѣковъ, ни, наконецъ, даже здравымъ разумомъ; а иныя изъ нихъ даже явно противорѣчатъ и Священному Писанію, и Священному Преданію, и практикѣ древней вселенской Церкви, и свидѣтельствамъ исторіи, и здравому смыслу. Всѣ добавленія, измѣненія и отступленія въ вѣрѣ и церковномъ устройствѣ сравнительно съ вѣрою и устройствомъ древней вселенской Церкви Латинская церковь произвела безъ согласія съ православными восточными церквами. Съ этими церквами она порвала общеніе,—порвала безъ достаточныхъ основаній, самочинно и произвольно и потому незаконно. Будучи сама виновной въ злѣе раздѣленія Церкви, она нисколько не сознаетъ этой вины; и даже сваливаетъ эту вину на Восточную Церковь, несправедливо называя ее схизматическою церковію, между тѣмъ какъ послѣдняя вѣруетъ и всегда вѣровала совершенно согласно съ вселенскою церковію первыхъ девяти вѣковъ. Все это ясно показываетъ, что Латинская церковь, руководимая папами, въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ учила и дѣйствовала такъ, какъ учили и поступали тѣ, которыхъ древняя вселенская Церковь за такой образъ ученія и способъ дѣйствованія признала ерети-

ками и раскольниками, избличала и осуждала ихъ, отлучала отъ общенія съ собою, анаематствовала.

Говорить-ли о другихъ многочисленныхъ нововведеніяхъ, допущенныхъ папами въ вѣроученіи, въ церковномъ устройствѣ и управленіи и въ Богослуженіи? Правда, эти догматическія, или догматико-богословскія, каноническія и литургическія особенности менѣе важны, нежели разсмотрѣнныя; однако позволимъ себѣ напомнить латинянамъ, что древняя вселенская Церковь не относилась безразлично и къ менѣе важнымъ отступленіямъ отъ общепринятыхъ и общеобязательныхъ ученія, правилъ, порядка и обычаевъ. Такъ, шестой Вселенскій соборъ осуждаетъ нѣкоторые обычаи римской церкви, напр., обязательное безбрачіе священниковъ и постъ въ субботу, даже угрожая отлученіемъ за субботній постъ. Уже самая многочисленность нововведеній догматическихъ, богословскихъ, каноническихъ и литургическихъ, допущенныхъ Латинскою церковію, показываютъ, какъ далеко отступила она отъ чистоты православной истины древней вселенской Церкви.

И мало того, что латинская церковь допустила противныя православной истинѣ вселенской Церкви прибавленія, измѣненія и убавленія, во и все ея вѣроученіе, богословствованіе и практика пропитаны мірскими началами—фанатическою нетерпимостію, одностороннимъ юридизмомъ и даже раціонализмомъ и находятся подъ тяжкимъ гнетомъ папистическаго деспотизма. Это неоднократно было раскрываемо въ сочиненіяхъ лучшихъ богослововъ Православной Русской церкви: Архіепископа Никанора, профессора Н. Я. Бѣляева, протоіеря А. А. Лебедева, протоіеря А. М. Иванцова, генерала А. А. Кирѣева, а также А. С. Хомякова и другихъ славянофиловъ. Нельзя не опасаться, что этотъ мірской, не евангельскій духъ нетерпимости, деспотизма, юридизма и раціонализма и въ грядущія времена будетъ приводить латинянъ къ новымъ и новымъ отступленіямъ отъ православія вселенской Церкви, тѣмъ болѣе, что новый догматъ о папской непогрѣшимости открываетъ произволу папъ совершенно безграничный просторъ, какого они не имѣли прежде.

Представимъ въ заключеніе, для наглядности, вкратцѣ различіе между теперешнею Латинскою и древнею вселенскою Церковію въ видѣ параллели.

Древняя вселенская Церковь не имѣла догмата объ исхожденіи Святаго Духа и отъ Сына: Латинская церковь исповѣдуетъ его; древняя церковь запретила дѣлать какія бы то ни было прибавки къ Символу: Латинская церковь внесла въ него *Filioque*; древняя Церковь совсѣмъ не знала ученія о непорочномъ зачатіи Богоматери: Латинская церковь изобрѣла это ученіе и объявила его догматомъ; въ древней Церкви никто никогда не слыхалъ о почитаніи сердца Іисусова: Латинская церковь изобрѣла это ученіе и почитаніе ¹⁾; въ древней Церкви крещеніе совершалось чрезъ погруженіе и только въ крайности было дозволяемо обливаніе или окропленіе: Латинская церковь безъ всякой надобности исключеніе сдѣлала правиломъ, а правило отвергла ²⁾; древняя Церковь всѣхъ христіанъ причащала тѣломъ и кровью Христа: Латинская церковь мірянъ причащаетъ только тѣломъ; древняя церковь причащала кваснымъ хлѣбомъ: Латинская церковь причащаетъ опрѣсноками; древняя Церковь вѣровала, что преложеніе даровъ совершается во время призванія Святаго Духа: Латинская церковь учитъ, что преложеніе совершается во время произнесенія евхаристическихъ словъ Іисуса Христа; древняя Церковь эпитиміямъ придавала значеніе исправительное: Латинская церковь приписываетъ имъ значеніе карательное; древняя Церковь не учила ни о сверхдолжныхъ заслугахъ святыхъ, ни о чистилищѣ: Латинская церковь приняла эти ученія; древняя Церковь была управляема соборами,—вселенскими, помѣстными, областными: Латинскою церковію управляетъ папа, и отъ соборнаго устройства и управленія древней Церкви въ ней осталась одна тѣнь; древняя Церковь состояла изъ независимыхъ одна отъ другой, самостоятельныхъ частныхъ церквей: папы уничтожили самостоятельность и независимость всѣхъ западныхъ церквей, всѣ

1) Подробно это ученіе изложено и опровергнуто въ сочиненіи протоіерея А. А. Лебедева: „О латинскомъ культѣ сердца Іисусова, или разности въ способахъ воззрѣнія и въ ученіи о любви церковей Восточной и Западной. Полемико-догматическое изслѣдованіе. Варшава. 1862 г.

2) О дѣйствительности вращенія „поливательнаго“ сочиненіе Теофана Прокоповича, выдержавшее въ прошломъ столѣтїи три изданія, подъ заглавіемъ: *Истинное оправданіе правоверныхъ христіанъ, крещеніемъ поливательнымъ во Христа хрещаемыхъ...* 1-е изд. Спб. 1724 г. Геромонаха Михайла. *О крещеніи чрезъ погруженіе и обливаніе въ „Прибавленіяхъ въ Творенія Святыхъ Отцевъ“.* 1855 г. Ч. 14.

ихъ слили въ одну латинскую, или папистическую, или такъ называемую Римско-католическую церковь и подчинили ее своей власти; древняя Церковь запрещала епископамъ простирать свою власть на епархіи, которыя прежде и сначала не были подъ его рукою или подъ рукою его предшественниковъ: папы подчинили себѣ не епархіи только, а цѣлыя церкви на всемъ Западѣ, которыя прежде не были подъ рукою папъ, и усиливаются захватить и всѣ восточныя церкви; въ древней Церкви папа не былъ признаваемъ главою вселенской Церкви и въ дѣйствительности не былъ главою ея: въ Латинской церкви папа признается главою ея и дѣйствительно подчинилъ ее своей власти, а сами папы считаютъ себя главою всего христіанскаго міра и ученіе о своемъ главенствѣ провозгласили догматомъ; въ древней Церкви никто и никогда не признавалъ папъ непогрѣшимыми, даже и сами они не считали себя непогрѣшимыми: въ Латинской церкви непогрѣшимость папъ теперь признана догматомъ; въ древней Церкви никто и не думалъ приписывать Римскимъ и инымъ епископамъ право на свѣтскую власть, сами Римскіе епископы не приписывали себѣ этого права, и въ дѣйствительности никто изъ Римскихъ и иныхъ епископовъ не имѣлъ свѣтскихъ владѣній: въ Латинской церкви папы имѣли свою область, не хотѣли отдать ее добровольно и въ принципѣ они признаютъ, своимъ законнымъ правомъ и принадлежностію своего сана обладаніе мірскимъ царствомъ; древняя Церковь не придавала никакой важности Вульгатѣ: Латинская церковь признала этотъ переводъ Библии самоподлиннымъ текстомъ; древняя Церковь проповѣдывала Евангеліе и совершала Богослуженіе на всякихъ языкахъ, чтобы всѣмъ были понятны Писаніе, проповѣдь, Богослуженіе: Латинская церковь имѣетъ Библію и совершаетъ богослуженіе на мертвомъ, непонятномъ латинскомъ языкѣ, не смотря на то, что на немъ не было написано ни одной священной книги; древняя Церковь воспретила обязывать духовныхъ лицъ безбрачіемъ: Латинская церковь установила обязательное безбрачіе для всего духовенства ¹⁾. Опускаемъ разно-

¹⁾ *Бракъ и безбрачіе лицъ духовныхъ*. Арх. Сергія въ Прибавленіяхъ къ Твореніямъ Святыхъ Отцовъ. 1860 г. Ч. 19. *Цelibатъ или обязательное безбрачіе римско-католическаго духовенства*, А. С. Виноградова въ Православномъ Обозрѣніи. 1880 г. № 6—7 и 1881 г. № 6—7.

сти между древнею вселенскою и теперешнею Латинскою церковію менѣе существенныя.

Отступивши отъ древней вселенской Церкви во многомъ важномъ и во многомъ менѣе важномъ въ вѣроученіи, въ устройствѣ, въ управленіи и въ богослуженіи, измѣнивши древніе догматы, измысливши новые, уча и дѣйствуя во многомъ не согласно съ ученіемъ Писанія, правильно понимаемымъ, и даже вопреки Писанію, а также вопреки ученію и практикѣ древней вселенской Церкви, и упорствуя въ своихъ заблужденіяхъ, Латинская церковь стала еретической. Отдѣлившись-же отъ древней вселенской Церкви, отступивши отъ своей собственной матери—древней православной Римской церкви въ ученіи и практикѣ, живя въ разобщеніи съ Восточными православными церквами, Латинская церковь стала раскольнической. А главными виновниками еретичества или отпаденія Латинской церкви отъ православной истины и раскола ея или разобщенія съ православною Церковію были и теперь остаются папы.

Показавши еретичество Латинской церкви и въ особенности папъ и духовенства этой церкви, мы пролагаемъ правильный путь для принципиальнаго и практическаго рѣшенія вопроса о соединеніи православной Церкви съ латинскою, даемъ основу для твердаго и вѣрнаго рѣшенія вопросовъ о томъ, какъ православные должны отнестись къ призывамъ папы воссоединиться съ его церковію, каково должно быть истинное соединеніе церквей и можно-ли имѣть хотя малую надежду на осуществимость въ настоящее время истиннаго соединенія Православной и Латинской церквей, или можно-ли расчлывать, что если не теперь, то по крайней мѣрѣ въ будущемъ состоится это желанное соединеніе.

Проф. А. Д. Буляевъ.

(Продолженіе будетъ).

ХРИСТИАНСКОЕ ПРАВОУЧЕНИЕ ШЛЕЙЕРМАХЕРА.

(Продолженіе *).

Главною силою, способствующею развитію въ церкви членовъ церкви Христовой, Шлейермахеръ признаетъ настроеніе, въ возбужденіи котораго онъ видитъ главнѣйшую цѣль дѣятельности церкви, какъ цѣлаго, такъ что, по его словамъ, распространеніе христіанскаго настроенія и всѣхъ даровъ Духа только вслѣдствіе настроенія составляетъ отличительную черту этого рода дѣйствій. Самый Духъ Божій, дѣйствующій въ церкви въ качествѣ высшаго одухотворяющаго принципа, дѣйствуетъ только въ смыслѣ образованія настроенія (*die Bildung der Gesinnung*) и это составляетъ первое и самое главное содержаніе дѣятельности Духа, подобно тому, какъ настроеніе считается главнѣйшимъ условіемъ нравственно-продуктивнаго процесса. Настроеніе выражается, по словамъ Шлейермахера, и въ вѣрѣ, дѣйствующей любовью (Гал. V, 6), и въ дѣлахъ любви на пользу общества или другихъ и во всякомъ общеніи, именуемомъ словомъ *κοινωνία*;—всюду настроеніе, такъ что, повидимому, нѣтъ ни одной истинно-нравственной дѣятельности, въ которую не входило бы настроеніе въ качествѣ основнаго элемента, нѣтъ ни одного истинно-нравственнаго поступка, въ которомъ бы настроеніе не играло руководящую роль. Для доказательства своей мысли Шлейермахеръ очень искусно пользуется текстами св. писанія и приходитъ къ тому выводу, что, во 1) настроеніе есть нѣчто высшее, чѣмъ сама добродѣтель, потому что послѣдняя есть только нѣкоторый *Quantum* въ реализаціи

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1895 г. № 24.

воли, а первое есть чистое направлѣніе воли, отъ котораго зависитъ самая добродѣтель, и, во 2) что само христіанство различаетъ добродѣтель въ высшемъ смыслѣ и добродѣтель въ низшемъ смыслѣ, ибо для послѣдней существуетъ въ св. писаніи наименованіе ἀρετή, между тѣмъ какъ для первой—наименованіе χάρισμα.

Что же отсюда слѣдуетъ? По точному и прямому смыслу словъ и выраженій слѣдуетъ только то, что въ понятіи добродѣтели христіанство строго различаетъ то, что есть въ ней человѣческаго, являющагося плодомъ нравственныхъ стремленій и усилій, отъ того, что—не отъ человѣкъ, но „Божій даръ“ (Ефес. 2, 8), т. е., что является плодомъ высшаго Богоблагодатнаго озаренія человѣка, результатомъ котораго бываетъ необычайный подъемъ духовно-нравственныхъ силъ, тѣ высшія религіозно-нравственныя движенія ума и сердца, которыя въ словѣ Божіемъ именуется „любовью, радостью, миромъ, долготерпѣніемъ, благостью, милосердіемъ, вѣрою“ (Гал. 5, 22). Самое главное здѣсь-то, что всѣ эти высшія качества человѣческой души, при соотвѣтствующихъ религіозно-нравственныхъ стремленіяхъ, пріобрѣтаются вѣрующимъ христіаниномъ не иначе, какъ при содѣйствіи божественнаго Духа;—вотъ почему и сказано въ св. Писаніи, что „сіе не отъ васъ, но Божій даръ“ (Ефес. 2, 8). Что же значать эти слова для Шлейермахера, который, какъ сказано было раньше, отвергъ понятіе всеозаряющей божественной благодати въ смыслѣ ученія церкви?—Только то, что въ человѣческой природѣ дѣйствуетъ духъ и дѣйствіе духа есть *харисма*, т. е., настроеніе; а что такое духъ по опредѣленію цитируемаго богослова, мы также видѣли: духъ—*пνεῦμα*—въ смыслѣ христіанскомъ есть не что иное, какъ духъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ, только на болѣе высшей ступени. Слѣдуетъ упомянуть, что, если вообще со времени возникновенія раціоналистическихъ идей, въ протестантскомъ богословіи—не рѣдкость искаженіе христіанскаго ученія въ духѣ той или иной философской идеи, то здѣсь, въ богословскихъ трудахъ упоминаемаго писателя, эта попытка представляетъ собою нѣсколько своеобразныхъ чертъ. Мы не говоримъ уже о той ху-

дожественной манерѣ изложенія писателя, которая производи-
ла чарующее впечатлѣніе на всѣхъ почти его современниковъ;
мы хотимъ упомянуть только о томъ, что во всѣхъ его бого-
словско-философскихъ трудахъ проглядываетъ одна существен-
ная тенденція, состоящая въ томъ, чтобы примирить крайности
старой протестантской ортодоксіи съ новыми требованіями ра-
ціонализма. Правда, въ свое время это былъ насущный, на-
зрѣвшій вопросъ: нужно только припомнить, какъ въ эпоху „про-
свѣщенія“ гордо выступилъ раціонализмъ противъ старо-про-
тестантскихъ ортодоксальныхъ вѣрованій, съ какимъ высоко-
мѣріемъ осмѣивалъ онъ догматы церкви, но въ то же время и
раціонализмъ дошелъ въ своихъ взглядахъ на религію до край-
ностей, стараясь свести ее, или „на моральную дѣятельность“
духа, и тѣмъ лишая ее „жизненной силы, коренящейся въ глу-
бинѣ благочестиваго сердца“, или „на сводъ общихъ понятій
естественнаго человѣческаго разума о Богѣ, провидѣніи, без-
смертіи“¹⁾ и т. п. Для Шлейермахера эта борьба получила
характеръ борьбы супранатурализма съ натурализмомъ, отсюда
его замѣчательная въ своемъ родѣ попытка примирить эти,
взаимно-исключающія другъ друга, ученія, отыскавъ тотъ общій
базисъ или пунктъ, на которомъ оба эти ученія могутъ сой-
тись; въ этомъ заключается отличіе его отъ предшествовавшихъ
протестантскихъ богословъ, въ этомъ также отличіе его, какъ
и моралиста.

Не входя въ подробный разборъ всѣхъ тѣхъ путей, коими
достигалось это примиреніе съ точки зрѣнія понятія религіи,
мы обратимъ вниманіе только на то, какимъ образомъ дости-
галась эта цѣль съ точки зрѣнія понятія добродѣтели. Добродѣ-
тель есть *настроеніе*, настроеніе есть *дѣйствіе* духа въ его
высшихъ обнаруженіяхъ; таковы два положенія, которыя ста-
рается доказать въ своей этикѣ (христіанской) Шлейермахеръ.
При этихъ двухъ опредѣленіяхъ легко можно догадаться, что
въ данномъ случаѣ устанавливается точка зрѣнія чисто—*субъ-
ективная*, исключаящая, какъ объективное знаніе вообще, такъ

¹⁾ О. Орнатскій, Ученіе Шлейермахера о религіи (Кіевъ, 1884), стр. 10.

въ частности, то, въ чемъ же заключается существо истинной добродѣтели, и, вдобавокъ, вычеркивающая изъ понятія христіанской добродѣтели все то, что такъ или иначе соприкасается съ понятіемъ усилія, стремленій, подвига и т. п., такъ—какъ послѣдняя сторона добродѣтели, по мнѣнію богослова, имѣеть отношеніе къ области таланта и, слѣдовательно, имѣеть совершенно второстепенное значеніе, а главнымъ остается всетаки настроеніе.

Правда, что въ добродѣтельной жизни важное значеніе имѣеть настроеніе (хотя, по христіанской терминологіи, слѣдовало бы назвать его иначе), однако не лишено значенія также и все то, что имѣеть то или иное отношеніе къ понятію совершенствующей воли. Если даже допустить, что добродѣтель—талантъ въ смыслѣ нравственной способности, то все таки эта способность должна быть совершенствуема тѣми способами, которые отвѣчаютъ высшимъ моральнымъ задачамъ, а, потому, и самое понятіе добродѣтели, какъ таланта, должно получить тогда видъ—не образованія только природы (*Naturbildung*), но, скорѣе всего, совершенствованія духа согласно съ понятіемъ нравственнаго закона. И, въ самомъ дѣлѣ, что такое талантъ въ нравственномъ отношеніи? Это данная отъ Бога способность достигать выснихъ цѣлей бытія согласно тѣмъ даннымъ природы, на основаніи которыхъ складывается личный нравственный характеръ каждаго человѣка. Что такое талантъ съ точки зрѣнія христіанскаго Откровенія? Это—тѣ же духовно-нравственныя способности или силы, съ помощію которыхъ каждый христіанинъ можетъ достигать цѣлей высшаго религіозно-нравственнаго порядка, смотря по условіямъ своей личной духовно-нравственной природы. Способностей можетъ быть меньше и можетъ быть больше („овому убо даде пять талантъ, овому же два“—Мѡ. 25, 15), но всѣ онѣ дадутъ плодъ не иначе, какъ при условіи ихъ развитія, совершенствованія; въ противномъ случаѣ тотъ, кто имѣеть десять талантовъ можетъ остаться въ проигрышѣ сравнительно съ тѣмъ, кто имѣеть пять талантовъ, но за то старается приумножить ихъ своею дѣятельною работою, своимъ бдительнымъ отношеніемъ къ сво-

ему высшему, опредѣляемому христіанскимъ откровеніемъ, призванію, равно какъ и наоборотъ—имѣющій только одинъ талантъ можетъ остаться бесполезнымъ членомъ церкви Христовой, если онъ не прилагаетъ никакихъ стараній къ своему духовно-нравственному развитію или, выражаясь общѣе, къ совершенствованію духа по непреложному ученію христіанской церкви. Какъ бы то ни было, но развитіе таланта въ нравственномъ смыслѣ—означаетъ развитіе духа по условіямъ личной природы человѣка, по тѣмъ даннымъ природы, которыя имѣютъ отношеніе скорѣе къ размѣрамъ таланта (духовно-нравственныхъ способностей), чѣмъ къ его внутреннему существу: въ этомъ послѣднемъ отношеніи всѣ люди, всѣ христіане питаются отъ одного корня,—корня божественной благодати, при воспріятіи которой каждый членъ церкви Христовой можетъ усовершенствовать себя въ мѣру своихъ личныхъ качествъ и совершенствъ. Слѣдовательно, обходить эту сторону дѣла при опредѣленіи добродѣтели какъ таланта, значитъ опредѣлять предметъ только съ внѣшней стороны, минуя его внутреннюю сторону, самое существо, отъ чего и могутъ получиться нѣкоторыя неясности во взглядѣ.

Но, самое главное, изъ какихъ же элементовъ слагается христіанское настроеніе, какъ основа добродѣтели?

Безспорно, въ образованіи христіанскаго настроенія принимаютъ участіе разнообразныя стороны христіанской жизни церкви: однѣ изъ нихъ имѣютъ отношеніе къ объективной сторонѣ христіанства, другія—къ субъективной. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ особенно важную роль въ образованіи христіанскаго настроенія играетъ знаніе. Такъ оно выходитъ по самой сущности вещей, потому что невозможно ожидать самаго чистаго и возвышеннаго настроенія радости христіанъ, если бы они не знали, вслѣдствіе чего она происходитъ и какими причинами объясняется. Когда апостоловъ, при сошествіи на нихъ Духа Святаго въ день Пятидесятницы, заподозрѣли бывшіе свидѣтели этого чудеснаго событія, что они находятся въ ненормальномъ состояніи вслѣдствіе употребленія вина, то ап. Петръ тотчасъ же началъ выяснять причину охватившаго ихъ со-

стоянія неземной радости (Дѣян. 2,17—37) и свою одушевленную рѣчь, сказанную имъ по этому поводу, закончилъ слѣдующими словами: „итакъ, твердо *знай* весь домъ Израилевъ, что Богъ содѣлалъ Господомъ и Христомъ сего Іисуса, котораго вы распяли“ (36 ст.). Стало быть, съ субъективной стороны—во всякой чистой радости христіанъ, сопровождаемой чистымъ и свѣтлымъ воодушевленіемъ, присутствуетъ, какъ и слѣдуетъ ожидать, элементъ сознательности, элементъ чистаго, неомраченнаго своекорыстными побужденіями, знанія. Отъ этого примѣра можно идти дальше и вездѣ можно замѣтить, что, по ученію христіанскаго откровенія, тамъ, гдѣ идетъ рѣчь о христіанской добродѣтели, дѣло не ограничивается однимъ только настроеніемъ, какъ чувствомъ, но всюду предполагается или прямо указывается необходимость знанія, ибо напр., по ученію апостольскому, задача христіанина въ дѣлѣ добродѣтельной жизни заключается не въ томъ только, чтобы упражнять себя въ подвигахъ благочестія, но также и знать, т. е. познавать, „что только истинно, что честно, что справедливо“,—„что только добродѣтель (Филип. IV, 8), испытывать, что благоугодно Богу (Ефес. V, 10), уразумѣвать превосходящую разумѣніе любовь Христову, дабы исполниться всею полнотою Божіею (Ефес. III, 9) и т. п. Этихъ подтвержденій, кажется, достаточно, чтобы понять, какое важное значеніе имѣетъ знаніе въ добродѣтельной жизни: безъ него она лишена была бы характера сознательности и ей недоставало бы той твердой почвы, на которой христіанская добродѣтель прочно стоитъ.

Нельзя сказать, чтобы Шлейермахеръ отрицалъ вполне знаніе для Богооткровенной добродѣтели, но онъ придалъ ему ту условную цѣну, какая свойственна вообще всякому знанію, опирающемуся на данныхъ естественно—человѣческаго развитія и, потому, измѣняющемуся въ зависимости отъ разнообразныхъ условій умственно—нравственнаго человѣческаго развитія и состоянія. Такъ бываетъ и съ христіанскимъ ученіемъ, если оно обосновывается не на данныхъ откровенія, а на простомъ, подверженномъ разнымъ перемѣнамъ и колебаніямъ, человѣческомъ знаніи. По этому поводу любопытно при-

вести мнѣше Шлейермахера о церковномъ преданіи, которое называетъ онъ λόγος ἄγραφος (слово неписанное): „со стороны христіанскаго нравоученія, равно какъ—ученія вѣры мы, писать онъ, были бы мало обезпечены св. Писаніемъ и символическими книгами, если бы стали считать наше положеніе всеобще—церковнымъ; поэтому мы должны обратиться въ качествѣ вспомогательнаго средства къ чему—нибудь другому,—къ λόγος ἄγραφος,—къ тому, что мы называемъ христіанскою нравственностью, вслѣдствіе чего то, что мы не можемъ доказать изъ св. Писанія и символическихъ книгъ, должны подтверждать на основаніи церковной практики въ тѣхъ видахъ, чтобы утвердить свое согласіе съ тѣмъ, что существовало въ церкви въ качествѣ всеобщаго опыта“ ¹⁾. Замѣчательно, что здѣсь церковное преданіе объявлено нужнымъ только въ особо-исключительныхъ случаяхъ въ качествѣ вспомогательнаго средства и, притомъ, годнаго только для подтвержденія той или иной формы церковнаго устройства, того или иного опыта нравственно практическихъ мѣропріятій, да и это, по словамъ цитируемаго богослова, не всегда бываетъ полезно, потому что нравственность развивается подобно тому, какъ „развивается (?) и самая церковь“ ²⁾ (Kirche in der Entwicklung ist); слѣдовательно, не все то, что можно заимствовать изъ священнаго преданія, имѣетъ непосредственное отношеніе къ нашей прогрессивно—развивающейся жизни и формамъ церковнаго устройства. О томъ, насколько важно священное преданіе въ цѣляхъ истолкованія св. писанія, Шлейермахеръ, какъ видно изъ приведеннаго мѣста, даже не упоминаетъ, вслѣдствіе чего является крайне двусмысленнымъ и малопонятнымъ,—въ чемъ же долженъ найти опору для своей нравственной жизнедѣятельности христіанинъ: въ св. Писаніи?—но оно, по словамъ вышеупомянутаго богослова, не богодухновенно и содержитъ въ себѣ много ошибочнаго и лично—субъективнаго, объясняемаго духомъ тогдашняго времени;—въ священномъ преданіи?—но оно, какъ только мы видѣли,

¹⁾ Christ. Sit. p. 95.

²⁾ Ibid. p. 87.

имѣеть отношеніе только въ области практической и мало отвѣчаетъ запросамъ времени;—въ вѣрѣ въ Богочеловѣчество Спасителя?—но мы отчасти видѣли, что такое вѣра во Христа съ точки зрѣнія упомянутаго писателя есть простое довѣріе творческимъ силамъ высшей идеальной природы, подъ вліяніемъ которой Іисусъ Христосъ избавилъ страждущее чело- вѣчество отъ оковъ чувственнаго зла съ тѣмъ предположеніемъ, что чрезъ тѣ же силы высшей идеальной природы чело- вѣчество будетъ спасаться и на будущее время отъ постигаю- щихъ его золъ. Такимъ образомъ на мѣсто ясной и твердой вѣры въ божественность Спасителя, засвидѣтельствованной богопросвѣщенными апостолами и подтвержденной всею жизнью ихъ, всѣми ихъ дѣлами и даже мученическою кончиною, ко- торую многіе изъ нихъ воспріяли, ставится неясная и не- твердая вѣра въ какія-то творческія силы высшей идеальной природы, въ какой-то неудержимый потокъ вѣчно—неустаннаго прогресса, въ которомъ будто бы чело- вѣчество непременно должно совершенствоваться своими собственными силами, един- ственно—чрезъ внутреннюю, психическую основу жизни во- обще, въ частности—чрезъ силу настроенія, какъ основу до- бродѣтели;—на мѣсто той вѣры, изъ которой христіанская до- бродѣтель почерпаетъ силу и крѣпость, противопоставляется вѣра, изъ которой указанная добродѣтель не можетъ почер- пнуть ничего другого, кромѣ морали здраваго смысла, дѣй- ствующаго по условіямъ данной эпохи. Такова мнимо—объ- ективная точка зрѣнія писателя! Ее можно назвать объектив- ною развѣ только въ томъ смыслѣ, что въ качествѣ объектив- ной основы духовно-нравственнаго прогресса признана иде- ально—духовная сила природы, все же другое—самое понятіе объ этой силѣ—основано на вѣрѣ, ничѣмъ не мотивирован- ной и ничѣмъ, кромѣ простого утвержденія, не доказанной, т. е., содержитъ въ себѣ всѣ условія, необходимыя для того, чтобы, вмѣсто прочнаго и твердаго знанія, какое мы почер- паемъ изъ слова Божія и ученія вселенской церкви, водво- рился въ умахъ людей самый крайній субъективизмъ ¹⁾, осно-

¹⁾ Здѣсь-то сказалось, главнымъ образомъ, вліяніе на Шлейермахера Фихте съ его субъективно-философскимъ направліемъ мыслей.

ваннѣй на спорныхъ положеніяхъ, недоказанныхъ идеяхъ людей (или, что то же, школы), отрицающихъ даже самую возможность объективно-достовернаго знанія и, вотъ, въ жертву этого—субъективнаго знанія отдается христіанская добродѣтель, чистота которой столь же, какъ и чистота познанія, должны быть оберегаемы отъ ложныхъ, извращенныхъ доктринъ.

Попытка Шлейермахера отдѣлить принципъ совершенствованія отъ знанія въ смыслѣ общецерковномъ возымѣла свое дѣйствіе среди протестантскаго міра и, если не всѣ оцѣнили, какимъ высокимъ благочестивымъ чувствомъ проникнута его религіозно-богословская тенденція, зато многіе ухватились за эту, возбуждающую много недоразумѣній, попытку: виновника ея всячески презносили, съ особеннымъ рвеніемъ восхваляя вышеуказанный принципъ и примѣненіе его къ христіанской наукѣ, послѣ чего христіанская мораль среди протестантскихъ ученыхъ (особенно раціоналистовъ) все чаще и чаще провозглашалась независимою отъ основъ христіанскаго вѣроученія и въ этомъ заключается вредное вліяніе нѣмецкаго философа-богослова на послѣдующихъ моралистовъ, потому что нужно только сойти съ той твердой почвы, на которой должна прочно стоять христіанская наука: тогда никто уже не можетъ ручаться за то, что въ нее не попадутъ самые разнообразные элементы знанія, ни по своему характеру, ни по своему содержанію не отвѣчающіе божественному Откровенію и ученію церкви, какъ это можно видѣть на примѣрѣ самого философствующаго Шлейермахера.

Изъ того, какъ изображался процессъ совершенствованія, въ смыслѣ формально-психологическомъ, легко можно понять, въ какую сторону должны быть направлены разсужденія писателя о томъ же совершенствованіи въ смыслѣ матеріальномъ. Куда совершенствованіе должно направляться и на чемъ сосредоточиваться? По отвѣту Шлейермахера, общая формула нравственно—продуктивнаго процесса состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть такого отношенія между духомъ и плотью, при которомъ духъ является дѣйствующимъ агентомъ (Agens), а плоть служитъ органомъ, посредствомъ котораго онъ дѣйствуетъ, словомъ—общая

формула вышеуказаннаго процесса состоитъ въ единеніи духа и плоти. Выраженіе „единеніе духа и плоти“ имѣетъ въ данномъ случаѣ не столько психологическій смыслъ, сколько философскій: духъ въ общечеловѣческомъ смыслѣ—νοῦς (умъ), а, съ христіанской точки зрѣнія, есть πνεῦμα, который въ человѣкѣ долженъ быть насажденъ, чтобы все въ немъ, всего человѣка въ противоположности духа и плоти, объединить съ собою и все содѣлать орудіемъ своимъ. Отсюда-то происходитъ великое въ нравственномъ отношеніи явленіе, называемое истиннымъ общеніемъ (κοινωνία); отсюда, по словамъ Шлейермахера, и церковь получила свое бытіе, какъ органическое соединеніе личностей въ качествѣ органовъ распространительнаго процесса съ цѣлью объединить всѣхъ вѣрующихъ во Христа людей въ единствѣ христіанскаго настроенія; отсюда—бракъ или общеніе брачующихся лицъ обоюга пола для рожденія и воспитанія дѣтей, словомъ—понятіе общенія содержитъ въ себѣ два предѣльныхъ пункта въ распространительномъ дѣлѣ: съ одной стороны—брачный союзъ (семья), какъ первоначальную форму натурообразовательнаго процесса и, съ другой стороны, союзъ церкви, какъ пунктъ въ цѣломъ человѣческомъ родѣ конечный. Въ основѣ этихъ обоюга родовъ общенія лежатъ идея высшей идеально-духовной жизни, представляемой Шлейермахеромъ въ смыслѣ реализаціи земныхъ цѣлей бытія; въ кругѣ этихъ цѣлей вращается человѣческая жизнь вообще, въ этомъ же замкнутомъ кругѣ земныхъ цѣлей вращается и жизнь христіанская и—изъ того, что продолженіе человѣческаго рода составляетъ существенную сторону продуктивнаго процесса, само собою, утверждаетъ богословъ, слѣдуетъ, что продуктивный процессъ—всеобщая обязанность людей и что завѣдомо—опредѣленное рѣшеніе не связывать себя брачнымъ союзомъ безъ особыхъ основаній слѣдуетъ считать дѣломъ безнравственнымъ; это будто бы такъ потому, что христіанская семейная жизнь—незамѣнимо—благопріятное условіе для цѣлей интенсивнаго процесса въ христіанствѣ. Въ идеѣ высшей идеально-духовной жизни естественное и сверхъестественное, природа и благодать сливаются во-едино, составляя одинъ и тотъ же процессъ.

Что же такое природа и что такое благодать? Есть ли между ними какое-либо различіе? Есть, по словамъ Шлейермахера, но только „различіе для насъ“: въ сущности же—природа есть исполненіе божественныхъ предначертаній во времени и пространствѣ и въ высшемъ понятіи природы уже заключается также явленіе Христа и все, что Онъ совершилъ для блага людей. А если такова жизнь вообще, если она на высшихъ ступеняхъ развитія содержитъ въ себѣ все необходимое для духовно-нравственнаго возрастанія людей, то послѣднее такъ же просто достигается, какъ просто начинается: для этого нужно время и нравственный союзъ людей: отдѣльные лица въ качествѣ органовъ Духа Св., или, по сказанному раньше—проявленія высшей идеально-духовной силы жизни, совершенствуютъ себя и другихъ, взаимно дополняя другъ друга и чрезъ это, взаимно ослабляя грѣхъ. Если высшая самосознательная дѣятельность человѣка возможна только при условіи вступленія его въ среду общенія въ ту сферу, гдѣ только общеніе можетъ сдѣлаться объектомъ сознанія и условіемъ для нравственнаго совершенства, то—понятно—общеніе (*κοινωνία*) составляетъ сущность интензивнаго процесса въ христіанствѣ и если этотъ родъ общенія долженъ быть понятъ, какъ единство отдѣльныхъ индивидуумовъ въ единствѣ христіанскаго настроенія, то онъ и не можетъ быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ какъ „братскою любовью“. Братская любовь есть принципъ общенія людей и подлинный принципъ блаженной жизни: она означаетъ то, что весь человѣческій родъ сопричастенъ божественному Духу, что различіе между людьми только временное и что братская любовь своимъ универсальнымъ характеромъ обнимаетъ, какъ тѣхъ, которые уже сдѣлались участниками божественнаго Духа, такъ и другихъ, которымъ Онъ долженъ быть сообщенъ и въ этой послѣдней идеѣ уже содержится зерно и сущность экстензивнаго процесса. Съ высшей идеальной точки зрѣнія, всѣ отдѣльные члены христіанской церкви равны другъ другу, какъ собственность божественнаго Духа и, съ другой стороны, неравны, какъ органы Его; такъ какъ процессъ усвоенія Духа Божія не у всѣхъ одинаковъ, что и вы-

зываетъ собою необходимость двойкой задачи, выпадающей на долю каждаго христіанина—сообщенія себя другимъ и воспріятія въ себя христіанской жизни и бытія другихъ, т. е. самодѣтельности и воспріимчивости.

Паря высоко въ сферѣ отвлеченныхъ идей, Шлейермахеръ доходитъ до того, что отрицаетъ на высшихъ ступеняхъ христіанской жизни свободу,—этотъ драгоценный даръ, вытекающій изъ личныхъ отношеній челоѡка къ Богу, какъ сына къ отцу: мы—орудіе божественнаго Духа, мы—Его собственность и Онъ располагаетъ нами какъ Своими органами; Онъ возвышаетъ церковь, какъ цѣлое, и сила Его обнаруживается въ постоянной прогрессіи безотносительно къ индивидуумамъ: въ свободномъ избраніи божественнаго Духа уничтожается граница челоѡческихъ колебаній, перемѣнъ и несовершенствъ, такъ-какъ въ каждое послѣдующее время Онъ обнаруживаетъ себя въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ на болѣе высшей ступени, чѣмъ то было прежде, и опять въ дѣятельности нѣкоторыхъ индивидуумовъ Онъ производитъ нѣчто такое, что выше даннаго времени и къ чему всѣ прочіе должны приближаться. Но недостатокъ свободы въ области нашихъ отношеній къ міру божественному съ избыткомъ возмѣщается свободой жизни христіански-общественной: здѣсь, повидимому, нѣтъ границъ для проявленія свободы, ибо важнѣйшее условіе, при которомъ возможно возрастаніе общества съ внутренней стороны, заключается, по мнѣнію Шлейермахера, въ томъ, чтобы каждый имѣлъ право высказывать свое сужденіе свободно. Свобода должна быть дава въ сообщеніи также того, что является уклоненіемъ отъ нормы, потому что это содержитъ въ себѣ благотворную силу, или же, въ противномъ случаѣ, не можетъ быть никакого возрастанія и преуспѣянія въ обществѣ: это по словамъ его и значитъ: *истинствовать въ любви*. Въ дѣлѣ свободнаго сообщенія истины не можетъ служить надежнымъ указателемъ клиръ (въ особенности, если онъ самъ не выражаетъ въ своемъ ученіи „самосознанія цѣлаго“), такъ какъ и міряне могутъ дѣйствовать въ духѣ живаго познанія для общей пользы. Единственно, что можетъ служить руководственнымъ началомъ въ дѣлѣ сообщенія рели-

гіозныхъ сужденій, это церковь, понимаемая, какъ школа, задача которой въ этомъ отношеніи состоитъ въ томъ, чтобы сохранять и подвергать дальнѣйшей обработкѣ „традиціи опредѣленныхъ ученій“: это достигается, по мнѣнію Шлейермахера, не чѣмъ-либо инымъ, какъ богословіемъ, цѣль котораго—сообщать научныя познанія всѣмъ желающимъ знать христіанское откровеніе и, если, замѣчаетъ онъ, это учрежденіе надлежаще организовано, то богословской наукѣ предстоитъ другая, связанная съ первою, задача—исправлять популярную форму языка, въ коей сообщаются христіанамъ истины откровенія. Та же свобода въ сообщеніи себя другимъ имѣетъ мѣсто также и при богослуженіи: здѣсь все, что имѣетъ характеръ естественнаго выраженія религіознаго чувства, должно найти для себя опредѣленное обнаруженіе и, въ этомъ случаѣ, каждый христіанинъ только тогда достигаетъ степени совершенства, когда онъ имѣетъ нравственное право—въ одинъ моментъ (богослуженія) быть „продуктивнымъ“, а въ другой—„рецептивнымъ“. Впрочемъ, по вопросу о свободѣ Шлейермахеръ дѣлаетъ оговорку, что такъ-какъ ни одного человѣка нельзя представить абсолютно—изолированнымъ, „безъ всякой связи съ цѣлымъ“, то чѣмъ больше все его бытіе проникается общественною жизнью, тѣмъ скорѣе образуется общая мѣрка для всѣхъ, изъ чего само собою слѣдуетъ, что ни одинъ изъ христіанъ, проникнутыхъ духомъ христіанскимъ, не позволитъ себѣ выступать въ такихъ функціяхъ церкви, въ которыхъ требуется наибольшая продуктивность.

Всѣмъ этимъ, однако, не исчерпывается задача христіанина съ точки зрѣнія продуктивнаго процесса: превосходное дѣло—выработать въ себѣ отношеніе братской любви къ окружающимъ людямъ и всему человѣчеству, но при этомъ—каждый христіанинъ долженъ имѣть въ виду также общекультурныя цѣли нравственной задачи и, прежде всего, долженъ пріобрѣсть власть и господство надъ природою: „чтобы разумъ былъ всегда органомъ божественнаго Духа, это—задача въ процесѣ распространенія христіанскаго настроенія, но чтобы вся природа была все болѣе и болѣе органомъ разума, объятаго бо-

жественнымъ Духомъ, это—задача въ процессѣ образованія таланта и природы“. Главный мотивъ, подъ вліяніемъ котораго человѣкъ стремится овладѣть природою, это—сознаніе нравственной жизни, какъ силы, съ которою вмѣстѣ данъ предметъ и въ то же время способность воздѣйствія на него, сознаніе, опирается на первоначальномъ тождествѣ духа и природы, причемъ интеллигенція—вотъ истинное начало человѣческихъ движеній и побужденій; слѣдовательно, и то удовольствіе, которымъ сопровождается нравственно-продуктивная дѣятельность, ни съ чѣмъ такъ болѣе не связано, какъ съ человѣческой интеллигенціей. Если возможность господства человѣка надъ природою основана на первоначальномъ тождествѣ духа и природы въ смыслѣ сознанія этого тождества въ духѣ человѣческомъ, то единство и взаимность процесса образованія таланта и природы основаны на единствѣ и взаимности интеллигенціи и природы причемъ (само собою разумѣется) никто въ этомъ процессѣ не можетъ дѣйствовать изолированно, потому что онъ со всѣми имѣетъ одинъ и тотъ предметъ и то, что происходитъ въ одной части природы, никогда не бываетъ личнымъ, но всегда общественнымъ дѣломъ. На этомъ положеніи утверждается важное въ этическомъ отношеніи правило, а именно, что никто не долженъ исключительно развиваться для себя, касается ли это развитіе образованія таланта или образованія природы, потому что идея абсолютной общности должна содержаться также и въ результатахъ развитія, какъ она содержится въ самой дѣятельности; отсюда получаетъ свое начало право собственности и другое право—обмѣна. Въ томъ, что никто изъ отдѣльныхъ лицъ не можетъ считать своею цѣлью образованіе таланта и природы для себя, уже содержится важный въ нравственномъ отношеніи принципъ *безкорыстія*, слѣдовательно—истинное настроеніе, оцѣнивающее всѣ частности общекультурнаго процесса съ точки зрѣнія отношенія этого процесса къ цѣлому (къ людямъ вообще); причемъ если какой-нибудь предметъ разсматривается приносящимъ гораздо большій результатъ для цѣлаго, чѣмъ если бы онъ оставался во владѣніи отдѣль-

наго человѣка, то въ этомъ содержится другой принципъ благотворенія, выражающій также истинное настроеніе духа. Когда мы, заявляетъ Шлейермахеръ, представляемъ это цѣлое подъ образомъ національнаго единства, при которомъ въ каждомъ отдѣльномъ находятся между собою въ согласіи чувства—личное и общественное, тогда удовольствіе, лежащее въ основѣ распространительнаго процесса есть въ то же время удовольствіе воспріимчивости природы къ типу національнаго образования и во всякомъ случаѣ выражаетъ болѣе опредѣленный характеръ, чѣмъ просто удовольствіе, состоящее въ чувствительности природы вообще къ господству человѣческаго духа и, если, съ другой стороны, то и другое (личное и общественное чувство) находится въ каждомъ, то не иначе, какъ съ характеромъ всеобще—человѣческимъ и только религіозное видоизмѣняетъ ихъ на особенный манеръ. Съ этой же точки зрѣнія разсматривается обязанность самосохраненія, подчиненіе личной свободы интересамъ цѣлаго и т. п. Другой принципъ, посредствомъ котораго христіане осуществляютъ важнѣйшія стороны общечеловѣческаго, культурнаго процесса заключается въ опредѣленной связи дѣятельности отдѣльныхъ лицъ съ настроеніемъ. Считая однимъ и тѣмъ же процессомъ образованіе человѣческой природы (талантъ) и культуру внѣшней природы, Шлейермахеръ такъ оцѣниваетъ оба рода этой дѣятельности: если въ механической дѣятельности образованіе таланта сводится къ нулю, то она уже не можетъ быть болѣе нравственною, потому что тогда связь съ настроеніемъ порывается и человѣкъ превращается въ живую машину; точно также и относительно научной дѣятельности—если научная дѣятельность, какъ талантъ, не есть въ то же время и образованіе природы и не имѣетъ въ виду интересовъ развитія другихъ, то связь съ настроеніемъ порывается и человѣкъ дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ не нравственно, причемъ, сближая все тѣснѣе и тѣснѣе область морали съ областью искусства, Шлейермахеръ приходитъ къ такому заключенію: чѣмъ болѣе въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ устанавливается отношеніе къ искусству, тѣмъ болѣе укрѣпляется въ жизни вся его нравственность.

На это обстоятельство намекаетъ также и вся, изложенная Шлейермахеромъ, теорія личной морали; ибо, по его мнѣнію, главнымъ основаніемъ, въ силу котораго обнаруживается господство духа въ христіанскомъ смыслѣ надъ плотью, или вообще—христіанская добродѣтель, служитъ ни удовольствіе, ни неудовольствіе, какъ въ продуктивномъ и исправительномъ процессѣ, но то особенное состояніе самосознанія, которое характеризуется чувствомъ единства жизни. Къ христіанской добродѣтели, по словамъ нѣмецкаго богослова, непримѣнимо понятіе усилія; она есть всегда извѣстная степень господства духа надъ плотью, вполне достаточная для противодѣйствія извѣстному аффекту и въ этомъ смыслѣ христіанская добродѣтель есть добродѣтель безъ усилій, или нѣчто нравственно—прекрасное, составляющее истинное существо ея. Какъ выраженіе нравственной непорочности или чистоты, она есть состояніе, въ которомъ не требуется самообладаніе, какъ усиліе; ибо оно уже содержится въ самомъ понятіи нравственной чистоты; какъ добродѣтель терпѣнія, она есть чистое выраженіе духа и основнымъ тономъ этого рода жизни служитъ та внутренняя веселость духа, или, что то же, нравственная красота, предъ которою совершенно блѣднѣетъ—непріятная сторона чувственного впечатлѣнія; какъ добродѣтель смиренія, она есть стремленіе къ нравственной красотѣ въ ея противоположности ко всякой интеллектуальной суетности, ко всякому духовному высокомерію и т. д.,—все это такія черты, которыя даютъ основаніе предполагать, что Шлейермахеръ слабо различалъ нравственное въ смыслѣ христіанскомъ и эстетическое въ смыслѣ общечеловѣческомъ и можно привести много доказательствъ въ пользу этого соображенія: такъ самъ онъ опредѣляетъ христіанское богослуженіе, какъ религіозное служеніе искусства, и рекомендуетъ не отдѣлять богослуженія въ широкомъ смыслѣ слова (т. е.,—другими словами добродѣтели) отъ общечеловѣческаго самовыраженія духа, причемъ религіозно-христіанскую и общественно-мірскую мораль различаетъ только въ томъ смыслѣ, что въ религіозной области господствуетъ отношеніе отдѣльнаго индивидуума къ цѣлому, между тѣмъ

какъ въ общественной мірской жизни, напротивъ, это отношеніе отстѣпаетъ на задній планъ и господствующимъ началомъ является отношеніе отдѣльныхъ лицъ къ отдѣльнымъ лицамъ; равнымъ образомъ связь различныхъ элементовъ общественной дѣятельности въ жизни цѣлаго овъ видитъ въ томъ, что чѣмъ слабѣе развита общественно-эстетическая жизнь, тѣмъ меньше успѣховъ дѣлаютъ люди въ натурообразовательномъ процессѣ и совершенствованіи талантовъ, что, по мнѣнію упоминаемаго писателя, сѣуживаетъ область нравственныхъ задачъ, причемъ взаимное отношеніе обоихъ видовъ общественно-эстетическаго и религіознаго служенія не приноситъ, чрезъ свою близость, одно другому вреда, потому что одно включаетъ въ себѣ другое, поскольку оба они сохраняются въ чистомъ видѣ,—находить, что удовольствіе столько же чувственно, сколько и духовно, изъ чего вытекаетъ важное въ нравственномъ отношеніи правило, что при всякомъ удовольствіи, будетъ ли оно касаться ѣды, питья, или чего либо другаго, нужно заботиться о томъ, чтобы не возникла страсть, убивающая собою область эстетически-прекраснаго, выражающагося въ легкости жизни и проч.;—всѣхъ этихъ примѣровъ, кажется, достаточно для того, чтобы видѣть, какъ понималъ Шлейермахеръ взаимное отношеніе трехъ, сродныхъ между собою, областей—эстетическаго и нравственнаго, съ одной стороны, эстетическаго и религіознаго—съ другой, изъ чего, по необходимости, слѣдуетъ сдѣлать выводъ, что если этотъ писатель не вполне отождествилъ указанныя области между собою, то все же мало сдѣлалъ для того, чтобы можно было видѣть ихъ строгое и ясное различіе.

Резюмируя все, сказанное доселѣ относительно принципа, дѣйствующаго въ христіанской морали по мыслямъ Шлейермахера, получимъ слѣдующее: 1) самый важный принципъ, посредствомъ котораго достигается нравственное совершенствованіе, какъ обществъ, такъ отдѣльныхъ людей, заключается въ понятіи *κοινωνία*, или—общенія, которое на высшихъ ступеняхъ христіанскаго самосознанія пріобрѣтаетъ характеръ братской любви, вытекающей изъ сознанія, что всѣ мы хри-

стіане—участники божественнаго Духа, Его—собственность, Его—орудіе, которымъ Онъ располагаетъ по произволу; 2) если всѣ отдѣльные хрістіане равны другъ другу, какъ собственность божественнаго Духа, то они все таки должны быть неравны, какъ органы Его, такъ какъ процессъ усвоенія Его не можетъ быть у всѣхъ одинаковымъ; 3) второй принципъ, посредствомъ котораго хрістіане достигаютъ относительно—высшихъ ступеней нравственнаго совершенствованія, заключается въ томъ, что каждый хрістіанинъ, чтобы быть истинно-нравственнымъ существомъ, обязанъ приобрѣтать господство духа надъ природою, вытекающее изъ сознанія первоначальнаго тождества духа и природы; 4) такъ—какъ господство духа надъ природою достигается упражненіемъ и совершенствованіемъ таланта (на общественномъ базисѣ) и, съ другой стороны, такъ—какъ упражненіе и совершенствованіе таланта есть одно и то же съ натурообразовательнымъ процессомъ въ смыслѣ культуры внѣшней природы, то, слѣдовательно, общечеловѣческая мораль на ряду съ хрістіанскою заключается не въ чемъ-либо другомъ, кромѣ какъ въ равновѣсіи обоихъ элементовъ этого общекультурнаго процесса; и 5) наконецъ, поскольку искусство составляетъ высшій цвѣтъ нравственности вообще и, слѣдовательно, хрістіанской (поскольку именно мораль хрістіанская и общечеловѣческая сходны между собою, т. е. преслѣдуютъ одну и ту же цѣль), постольку и хрістіанская добродѣтель, выражающая собою существо хрістіанской морали, есть не что иное, какъ искусство и заключается въ легкости господства духа надъ плотью въ смыслѣ хрістіанскомъ, въ томъ, что составляетъ истинное существо эстетически—прекраснаго и нравственно—благороднаго, какъ выраженіе чувства единства жизни и сознанія ничѣмъ не омрачаемаго блаженства. Высшій цвѣтъ нравственности есть искусство. Безспорно, если разсматривать искусство съ высшей идеальной точки зрѣнія, оно, послѣ религіи, занимаетъ важное мѣсто въ дѣлѣ общечеловѣческаго развитія, въ дѣлѣ развитія всесторонней гуманности: въ искусствѣ предъ нами изображается дѣйствительный міръ, воспроизведенный художникомъ въ разныхъ образахъ и формахъ съ цѣлью

отраженія интересовъ человѣческаго сердца съ его радостями и скорбями; въ искусствѣ, понятомъ въ смыслѣ практической дѣятельности, осуществляется идеаль истинной гуманности, заключающейся въ томъ, что мы развиваемъ въ себѣ смыслъ и интересъ ко всему, что есть человѣчнаго и—вмѣстѣ съ тѣмъ—ко всему бытію, освобождаясь отъ суеты занятій и, чрезъ это, внутренно обновляясь; удовольствіе есть прямое дѣйствіе, производимое искусствомъ. Однако, какъ бы ни было важно искусство въ дѣлѣ осуществленія идеала человѣчности, мы все же не можемъ считать его высшимъ цвѣтомъ нравственности на томъ основаніи, что послѣдняя имѣетъ свой собственный объектъ и свою собственную задачу. Объектъ ея есть добро, находящееся только тамъ, гдѣ человѣкъ хочетъ осуществлять свое доброе дѣло въ отношеніи къ вѣчной задачѣ своего бытія къ своему вѣчному назначенію. Правда, въ томъ, что человѣкъ въ смыслѣ индивидуума стремится культивировать свои природныя дарованія (талантъ) въ интересахъ общечеловѣческихъ, мы впервые узнаемъ нравственно-добрую волю, но отсюда еще далеко до смѣшенія понятій „нравственнаго“ и „культурнаго“; потому что не все то нравственно, что культурно, потому что всякое культурное дѣло пріобрѣтаетъ нравственный характеръ только въ томъ случаѣ, если мы рассматриваемъ это дѣло въ качествѣ орудія для личной цѣли и самую культуру обращаемъ въ средство для чего-то высшаго. Въ чемъ состоитъ это „нѣчто высшее?“—вотъ этого-то Шлейермахеръ въ точности не опредѣляетъ, а—между тѣмъ—если рассматривать это высшее съ точки зрѣнія отношенія, существующаго между личностью и природою, то основнымъ понятіемъ всякой нравственности будетъ господство разума надъ низшими влеченіями чувственной природы, подчиненіе природы разуму и самое добро тогда будетъ опредѣляемо, какъ царство разума въ исторіи и природѣ, какъ къ этому послѣдовательно пришли въ лицѣ Платона греки и какъ къ тому же самому въ концѣ концовъ пришелъ Шлейермахеръ.

Впрочемъ, въ настоящую минуту для насъ важнѣе не та обще-философская постановка дѣла, въ какую облакаетъ упо-

мянутый писатель свои нравственныя воззрѣнія, а тѣ его соображенія, въ силу которыхъ христіанство отождествляется въ нравственномъ отношеніи съ цѣлями общечеловѣческаго продуктивнаго процесса, и самая добродѣтель христіанская представляется подѣ образомъ эстетически-прекраснаго, выражающагося въ легкости господства духа надѣ плотью и, наконецъ, отношеніе наше къ божественному Духу представляется подѣ образомъ собственности въ отношеніи къ ея владѣльцу.

И. Розановъ.

(Продолженіе будетъ).

Разборъ философскихъ ученій о чувствѣ, какъ основѣ нравственности.

Утилитаризмъ указываетъ основу нравственности въ стремленіи къ самосохраненію, къ развитію полноты личной жизни, въ стремленіи, находящемъ свое выраженіе въ чувствѣ удовольствія. Его ошибка состоитъ въ томъ, что онъ, вопреки прямому свидѣтельству сомосознанія, въ явленіяхъ нравственнаго порядка считаетъ главнымъ то, что служить не болѣе, какъ второстепеннымъ придаткомъ. Замѣчая, что въ явленіяхъ нравственнаго сознанія есть элементъ удовольствія, онъ призналъ это послѣднее основою и конечною цѣлію нравственности. За всѣми же остальными сторонами нравственнаго сознанія онъ призналъ лишь значеніе средствъ, приводящихъ къ удовольствію. Если подобное возрѣніе не согласовалось съ фактами, тогда явленія, противорѣчащія теоріи, признавались преобразованнымъ эгоизмомъ. Болѣе подробное знакомство съ утилитаризмомъ ¹⁾ показало намъ, что желаніе объяснить всѣ нравственныя явленія изъ эгоизма есть предпріятіе неосуществимое, что самое чувство удовольствія, присущее явленіямъ совѣсти, служить не цѣлію нравственности, а лишь слѣдствіемъ и результатомъ нравственной дѣятельности. Естественно поэтому перемѣститъ въ изслѣдованіи нравственныхъ явленій центръ тяжести, т. е., обратить все вниманіе на то, что утилитаристы считали простымъ преобразованіемъ эгоизма и положить это въ основу объясненія. И дѣйствительно, сомнительная цѣнность утилитаризма сознавалась многими мыслителями, которые

¹⁾ Богослов. Вѣстникъ Дек. 1895 г.

съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ боролись съ этимъ ученіемъ, противопоставляя ему свои теоріи. Въ основаніе этихъ теорій они полагали безкорыстныя чувства, входящія въ составъ явленія, хорошо всѣмъ извѣстнаго подъ именемъ совѣсти. Но при этомъ для нихъ могла возникнуть слѣдующая опасность. Совѣсть есть очень сложное и многостороннее состояніе души, но для непосредственнаго наблюденія кажущееся простымъ и неразложимымъ. Отсюда легко притти къ убѣжденію въ его простотѣ и признать одинъ изъ слагающихъ его элементовъ, почему нибудь обратившій на себя особенное вниманіе, за самую его сущность. Подобная ошибка естественно можетъ стать исходнымъ пунктомъ для всей системы. Можетъ возникнуть попытка объяснить всѣ стороны нравственности изъ одного ея частнаго момента. Ясно, что подобныя теоріи могутъ заключать въ себѣ только долю истины и не въ состояніи объяснить всѣхъ фактовъ нравственнаго сознанія. Чтобы при послѣдующей критикѣ яснѣе видѣть, не страдаютъ ли отдѣльныя системы морали безкорыстныхъ чувствъ подобнаго рода односторонностію и неполнотою, мы подвергнемъ предварительно анализу сложное состояніе совѣсти и отмѣтимъ слагающіе его элементы.

Явленіе, извѣстное подъ именемъ довольства и страданія совѣсти, съ перваго взгляда кажется простымъ и неразложимымъ. Но это непосредственное свидѣтельство самосознанія не можетъ служить доказательствомъ дѣйствительной простоты явленія послѣ того, какъ психологіи удалось открыть сложность даже въ такихъ, повидимому, непосредственныхъ актахъ сознанія, какъ простое ощущеніе и воспріятіе пространственныхъ отношеній. Не смотря на видимую простоту явленій совѣсти, мы должны поэтому попытаться открыть его составные элементы. Главнымъ источникомъ для такого анализа можетъ быть конечно только самонаблюденіе. Но наше личное самонаблюденіе не можетъ имѣть здѣсь никакого авторитета и силы убѣдительности. Самонаблюденіе единичнаго лица, пока компетентность его не признана голосомъ значительнаго большинства, всегда можетъ внушать сомнѣніе по двумъ причинамъ. Во-первыхъ потому, что читателю неизвѣстна степень

его способности къ выполнению такой тонкой психологической задачи, а во-вторыхъ потому, что даже при его неоспоримой способности къ самонаблюдению, результаты послѣдняго могутъ имѣть значеніе лишь по отношенію къ личной душевной жизни наблюдателя. Эта послѣдняя однако можетъ представлять собою отклоненіе отъ общаго нормальнаго типа, вслѣдствіе чего и самонаблюденіе въ данномъ случаѣ отмѣтитъ черты, свойственныя не человѣческой природѣ вообще, а одному исключительному недѣлимому. Поэтому мы должны найти такой источникъ для анализа понятія совѣсти, который былъ бы безупреченъ и со стороны тонкости наблюденія, и со стороны его всеобщаго значенія. Таковымъ по справедливости можно признать языкъ и художественную литературу. Въ языкѣ запечатлѣна наблюдательность цѣлаго народа, поэтому въ немъ могли отразиться лишь такія явленія, которыя въ среднемъ выводѣ привлекали къ себѣ вниманіе если не всѣхъ, то большинства слагающихъ его единицъ. А это согласіе многихъ наблюдателей ручается какъ за вѣрность наблюденія, такъ и за всеобщность отмѣченнаго явленія. То же слѣдуетъ сказать и о художественной литературѣ. Тонкость наблюденія и самонаблюденія художниковъ сдѣлалась общимъ мѣстомъ. У великихъ поэтовъ древности, на десятки лѣтъ предупредившихъ рожденіе психологіи, мы найдемъ такое тонкое изображеніе страстей, которымъ этой наукѣ остается только пользоваться. Но что эта повышенная способность художниковъ къ самонаблюдению отмѣчала явленія, свойственныя человѣческой природѣ вообще, а не случайныя ненормальности ихъ личной природы, за это ручается ихъ литературный успѣхъ. Ихъ охотно читаютъ и сохраняютъ для потомства потому, что имъ нельзя сдѣлать упрека, справедливаго по отношенію къ плохимъ поэтамъ:—

„Съ кого они портреты ищутъ?

„Гдѣ разговоры эти слышатъ?

Напротивъ, въ ихъ сочиненіяхъ каждый находитъ яркое изображеніе того, что самъ онъ испыталъ, но чего не могъ понять, осмыслить, выразить въ отчетливыхъ формахъ. Это-то

узнаваніе въ сочиненіяхъ великихъ писателей себя самого, своихъ страстей и чувствъ и дѣлаютъ ихъ особенно цѣпными для насъ. Поэтому, чѣмъ обширнѣе у поэта кругъ читателей, тѣмъ общѣе явленія, изображаемыя имъ. Поэты, которыхъ умѣютъ цѣнить народы всѣхъ странъ и временъ, очевидно, изображаютъ общечеловѣческія свойства, а не случайныя настроенія эпохи, племени и страны. Въ виду этого при анализѣ понятія совѣсти мы будемъ пользоваться лишь великими поэтами: Шекспиромъ, Шиллеромъ, Байрономъ, Пушкинымъ и др.

I.

Въ языкѣ народа замѣчательна его вѣковая мудрость и опытность. Поэтому филологическое изслѣдованіе понятія часто является незамѣнимымъ средствомъ для выясненія его содержанія. При этомъ часто случается, что одинъ народъ въ своемъ языкѣ отмѣчаетъ яснѣе одну сторону предмета, другой—другую. Поэтому бываетъ обыкновенно очень важно сопоставить и сравнить тѣ слова, которыя въ различныхъ языкахъ служатъ для обозначенія изслѣдуемаго понятія. Въ видахъ выясненія содержанія понятія совѣсти, мы и обратимся теперь къ филологическому анализу словъ, употребляющихся для его выраженія. Русскому слову совѣсть въ греческомъ языкѣ соответствуютъ *συνείδησις*, *συνείδησις*, въ латинскомъ—*conscientia*. Переходя къ новымъ языкамъ, мы находимъ, что во французскомъ то же понятіе выражается словомъ *conscience*, а въ нѣмецкомъ словомъ *Gewissen*. Если мы, отбросивъ во всѣхъ этихъ словахъ ихъ переднюю часть, обратимъ вниманіе на ихъ корень, то безъ труда увидимъ, что всѣ они дѣлаютъ весьма замѣтное удареніе на теоретическомъ, познавательномъ моментѣ обозначаемого ими явленія. Въ самомъ дѣлѣ русское—совѣсть происходитъ отъ корня *вѣд*, образующаго родственныя слова вѣдѣніе, вѣдать—синонимы знаніе, знать, греческое—*συνείδησις* отъ глагола *οἶδα* я знаю, латинское и французское отъ *scio* глагола того же значенія. Въ основѣ нѣмецкаго слова *Gewissen* лежитъ корень *wiss*, образующій глаголь *wissen*—знать, прилагательное *gewiss* точный, извѣстный, и родственный корню

wusst, отъ котораго происходятъ прилагательныя bewusst и gewusst сознанный, а также существительное Bewusstsein—сознаніе. На эту же связь совѣсти съ явленіями сознанія и познавательными процессами мысли указываетъ и то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ языкахъ употребляется одно и то же слово какъ для обозначенія сознанія, такъ и для обозначенія совѣсти. Это явленіе наблюдается въ языкахъ греческомъ, латинскомъ, французскомъ, въ которыхъ подлинный смыслъ слова можно различить лишь по контексту рѣчи. Оно указываетъ на такое тѣсное сродство понятія сознанія и совѣсти, при которомъ они трудно поддаются различающей способности обыденнаго, ненаучнаго мышленія и потому сливаются въ одномъ и томъ же слововыраженіи. Но если единство термина для обозначенія понятій сознанія и совѣсти въ нѣкоторыхъ языкахъ указываетъ на ихъ тѣсное сродство, то наоборотъ существованіе отдѣльныхъ словъ для того и другаго понятія въ другихъ языкахъ доказываетъ, что понятія, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, не вполне тождественны и не всецѣло покрываютъ другъ друга. Необходимо допустить въ виду этого, что совѣсть есть сознаніе sui generis и относится къ нему, какъ видъ къ роду. Въ ней есть сознаніе, но имъ не исчерпывается все ея содержаніе. Чтобы опредѣленіе не было слишкомъ широко, къ нему нужно присоединить нѣсколько видовыхъ признаковъ, характеризующихъ собою именно сознаніе совѣсти.

Здѣсь прежде всего нужно остановиться на отброшенныхъ нами приставкахъ сравниваемыхъ словъ. Таковыми во всѣхъ языкахъ, исключая нѣмецкій, служатъ предлоги, соотвѣтствующіе русскому, съ, со, каковы соу и соп. Они указываютъ на совмѣстность дѣйствія. Приставка этихъ именно предлоговъ можетъ быть объяснена бессознательнымъ желаніемъ выразить тотъ фактъ, что явленія совѣсти въ большей или меньшей степени переживаются человѣкомъ совмѣстно съ другими людьми, что каждый человѣкъ при одинаковыхъ условіяхъ испытываетъ аналогичныя состоянія сознанія sui generis, извѣстнаго подъ именемъ совѣсти. Но возможно и другое объясненіе. Слова conscientia, conscience, συνείδησις могутъ обозначать также и одновременное, совмѣстное сознаніе нѣсколькихъ психическихъ явленій, совпадающихъ въ одномъ актѣ или одномъ психи-

ческомъ процессѣ. Ясно также, что два приведенныхъ объясненія нисколько не исключаютъ другъ друга и могутъ быть приняты одновременно. Тогда подъ словомъ совѣсть нужно будетъ понимать сознание, присущее всѣмъ людямъ и одновременно обнимающее нѣсколько объектовъ. Этому объясненію нисколько не противорѣчитъ нѣмецкое слововыраженіе для понятія совѣсти—Gewissen, потому что приставка Ge соотвѣтствуетъ предлогамъ con, cum, со и обыкновенно употребляется для обозначенія существительныхъ собирательныхъ, каковы: Gemüse—овощи, Gestirn—созвѣздіе, Getreide хлѣбъ (вообще), Gerippe (отъ rippe ребро) скелеть, Gemenge—смѣсь, и многія друг.

Итакъ, на основаніи приведенныхъ соображеній можно заключить, что совѣсть есть не что иное, какъ сознание одновременно и совмѣстно обнимающее собою нѣсколько объектовъ и свойственное вообще человѣку. Какіе же это объекты? Что за психическія явленія слагаются въ одно сложное состояніе, такъ хорошо всѣмъ извѣстное и называемое совѣстію? Нельзя ли посредствомъ того же филологическаго анализа понятія указать хотя нѣкоторые элементы занимающаго насъ явленія?

Таковая возможность открывается, если мы обратимся къ еврейскому языку и укажемъ, какими средствами пользуется свящ. Писаніе для выраженія понятія совѣсти. Приведемъ нѣсколько текстовъ. „Не укорить меня, говоритъ Іовъ, сердце мое во всѣ дни мои“¹⁾. „Вздригнуло сердце Давида послѣ того, какъ онъ сосчиталъ народъ. И сказалъ Давидъ Господу: тяжело согрѣшилъ я, поступивъ такъ“²⁾. „Больно стало сердцу Давида, что онъ отрѣзалъ край отъ одежды Саула“³⁾. „Не будетъ сердцу Давида огорченіемъ и безпокойствомъ, что онъ не пролилъ напрасно крови и сберегъ себя отъ мщенія“⁴⁾. Книга псалмовъ говоритъ то о терзаніяхъ сердца грѣшника⁵⁾, то о сердцѣ чистомъ, то о сокрушенномъ⁶⁾. Никто не станетъ спо-

¹⁾ Іова 27, 6.

²⁾ 2 Цар. 24, 10.

³⁾ 1 Цар. 24, 6.

⁴⁾ 1 Цар. 25, 31.

⁵⁾ Псал. 37, 9.

⁶⁾ Псал. 50.

рить, что во всѣхъ приведенныхъ текстахъ рѣчь идетъ о совѣсти, о ея тревогахъ, укорахъ или о ея спокойствіи, одобреніи. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ понятіе совѣсть выражается словомъ сердце *lev*, а сердце вездѣ и всегда считается центромъ, сѣдалищемъ чувствованій, аффектовъ и другихъ подобныхъ же возбужденій человѣческой души. Въ особенности же послѣднее справедливо въ отношеніи къ еврейскому языку ¹⁾. Употребляя слово сердце для выраженія понятія совѣсти, еврейскій языкъ дѣлаетъ сильное удареніе на томъ, что важнѣйшею стороною этого явленія служить чувство. Такимъ образомъ, однимъ изъ элементовъ, которые совмѣстно сознаются въ состояніи возбужденія совѣсти, нужно признать чувство ²⁾.

1) Срав. Суд. 16, 15. Еккл. 31, 11; 5, 12; 13, 12; 14, 13. Пс. 104, 15; 109, 16; 73, 21; 23, 3 и проч.

2) На это же даетъ указаніе точный анализъ нѣмецкаго слова *Gewissen*. По изслѣдованіямъ Гоппе, это слово происходитъ отъ древне-германскаго неопредѣленнаго склоненія *gewizan*, которое обозначало „совершающееся знаніе“, (*sich betheiligendes Wissen*), знаніе, только лишь приобретаемое, т. е., самый познавательный процессъ мысли. Но если всякое знаніе, даже и то, которое однажды было приобретено и сдѣлалось достояніемъ мысли, сопровождается различными чувствованіями, напимѣръ, чувствомъ удовлетвореннаго стремленія къ истинѣ, то познавательный процессъ въ особенности имѣетъ самое ближайшее отношеніе къ ощущающей и эмоціональной сторонѣ нашего духа. Въ содержаніи нашего сознанія нѣтъ ни одного представленія, ни одного понятія, которое не было бы первоначально пережито въ формѣ ощущенія или сердечнаго движенія. Древне-германскіе народы выражали посредствомъ слова *gewizza* приобретение познаній изъ ихъ сердца, т. е., изъ ихъ чувства. Роль чувства была особенно замѣтна въ то время, когда языкъ только слагался, когда понятія жили въ душѣ народа въ формѣ темныхъ чувствъ, потому что еще не нашли своего выраженія въ отвлеченныхъ символахъ слова. Современное человѣчество получило въ наслѣдство отъ своихъ предковъ то, что долго было лишь достояніемъ ихъ чувства и только послѣ продолжительной работы различающей дѣятельности разсудка облеклось въ форму, и было воплощено въ языкъ. Теперь это наслѣдіе усваивается легко и свободно. Происхожденіе и источникъ этихъ понятій—чувствованія—ускользаютъ отъ нашей наблюдательности тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе эти понятія затрогиваютъ и пробуждаютъ первоначально породившія ихъ состоянія духа. Но такъ какъ у первобытнаго человѣка, наоборотъ, первенствующую роль играли чувствованія, то онъ и былъ склоненъ считать мѣриломъ всякаго знанія внутреннее чувство. Отсюда употребленіе слова *Gewissen* вмѣсто *Wissen*, *Wissenschaft*, *Kenntniss* (Hoppe. *Das Gewissen mit Einschluss der Gefühle und der Sitte in ihrem Beziehung zum Gewissen*. Regensburg. 1875. S. 247—249). Такимъ образомъ, и въ нѣмецкомъ названіи совѣсти заключается нѣкоторое указаніе на чувство, какъ на одинъ изъ ея элементовъ.

Болѣе точному опредѣленію совѣсти филологическій разборъ словъ, ее обозначающихъ, способствовать не можетъ. Поэтому мы должны обратиться теперь къ метафизическимъ названіямъ совѣсти, получившимъ наиболѣе широкое распространеніе въ обыденной рѣчи. Чаще всего совѣсть называется законодателемъ, судією и мздовоздаятелемъ. Понятія, заключающіяся въ этихъ метафорахъ, нужно поставить въ отношеніе къ полученному уже опредѣленію совѣсти, какъ сознанія, чтобы точнѣе выяснить ея содержаніе. Въ составъ того вида сознанія, которое извѣстно подъ названіемъ совѣсти, входитъ прежде всего понятіе о законѣ, правилѣ, нравственномъ идеалѣ. Только при этомъ условіи совѣсть можетъ быть названа законодателемъ. Далѣе, въ составъ совѣсти входитъ сужденіе. Это сужденіе или судъ можно понимать въ двоякомъ смыслѣ—или какъ сужденіе о поступкѣ, послужившемъ поводомъ къ возбужденію совѣсти, со стороны его нравственной цѣнности, или же какъ оцѣнка со стороны нравственнаго достоинства самого субъекта, самого „я“, которымъ совершенъ данный поступокъ. Сужденіе это—будетъ ли оно направлено на самый субъектъ или на совершенный имъ поступокъ,—возможно лишь въ томъ случаѣ, если сознанію, составляющему собою, такъ сказать, общій фонъ совѣсти, присуще представленіе о нормѣ, правилѣ или законѣ, съ точки зрѣнія которыхъ это сужденіе происходитъ, потому что сужденіе возможно лишь тамъ, гдѣ есть сравненіе или различеніе или то и другое вмѣстѣ. Это сужденіе и называется образно судомъ совѣсти. Въ метафорическомъ названіи совѣсти мздовоздаятелемъ народная мудрость отмѣчаетъ еще ея исполнительную дѣятельность. Таковою являются тѣ чувствованія, радостныя или мучительныя, на которыя намекаетъ нѣмецкое слово Gewissen и еврейское словоупотребленіе. Если это отправление совѣсти мы поставимъ въ связь съ двумя предшествующими, то должны будемъ заключить, что она стоитъ въ извѣстномъ отношеніи къ сознанію нравственнаго закона и совершающемуся съ его точки зрѣнія сужденію о нравственномъ достоинствѣ субъекта и его дѣятельности. Обобщая результаты филологическаго анализа словъ, употребляемыхъ въ различныхъ языкахъ для обозначенія понятія совѣсти, а так-

же ея метафорическихъ названій, нужно дать такое опредѣленіе изслѣдуемаго понятія. Совѣсть есть сознаніе, одновременно обнимающее собою представленіе о нравственномъ законѣ или идеалѣ, оцѣнку съ его точки зрѣнія субъекта и его дѣятельности, и возникающее вслѣдствіе этого радостное или мучительное чувство.

Это опредѣленіе, полученное путемъ филологическаго анализа, мы подробнѣе раскроемъ теперь и попытаемся иллюстрировать примѣрами, заимствованными изъ художественной литературы. Порядокъ изложенія намъ данъ уже самою послѣдовательностію видовыхъ признаковъ опредѣленія. Прежде всего нужно сказать о сознаніи нравственнаго идеала, или закона, который является необходимымъ элементомъ совѣсти. Каждый человѣкъ по крайней мѣрѣ въ окружающей насъ дѣйствительности, какъ бы низко ни стоялъ онъ по своему умственному и нравственному развитію, непременно имѣетъ нѣкоторыя нормы и идеалы, которыми, по его мнѣнію, долженъ опредѣляться образъ его поведенія и дѣятельности. Эти нормы у человѣка развитаго слагаются въ цѣлую систему и сводятся къ какой-нибудь одной центральной идеѣ или принципу. Если мышленіе даннаго человѣка точно и строго послѣдовательно, то этотъ принципъ служить для него мѣриломъ нравственнаго достоинства всѣхъ его поступковъ, равно какъ и поступковъ другихъ. Но строго говоря, такой послѣдовательности никогда не встрѣчается въ эмпирической дѣйствительности и главнымъ образомъ потому, что трудно втиснуть въ узкія рамки системы все разнообразное содержаніе душевной жизни. Громаднымъ большинствомъ людей нравственный законъ сознается не въ формѣ стройной системы нравственныхъ правилъ, а въ формѣ отдѣльныхъ заповѣдей, которыя, можетъ быть, и проникнуты однимъ духомъ, можетъ быть, и могутъ быть сведены къ одному принципу, но и этотъ духъ и этотъ общій принципъ неуловимъ для него вслѣдствіе недостатка способности къ отвлеченному мышленію и вдумчивости. Оттого-то каждый данный поступокъ въ большинствѣ случаевъ обсуждается не съ точки зрѣнія того отвлеченнаго принципа, къ которому сводятся всѣ нравственные убѣжденія извѣстнаго лица, но

лишь съ точки зрѣнія того частнаго правила, той заповѣди, которыя выражаютъ собою идеаль нравственныхъ отношеній въ сферѣ, непосредственно затрогиваемой совершеннымъ поступкомъ. Такимъ образомъ, убійца особенно отчетливо сознаетъ незаконность именно своего преступленія и въ его сознаниіи съ особенною ясностію всплываетъ заповѣдь: „не убій“, жестокосердіе вызываетъ представленіе о любви и сострадательности и т. д. Такъ какъ представленіе нравственнаго идеала или нравственной заповѣди при возбужденіяхъ совѣсти тѣсно связано съ тѣмъ, что мы назвали ранѣе ея судебною функціею, то пояснить это явленіе особымъ примѣромъ, въ которомъ сознание нравственнаго закона отразилось бы независимо отъ смежныхъ процессовъ, совершенно невозможно. Этотъ элементъ совѣсти мы постараемся выяснитъ тогда, когда будемъ говорить о процессѣ сужденія, свойственномъ ей.

Сужденіе, входящее въ составъ совѣсти, ничѣмъ существеннымъ не отличается отъ сужденій другаго рода ¹⁾. Его отличительными особенностями служатъ во-первыхъ точка зрѣнія, съ которой производится оцѣнка извѣстныхъ явленій, а во-вторыхъ самый объектъ, подлежащій этой оцѣнкѣ. Достоинство вещей можетъ быть оцѣниваемо съ различныхъ сторонъ, напри- мѣръ, со стороны ихъ полезности, изящества, матеріальной стоимости и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ имѣетъ въ виду извѣстную мѣрку или норму, сравнивъ съ которыми оцѣниваемое явленіе, онъ и произноситъ окончательное сужденіе о соответствіи или несоответствіи его съ ними. Процессъ сравниванія иногда можетъ длиться только одинъ моментъ. Это бываетъ обыкновенно въ томъ случаѣ, если соответствіе или несоответствіе вещи съ тою нормою, съ точки зрѣнія которой происходитъ ея оцѣнка, слишкомъ очевидно. Но если разстояніе между нормою и вещію настолько значительно, что для различающей дѣятельности разсудка трудно бываетъ сразу опредѣлить степень приближенія вещи къ идеалу, то процессъ этотъ значительно замедляется. Въ этомъ случаѣ весь процессъ превращается въ діалогъ мыслей. Наше „я“ становится то на сто-

¹⁾ Срав. *Schopenhauer*. Die beiden Grundproblemen der Ethik. S. 170—172.

рону принципа и отмѣчаетъ исключительно тѣ стороны вещи, которыя особенно далеки отъ него, то принимаетъ сторону вещи и останавливаетъ свое вниманіе на тѣхъ ея признакахъ, которые наиболѣе приближаются къ мѣрилу, съ которымъ производится сравненіе этой вещи. Такое колебаніе при оцѣнкѣ вещи бываетъ особенно продолжительно тогда, когда наше „я“ не можетъ удержаться на одной точкѣ зрѣнія, но сознательно или безсознательно измѣняетъ ей. Представьте себѣ, что вы вошли въ лавку съ цѣлію приобрѣсти вещь, руководясь только соображеніями выгоды, но неожиданно эта вещь поражаетъ васъ своимъ изяществомъ. Желаніе приобрѣсти эту вещь и такимъ образомъ удовлетворить своимъ эстетическимъ наклонностямъ вліяетъ на ваше сужденіе о ея дороговизнѣ. Вы долго колеблетесь, сознавая, съ одной стороны, что покупка невыгодна, что вещь очень дорога и проч., а съ другой стороны, подъ вліяніемъ сильнаго желанія приобрѣсти ее, вы снисходительнѣе относитесь къ ея дороговизнѣ и даже стараетесь увѣрить себя въ томъ, что вещь нисколько не дороже своей доброты и изящества. Такое состояніе нерѣшительности и колебанія иногда можетъ продолжаться довольно значительное время. Эта формальная сторона процесса оцѣнки, свойственнаго и совѣсти, ничѣмъ не отличается отъ оцѣнки вещей съ точки зрѣнія ихъ красоты, пользы, выгоды и проч. Сужденіе совѣсти о соотвѣтствіи или несоотвѣтствіи поступка съ нравственною нормою проносится въ умѣ человѣка или съ быстротою молніи, или же растягивается въ довольно продолжительной діалогъ. Первое имѣетъ мѣсто въ томъ случаѣ, когда преступленіе слишкомъ грубо, слишкомъ очевидно его несоотвѣтствіе съ самыми элементарными требованіями нравственнаго закона. Такъ наприимѣръ, лишь только Макбетъ успѣлъ опустить свой мечъ на грудь добраго короля Дункана, какъ внутренній голосъ закричалъ ему: убійца, ты зарѣзалъ невиннаго человѣка во снѣ. Непосредственность этого сужденія была такъ велика, а его появленіе такъ неожиданно, что оно кажется Макбету чѣмъ то внѣшнимъ. Вотъ его разсказъ:

И слышалъ.—

Раздался страшный вопль: „не спяте больше!“

Макбетъ зарѣзалъ сонъ, певниный сонъ,
 Зарѣзалъ искупители заботъ,
 Бальзамъ цѣлебный для больной души,
 Великаго союзника природы,
 Хозяина на жизненномъ пиру.....

По сводамъ замка

Неумолкаемо носился вопль:
 Гламись зарѣзалъ сонъ: за то отнынь
 Не будетъ спать его убійца Кавдоръ,
 Не будетъ спать его убійца Макбетъ!"

Наоборотъ, если преступленіе не такъ грубо, если оно можетъ быть оправдано софистическими уловками, то сужденіе о соответствіи или несоответствіи этого поступка съ нравственною нормою растягивается въ длинный діалогъ. Это же явленіе имѣетъ мѣсто и въ томъ случаѣ, когда нравственныя отношенія запутаны, когда не видно непосредственно, въ чемъ именно въ данномъ случаѣ заключается нравственное поведеніе, когда находится на лицо нѣкоторое столкновение обязанностей. Съ замѣчательною художественною ясностью и правдивостью изображень этотъ процессъ внутренняго обсужденія, сопряженный съ сомнѣніями и колебаніями, въ романѣ В. Гюго: „Девяносто третій годъ“. Вслѣдствіе значительной обширности описанія этого внутренняго процесса мы не имѣемъ возможности привести его здѣсь и отсылаемъ читателя къ подлиннику (стр. 359—365). Продолжительность колебанія и неотчетливость процесса внутренняго обсужденія дѣйствій обусловливается также вмѣшательствомъ въ теоретическій процессъ самолюбиваго чувства, направляющаго его къ оправданію нашего „я“ и освобожденію его отъ тѣхъ страховъ, которыми сопровождаются угрызенія совѣсти. Примѣромъ этого можетъ служить половина знаменитаго монолога короля Ричарда III.

. Ты, совѣсть, жалкій трусъ,
 Мучитель мой
 Миѣ страшно. Но чего жь? Я здѣсь одинъ.
 Я Ричарда люблю и Ричардъ—другъ мнѣ.
 Я—тотъ же я. Здѣсь нѣтъ убійцы. Нѣтъ,
 Здѣсь есть убійца. Да, убійца—я!
 Бѣжать мнѣ? Отъ кого же? Отъ себя?
 И отъ чего бѣжать? Отъ мщенья что-ли?
 Кто жь будетъ мстить? Я—самому себѣ?

Но и люблю себя. За что жъ люблю?
 Иль и себѣ добро какое сдѣлалъ?
 О, пѣты себѣ скорѣй и лютый врагъ.
 За мерзкія дѣла и преступленья
 Я извергъ. Нѣтъ, я лгу— не извергъ я.
 Дуракъ, не лъсти! Дуракъ себя лишь хвалитъ
 Сто изыковъ у совѣсти моей,
 И каждый мнѣ твердитъ по сотнѣ сказокъ,
 И въ каждой сказкѣ извергомъ зоветъ.

Отличительная особенность сужденія, составляющаго элементъ совѣсти, прежде всего заключается въ принципѣ, съ точки зрѣнія котораго происходитъ оцѣнка. Таковымъ служить, какъ мы уже сказали, нравственный законъ, по большей части выражающійся въ частныхъ правилахъ и заповѣдяхъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ конкретной дѣйствительности, и только въ рѣдкихъ случаяхъ сознаваемый въ формѣ принципа, обнимающаго всѣ случаи жизни. Если бы можно было прослѣдить въ подробностяхъ весь этотъ неуловимо быстрый процессъ, то онъ представился бы намъ въ видѣ сложнаго силлогизма такой формы. Честный и хорошій человекъ долженъ избѣгать поступковъ, подобныхъ А, особенно при условіи В и С. Этотъ поступокъ А былъ совершенъ мною и именно при условіяхъ В и С. Слѣдовательно я человекъ низкій и достоинъ презрѣнія. Но при быстрой смѣнѣ мыслей, большая посылка ускользаетъ изъ сознанія, потому что она не останавливается на себѣ нашего вниманія, какъ мысль давно привычная и не поражающая своею новизною. Наоборотъ, меньшая посылка поглощаетъ все сознаніе и вытѣсняетъ изъ него большую. Получается сокращенный силлогизмъ изъ меньшей посылки и заключенія, подобный умозаключенію: я человекъ и слѣдовательно умру. Пояснимъ это монологомъ короля Эдварда въ Ричардѣ III. Вотъ какія слова вырываются у него при извѣстіи о казни брата:

Мой братъ былъ грѣшенъ мыслью, не убійствомъ,
 Но горькой смертью былъ наказанъ онъ.
 Кто за него молилъ? Кто въ гнѣвный часъ,
 Передо мною преклонивъ колѣни,
 Просилъ меня одуматься? Кто вспомнилъ
 И прежнюю любовь, и узы крови?
 Кто мнѣ напомнилъ, какъ мой бѣдный братъ,

Порвавъ связь съ Варвикомъ могучимъ,
 Сталь за меня и бился за меня?
 Кто мнѣ напомнилъ, какъ въ бою тяжеломъ,
 Когда Оксфордъ меня одолѣвалъ,
 Онъ спасъ мнѣ жизнь и ласково сказалъ мнѣ:
 „Живи и будь монархомъ, милый братъ!“
 Кто мнѣ припомнилъ, какъ въ холодномъ полѣ,
 Полузамерзшіе лежали мы,
 И онъ закрылъ меня своей одеждой,
 А самъ, больной, полунагимъ остался
 Подъ ледянымъ сводомъ темной ночи?
 Мой звѣрскій гнѣвъ все это вырвалъ разомъ
 Изъ памяти—и что жъ?—Никто изъ васъ
 Не захотѣлъ къ добру вести мой разумъ.

 Зачѣмъ я самъ не могъ, неблагодарный,
 Его заслугъ припомнить?

 О, вѣрю я, судъ Господа правдивый
 Меня и васъ за это поразить!..

Вторая отличительная черта оцѣнивающей дѣятельности совѣсти заключается въ объектахъ оцѣнки. Таковыми служатъ не объекты, находящіеся внѣ насъ, но само наше „я“, насколько оно проявляется въ дѣйствіяхъ или намѣреніяхъ. Мученія совѣсти, испытываемыя королемъ Ричардомъ, обусловливаются именно его дѣятельностью, противоположною его нравственнымъ идеаламъ.

„Сто языковъ у совѣсти моей“, говоритъ онъ,
 „И каждый мнѣ твердитъ по сотнѣ сказокъ
 И въ каждой сказкѣ извергомъ зоветъ.
 Я клятвамъ измѣпазъ—и страшнымъ клятвамъ,
 Я убивалъ—и страшно убивалъ я,
 Толпы грѣховъ—и гибельныхъ грѣховъ—
 Сошлись передъ оградю судебной
 И всѣ кричатъ: „опъ грѣшенъ, грѣшенъ, грѣшенъ!“
 Отчаянье грызетъ меня. Никто
 Изъ всѣхъ людей любить меня не можетъ;
 Умру я—кто заплачетъ обо мнѣ?
 Меня-ль жалѣть имъ, ежели я самъ
 Себя жалѣть не въ сплахъ и не въ пралѣ?

Предметомъ оцѣнивающей дѣятельности служатъ не только поступки, но и намѣренія. Такъ Макбетъ колеблется предъ совершеніемъ своего убійства. Совѣсть предостерегаетъ его.

Есть судъ и здѣсь: рукою безпристрастной
Подносятъ намъ онъ чашу съ нашимъ лдомъ.
Король Дунканъ вдвойнѣ здѣсь безопасенъ:
Родной и подданный—я не могу
Поднять руки на короля; хозяинъ
Убійца долженъ затворить я дверь,
Не самъ ножемъ своимъ зарѣзать гостя.
Дунканъ царилъ такъ доблестно и кротко,
Высокій санъ такъ чисто сохранялъ!
Его убить? О страшенъ будетъ вопль
Прекрасныхъ доблестей его души!“

Осужденіе совѣсти простирается какъ на отдѣльныя преступленія противъ нравственнаго закона, такъ и на всю порочную и исполненную преступленій жизнь. Примѣромъ перваго можетъ служить Макбетъ, особенно сильно терзавшійся послѣ совершенія перваго преступленія; примѣромъ втораго служитъ Ричардъ III, который совершилъ множество преступленій съ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, заставлявшимъ удивляться всѣхъ окружающихъ. Только ночью наканунѣ рѣшительной битвы всѣ преступленія всплыли въ его сознаніи и произвели давленіе на его мысль и чувство всею своею совокупностью.

Сознаніе совершеннаго преступленія обыкновенно бываетъ очень живо и устойчиво. Оно преслѣдуетъ мысль неотступно, подобно навязчивымъ идеямъ умалишеннаго и не оставляетъ ее ни при какой обстановкѣ. Малѣйшій намекъ будитъ вновь задремавшее сознаніе и образъ совершеннаго встаетъ предъ нимъ съ поразительною ясностью и отчетливостью. Самая мысль о совершенномъ преступленіи является въ сознаніи по большей части въ формѣ чрезвычайно живого конкретнаго представленія, служащаго точною копіей всѣхъ обстоятельствъ дѣла или по крайней мѣрѣ самаго главнаго и отвратительнаго момента его. Такъ убійца даже въ бодрственномъ состояніи и полной наличности энергіи и самообладанія не можетъ освободиться отъ представленія своей окровавленной жертвы. Борисъ Годуновъ жалуется, что у него „мальчики кровавые въ глазахъ“. Но хотя навязчивость этихъ представленій и очень велика, однако сильная воля можетъ до нѣкоторой степени овладѣть теченіемъ своихъ мыслей и собственными усилями удалить изъ нихъ воспоминанія о совершенныхъ злодѣяніяхъ. Впрочемъ, не смо-

тря на эти неизвѣрныя усиля, ужасные призраки исчезаютъ только, такъ сказать, съ поверхности сознанія и продолжаютъ жить полною жизнью въ области бессознательнаго. При первомъ же ослабленіи бдительности и господства надъ теченіемъ мыслей они врываются произвольно въ сознаніе и овладѣваютъ душою человѣка. Это чаще всего бываетъ во снѣ, когда смѣна представленій происходитъ не подъ руководствомъ воли, а опредѣляется механическими законами ассоціаціи представленій. Ричардъ III видитъ во снѣ наканунѣ рѣшительной битвы тѣни невинныхъ, которыхъ онъ погубилъ клеветою, наемнымъ убійствомъ и звѣрскими казнями. Таковъ же кошмаръ Раскольниковъ въ романѣ Достоевскаго „Преступленіе и наказаніе“, во время котораго (кошмара) онъ снова переживаетъ совершенное имъ убійство ростовщицы. Таковы же безумныя грезы Іоанна Грознаго, заставлявшія его въ ужасѣ вскакивать съ своего ночного ложа. Вслѣдствіе ослабленія воли, а съ нею вмѣстѣ и власти надъ теченіемъ мыслей, образы преступленій съ особенною ясностію посѣщаютъ преступника во время горячечныхъ болѣзней, сопровождающихся обыкновенно бредомъ. Хорошую иллюстрацію этого мы видимъ въ поэмѣ Пушкина „Братья разбойники“. Младшій братъ рассказчика, отъ природы надѣленный болѣе нѣжнымъ сердцемъ, чѣмъ онъ самъ, безъ сомнѣнія, тяготился своею преступною жизнью, но подавлялъ голосъ совѣсти усилями воли. Только въ бреду призраки, искусственно подавляемые въ бодрственномъ состояніи, овладѣваютъ всѣмъ его сознаніемъ.

Разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья:
 Предъ нимъ толпились привидѣнья,
 Грозя перстомъ издалека.
 Всѣхъ чаще образъ старика,
 Давно зарѣзаннаго пама,
 Ему на мысли приходилъ...
 Онъ видѣлъ пляски мертвецовъ,
 Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ;
 То слышалъ ихъ ужасный шопоть,
 То вдругъ погови близкой топоть,
 И дико взглядъ его сверкалъ,
 Стояли волосы горою,
 И весь, какъ листъ, онъ трепеталъ.

Иногда волненіе совѣсти бываетъ такъ сильно, что служитъ причиною душевныхъ болѣзней—галлюцинацій и сомнамбулизма. Необыкновенное душевное возбужденіе, въ которомъ находился Макбетъ предъ совершеніемъ преступленій и послѣ нихъ, было причиною галлюцинацій. Таково видѣніе кинжала:

Га! это что? Кинжалъ!
 И рукояткою ко мнѣ! Возьму.
 Ты не даешься, исчезаешь—
 Такъ ты неуловимъ? такъ ты доступенъ
 Однимъ глазомъ—видѣніе роковое?
 Кинжалъ—мечта, дѣя воображенья,
 Горячки, жгущей угнетенный мозгъ?
 Но нѣтъ! Ты здѣсь. Твой образъ осязаемъ
 Не меньше этого въ моей рукѣ,
 Ты въ путь задуманный меня ведешь:
 Такой клинокъ хотѣлъ употребить я.
 Мой глазъ безумствуетъ, иль онъ острѣе
 Всѣхъ прочихъ чувствъ; ты здѣсь еще,
 Вотъ капли крови на твоёмъ клинкѣ;
 Ихъ прежде не было. Нѣтъ, это—призракъ!
 Кровавый замыселъ морочить зрѣнье“.

Это было первое видѣніе Макбета, которое еще распознается имъ, тогда какъ впослѣдствіи онъ теряетъ способность распознавать свои заблужденія въ моментъ галлюцинацій. Видѣніе кинжала стоитъ въ полной зависимости съ мучительнымъ состояніемъ колебанія, которое переживалъ Макбетъ. Кинжалъ этотъ похожъ на тотъ, который онъ держалъ въ своей рукѣ и которымъ намѣревался убить Дункана. Вторая галлюцинація Макбета—двукратное явленіе тѣни только что убитаго имъ Банко. Тѣнь Банко не представляетъ собою ничего страннаго и сверхъестественнаго. Она не произноситъ никакихъ словъ, которыя обыкновенно драматическіе авторы навязываютъ своимъ видѣніямъ—и въ этомъ заключается черта полного соотвѣтствія образовъ поэтическаго творчества Шекспира съ дѣйствительнымъ ходомъ вещей. Тѣнь Банко нѣма, неподвижна; лицо ея окровавлено, потому что Макбетъ передъ тѣмъ только что слышалъ, что Банко получилъ 15 страшныхъ ранъ въ голову, и видѣлъ кровь на лицѣ убійцы.

Лэди Макбетъ женщина совершенно другого темперамента. Энергія ея несокрушима, силы воли у нея больше, нежели у Макбета, и въ то же время у нея замѣчается значительная

тупость чувства. Вслѣдствіе этого она болѣе способна противиться ужаснымъ воспоминаніямъ о совершенномъ преступленіи и устранять изъ сознанія страшныя грезы возбужденной совѣсти. Непроизвольныя муки совѣсти въ концѣ концовъ сламываютъ однако и ея стальную энергію. Вымазавъ кровью лица двухъ слугъ, лэди Макбетъ возвращается изъ комнаты убитаго короля въ бодромъ настроеніи духа.

„Моя рука“, говоритъ она,
 „Красна, какъ и твои, но я стыжусь
 Что сердце у меня такъ бѣло

 Стакапъ воды и дѣло наше смыто,
 И что жъ тутъ важнаго?“

Но ощущеніе теплой крови на рукахъ, ея постепенное свертываніе и сморщиваніе вслѣдствіе этого кожи, соединенное съ нѣкоторымъ зудомъ, долго сохранявшіеся въ складкахъ кожи знаки крови, которую трудно было отмыть стаканомъ воды, и ея своеобразный запахъ—все это произвело глубокое, потрясающее впечатлѣніе даже на холодную и разсудочную лэди Макбетъ. Позднѣе мысль ея должна была часто переноситься къ этимъ ощущеніямъ и повергать ее въ трепетъ и ужась. Эти-то именно чисто фізіологическія ощущенія чувствъ осязанія, зрѣнія и обонянія повторяются безсознательнымъ образомъ во время припадковъ ея сомнамбулизма, „когда воля ея спитъ“. Она третъ свои руки, точно умываетъ ихъ, и въ это время говоритъ: „Вотъ еще пятно... Прочь, проклятое пятно, прочь, говорю я... Однако, кто бы могъ подумать, что въ старикѣ такъ много крови?... Какъ, неужели эти руки никогда не вымоются до чиста?... Все еще пахнетъ кровью. Всѣ ароматы Аравіи не омоютъ этой маленькой руки“...

Мы разсмотрѣли одну сторону совѣсти—ея теоретическій моментъ: особенности нравственныхъ сужденій и оцѣнки, составляющихъ одну сторону этого сложнаго явленія. Теперь мы перейдемъ къ ея, такъ сказать, эстетической сторонѣ, т. е., къ тѣмъ волненіямъ чувства, которыя сопровождаютъ теоретическіе процессы совѣсти.

И. Поповъ.

(Продолженіе будетъ.)

Идея Бога и безсмертіе души предъ вѣдомъ новѣйшихъ критиковъ.

КАРО, члена Парижской Академіи наукъ.

(Продолженіе *).

II.

Мы пытались доселѣ опредѣлить методъ автора. Примемъ же его за то, что онъ есть, и посмотримъ теперь, каковъ онъ въ примѣненіи—постараемся опредѣлить впечатлѣніе, которое мы, закрывъ книгу, вынесемъ о Личности Иисуса.

Весь талантъ художника сосредоточенъ на изображеніи этой великой личности, въ продолженіе столькихъ вѣковъ господствующей надъ душами людей. Онъ безпрестанно возвращается къ этому образу или, лучше сказать, къ образамъ (потому что дѣйствительно у него ихъ три или четыре,—весьма различныхъ между собою: каждый можетъ выбирать!). Онъ никогда не удовлетворяется своимъ созданіемъ и непрестанно начинаетъ его снова, измѣняя черты и краски, иногда даже слишкомъ обременяя свое полотно и утомляя кисть. Но, какъ-бы по какой-то фатальности, всякое новое его усиліе, повидимому, лишь еще болѣе отдаляетъ его отъ цѣли. Сходство съ божественнымъ первообразомъ (*le divin modèle*) уменьшается все болѣе и болѣе. Наконецъ, вы чувствуете себя настолько спутанными въ вашихъ личныхъ впечатлѣніяхъ и въ самыхъ дорогихъ вашихъ воспоминаніяхъ, что болѣе не узнаете уже ни одной черты очаровательной Личности Христа въ томъ чисто фантастическомъ произведеніи, которое вамъ предлагаютъ.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1896 г. № 10.

Все въ этомъ изображеніи есть плодъ фантазіи, исключая развѣ лишь той мѣстности, въ которой дѣйствуетъ Иисусъ. На нѣкоторыхъ страницахъ чувствуется непосредственное впечатлѣніе отъ природы, созерцаемой и воспроизводимой тонкимъ и живымъ воображеніемъ съ тѣмъ легкимъ оттѣпкомъ идеальнаго, который служитъ признакомъ искусства, преобразующаго дѣйствительность. Я знаю немного романовъ изъ этого времени, въ которыхъ было бы сдѣлано болѣе пріятное употребленіе изъ пейзажа. Онъ былъ набросанъ возлѣ того моря, тѣхъ самыхъ деревень, горъ, подъ вдохновеніемъ тѣхъ самыхъ мѣстъ, гдѣ родился Иисусъ. Иерусалимъ, Хевронъ и Самарія—эта *Евангельская область*—ожили подъ кистью Ренана. Но особенно удалась Галилея. Она представлена намъ не такою, какъ она является намъ теперь, въ угрюмомъ и душу раздирающемъ видѣ, который исламизмъ кладетъ на все, не исключая и самой человѣческой жизни, а—такой, какою она должна была быть тогда, во всемъ блескѣ своей зелени и свѣжести,—*истинной страной Пѣсни Пѣсней и пѣсенъ о возлюбленномъ*. На вершинѣ горы Назаретской, куда ни одинъ современный человекъ не можетъ взойти безъ нѣкотораго безпокойнаго чувства за свою судьбу, поэтъ останавливаетъ насъ для созерцанія чудесной деревни, изобилующей видами и плодами густыхъ лимонныхъ и апельсинныхъ лѣсовъ,—этого *очаровательнаго округа, этой колыбели царства Божія, горизонта Иисуса*. Воздухъ тамъ свѣжъ, легокъ и чистъ; вся природа радуется; сами животныя участвуютъ въ этомъ праздникѣ природы. И вотъ серьезный историкъ, еще весь восхищенный своими воспоминаніями, описываетъ намъ „стройныхъ и рѣзвыхъ горлицъ, голубыхъ дроздовъ,—такихъ легкихъ, что они сидятъ на травѣ не сгибая ея; хохлатыхъ жаворонковъ, которые почти садятся подъ ноги путешественникамъ; маленькихъ, выползшихъ изъ ручья черепахъ, съ живымъ и кроткимъ взглядомъ, аистовъ съ цѣломудреннымъ и важнымъ видомъ, которые, нисколько не боясь человека, позволяютъ ему очень близко подходить къ себѣ и какъ-бы зовутъ его“ ¹⁾).

¹⁾ Стр. 65.

На каждой изъ такихъ страницъ хочется воскликнуть: „Прелестная пастораль (пастушеская поэма)! Можетъ-ли что-нибудь быть милѣе и пріятнѣе ея“?

Ренанъ дѣлитъ свое поэтическое произведеніе на два различныхъ и рѣзко различающихся другъ отъ друга періода.

Огнь хочетъ сдѣлать для Іисуса то, что сдѣлано для Магомета: „Коранъ, въ самой безсвязной формѣ предлагающей намъ отрывки изъ различныхъ эпохъ жизни Магомета, выдалъ свою тайну остроумной критикѣ; почти съ полною достовѣрностью теперь ей удалось открыть хронологическій порядокъ, въ которомъ были составлены эти отрывки. Подобное возстановленіе Евангелія гораздо труднѣе, такъ какъ общественная жизнь Іисуса была короче и бѣднѣе событіями, чѣмъ жизнь основателя Ислама. Однако и здѣсь попытка найти нить, чтобы вырваться изъ этого лабиринта, не можетъ быть заранѣе разсматриваема, какъ бесплодная и тщетная тонкость. Не будетъ большимъ злоупотребленіемъ гипотезой, если мы предположимъ, что основатель религіи начинаетъ съ того, что примыкаетъ къ нравственнымъ афоризмамъ, которые уже употреблялись въ его время и къ приемамъ, которые имѣли тогда успѣхъ; что, какъ человѣкъ болѣе зрѣлый и вполне владѣвшій своею мыслию, онъ находитъ удовольствіе въ нѣкоторомъ родѣ спокойнаго поэтическаго краснорѣчія, далекаго отъ всякаго спора, пріятнаго и свободнаго, какъ чистое чувство; что затѣмъ мало-по-малу онъ возбуждается, воодушевляется отъ противорѣчія, которое встрѣчаетъ, и кончаетъ полемикой, сильными прещепіями. Таковы періоды, ясно различаемые въ Коранѣ“. Ренанъ сознается, что довольно трудно дать положительныя доказательства въ подтвержденіе подобнаго-же раздѣленія жизни Іисуса; но онъ ссылается, съ одной стороны, *на чувство живого организма*,—этотъ основной его критерій для всей религіозной исторіи,—который говорилъ ему, что все должно было произойти именно такъ, а съ другой—на внимательное чтеніе ев. Маттея, гдѣ онъ думаетъ найти градацію (постепенность), аналогичную той, какую указываетъ. „Впрочемъ, прибавляетъ онъ, *осторожность въ выраженіи и оборотахъ*, которые мы упо-

требляемъ, когда дѣло идетъ объ изложеніи развитія идей Іисуса, легко будетъ замѣчена“.

Эта „осторожность“, на которую Ренанъ указываетъ очень кстати, спасаетъ все. Признаюсь, внимательное чтеніе евангелиста Маттея не открыло мнѣ ничего подобнаго той постепенности, на которую указываетъ Ренанъ. Я получилъ даже отъ чтенія Евангелій совершенно противоположное впечатлѣніе. Что особенно поражало меня каждый разъ при такомъ чтеніи,—такъ это почти полное отсутствіе хронологическихъ датъ, что, по моему, ясно свидѣтельствуеть о невозможности обозначить порядокъ развитія или „прогрессъ“ въ идеяхъ Іисуса. Мнѣ казалось однимъ изъ поразительнѣйшихъ свойствъ евангелия именно то, что на каждой страницѣ его, какую ни откроешь, видишь возвращеніе одной и той же фигуры, одного и того же священнаго Образа,—при всемъ разнообразіи мѣстъ, въ которыя его вводитъ повѣствованіе, и окружающихъ лицъ: Его волнуютъ, конечно, различныя чувства, смотря по обстоятельствамъ, но съ первыхъ-же строкъ онъ является уже съ опредѣленными чертами, во всей своей божественной и живой опредѣленности. Тонъ Его рѣчи измѣняется при переходѣ отъ одного повѣствованія къ другому: то онъ дышетъ несравненной кротостью, когда сѣетъ въ грубыхъ умахъ, слушающихъ его у озера Тиверіадскаго, удивительныя притчи; то преисполненъ гнѣва противъ фарисеевъ или противъ продавцевъ въ храмѣ, противъ лицемѣровъ или корыстолюбцевъ. Но съ перваго и до послѣдняго дня это—все та-же душа, все то-же ученіе, та-же вѣра въ Бога—Отца, та-же религія любви къ Богу, чистоты сердца, небесныхъ надеждъ, отреченія отъ земли, съ перваго до послѣдняго дня это все тотъ же Христосъ. Нѣтъ развитія, „прогресса“ ни въ Немъ, ни въ его идеяхъ, потому что нѣтъ измѣненія; и чисто идеальная хронологія, обозначаемая словами: *въ то время... тогда... случилось, что...* эта хронологія, по методу, удивительно отвѣчаетъ самому характеру ученія, которое не имѣло исторіи въ душѣ Іисуса и которое, отождествляясь съ этой самой душой, открывается въ своей полной и чистой идеальности, съ первыхъ страницъ Евангелия св. Маттея—нагорною проповѣдью.

Вернемся, однако, къ гипотезѣ Ренана. Двѣ весьма различныя части его книги соотвѣтствуютъ двумъ періодамъ, которые онъ произвольно вводитъ въ жизнь и характеръ Іисуса. Въ первой части Іисусъ-Галилеянинъ живетъ на берегу любимого имъ озера, уже поучая и проповѣдуя, но исправляя юдаизмъ скорѣе чистотою своей души, чѣмъ спорами. Во второй—начинаетъ дѣйствовать уже реформаторъ: Іисусъ вступаетъ въ борьбу со всѣми властями чистаго (правовѣрнаго) іудейства, бросаетъ имъ вызовъ и, побѣждая его представителей фариисеевъ, при этой побѣдѣ умираетъ, завѣщая ученикамъ жизнь, которая станетъ легендой, а міру—тищъ, изъ котораго сдѣлаютъ Бога.

Не въ правѣ ли мы, по крайней мѣрѣ, требовать, согласно съ правилами, выставляемыми самимъ Ренаномъ (*внутренніе законы жизни, развитіе органическихъ продуктовъ*), чтобы въ его изображеніи жизни Іисуса былъ логическій переходъ отъ одного къ другому изъ тѣхъ двухъ лицъ, которыя смѣняютъ другъ друга при кажущейся тождественности Ренановскаго Іисуса? Нѣтъ. Обѣ эти личности остаются другъ другу вполне чуждыми: никакое усиліе искусства не можетъ заставить насъ допустить, чтобы изъ нѣжнаго и чистаго Галилеянина, образъ котораго придаетъ такую очаровательность легкимъ очеркамъ Ренана, могъ затѣмъ развиться мрачный сектантъ, котораго Ренанъ, въ концѣ своей „исторіи“ заставляетъ появляться передъ нами. Между этими двумя лицами нѣтъ перехода; напротивъ есть противорѣчіе.

Одно лицо назаретскій плотникъ ¹⁾, есть простой провинціалъ; менѣе того—молодой деревенскій житель, не имѣющій никакого понятія объ исторіи или политикѣ и смотрящій на міръ только сквозь призму своей наивности. Земля представляется ему раздѣленной на враждующія царства; ему повидимому, неизвѣстенъ „римскій міръ“ и новое состояніе общества. Веселая и величественная природа, среди которой онъ родился,—вотъ все его воспитаніе. Сомнительно даже, чтобы онъ хорошо

¹⁾ Мнѣ не нужно конечно предупреждать читателя, что всѣ эти черты Іисуса заимствованы мною у Ренана.

понималъ еврейскія сочиненія на ихъ оригинальномъ языкѣ. Ни прямо, ни косвенно ни одинъ элементъ греческой культуры не дошелъ до него. Такимъ образомъ, его умъ могъ сохранить ту откровенную наивность, которую всегда ослабляетъ обширная и разнообразная культура. Было бы, однако, большою ошибкой думать, будто Иисусъ былъ тѣмъ, что мы называемъ теперь „необразованнымъ“ или невѣждою. Мягкость манеръ и острота ума не имѣютъ на Востокѣ ничего общаго съ тѣмъ, что мы называемъ воспитаніемъ. Иисусъ, хотя и „необразованный“, по нашимъ современнымъ понятіямъ, былъ, однако изящною личностью, тонкимъ и радостнымъ моралистомъ: его одушевляетъ нѣжное чувство къ женщинамъ; онъ любитъ развлечения, какъ это доказываетъ бракъ въ Канѣ, и является на *пиршествахъ* особенно любезнымъ и мягкимъ. „Вся исторія нарождающагося христіанства была лишь прелестною пасторалью... Мессія на брачныхъ пиршествахъ, куртизанка и добрый Закхей, званные на его пиршества,—вотъ основатели царства небеснаго, являющіеся предъ нами какъ-бы въ видѣ свиты друзей; вотъ на что Галилея осмѣлилась; вотъ что заставила она принять“¹⁾).

Первыя проповѣди Иисуса вполне отвѣчаютъ этому характеру: это простые афоризмы. „Голосъ молодого плотника получилъ вдругъ необычайную кротость. Отъ него распространялась безконечная прелесть“. Ренанъ находилъ удовольствіе въ этой идилліи, безпрестанно возобновляя эту почти дѣтскую поэмю о буколическомъ христіанствѣ. Нота мягкая, въ тонѣ слегка минорномъ и, въ своемъ продолженіи, пожалуй, немного приторна (fade).

Вотъ первый образъ (portrait) Иисуса. Впрочемъ, довольно трудно обозначить вѣрно тотъ пунктъ, гдѣ начинается второй и кончается первый. Это не значитъ, что есть постепенный переходъ отъ одного къ другому, но во многихъ мѣстахъ есть неясности. Ренанъ напрасно пробовалъ слить нѣсколько красокъ двухъ изображеній Иисуса въ одно гармоническое цѣлое: эти краски не сливаются, а смѣшиваются или скорѣе стапки-

¹⁾ Стр. 67.

ваются. Его попытки соединить эти двѣ фигуры, столь отличающіяся другъ отъ друга, производятъ на насъ тяжелое впечатлѣніе чего-то несогласованнаго. Разумѣется, я говорю теперь лишь съ точки зрѣнія искусства. Съ точки зрѣнія исторіи и критики я былъ бы еще строже. Это удвоеніе Іисуса представляется мнѣ наименѣе допустимой и наиболѣе печальной изъ всѣхъ Ренановскихъ химеръ (chimères).

Вторая часть книги представляетъ намъ Іисуса, оставляющаго посохъ галилейской идилии для того, чтобы рѣшительно взять скипетръ сына Давидова и сына Божія. Мессія начинаетъ дѣйствовать. Всевозможныя затрудненія увеличиваются вокругъ него, препятствія появляются на его дорогѣ, торжественный путь проходитъ около пронастей. Мы едва осмѣливаемся сказать, какъ передѣлываетъ или точнѣе, какъ искажаетъ Ренанъ этотъ божественный типъ, этотъ предметъ поклоненія всего человѣчества,—Основателя религіи, которою живетъ міръ. Іисусъ, по Ренану, для поддержанія своей личности, дѣлаетъ будто-бы уступки народнымъ требованіямъ, напримѣръ, принимаетъ крещеніе Іоанново: *„Во всѣ эпохи, говоритъ Ренанъ,—онъ, повидимому, много уступалъ общественному мнѣнію и принималъ много такого, что не лежало въ направленіи его дѣятельности,—единственно потому, что это было народно; впрочемъ, эти уступки никогда не вредили его главной мысли и были ей подчинены“*. Онъ будто бы самъ допускалъ, по крайней мѣрѣ молчаливо, тѣ невинныя обманы, которыми его ученики распространяли фиктивные родословныя, причислявпія его по рожденію къ роду Давида, и болѣе чѣмъ неправильныя приемы, которыми окружающіе старались доказать, что онъ вполне отвѣчаетъ всему тому, что пророки предсказали о Мессіи. Наконецъ, онъ будто-бы по неволѣ становится чудотворцемъ и изгоняетъ бѣсовъ ¹⁾. Онъ долженъ былъ будто-бы выбирать между двумя положеніями: или отказаться отъ своей миссіи, или творить чудеса. Онъ выбралъ послѣднее. Иногда кажется, что эта роль ему непріятна: *„Позволительно*

1) Стр. 268.

думать,—говорить Ренанъ,—что ему навязали славу чудотворца; что онъ недолго этому противился, но что онъ также ничего не дѣлалъ и для того, чтобы укрѣплять этотъ взглядъ на себя и что во всякомъ случаѣ онъ чувствовалъ суетность общаго мнѣнія въ этомъ отношеніи“¹⁾). Исторія чудеснаго воскрешенія Лазаря и объясненіе, которое пытается дать намъ Ренанъ, заслуживало бы особаго разбора: никогда не было нанесено Іисусу болѣе тяжелаго, „кровнаго“ оскорбленія, чѣмъ усвоеніемъ Ему активной роли въ той жалкой шуткѣ, которую сочинилъ Ренанъ!...

Впрочемъ, съ точки зрѣнія Ренана и его приверженцевъ, все это не важно. Его теорія *различныхъ степеней искренности* (*théorie des sincérités graduées*) спасаетъ все. То, что возмутило бы насъ, людей наивныхъ, совсѣмъ и нисколько не трогаетъ критики 19-го столѣтія, особенность которой состоитъ, кажется, именно въ томъ, чтобы ничѣмъ не возмущаться и только стараться все понять. Іисусъ былъ восточный человѣкъ—вотъ первое извиненіе. Однако, откровенность съ самимъ собою имѣетъ не много смысла у восточныхъ народовъ, мало привыкшихъ къ тонкостямъ французскаго ума! Другое извиненіе, на которое ссылается Ренанъ, есть положеніе, общее всѣмъ „великимъ людямъ“,—положеніе, по которому исторія будто-бы невозможна, если не допустить открыто, что для искренности существуютъ *различныя мѣрки*. „Всѣ великія дѣла совершаются народомъ, а народомъ можно управлять, только отдаваясь его идеямъ... Когда мы со своими сомнѣніями достигнемъ того-же, что эти герои дѣлали своими обманами, только тогда получимъ мы право относиться къ нимъ строго“²⁾)... Единственный виновникъ въ подобныхъ случаяхъ это само человѣчество, которое хочетъ быть обманываемымъ“³⁾). Философъ, въ духѣ Ренана, ради тѣхъ „значительныхъ результатовъ“, которые иногда достигаются ложью, какъ видимъ, го-

1) Стр. 265.

2) Стр. 253.

3) Стр. 254.

товъ относиться къ ней снисходительно: онъ не возмущается ея проявленіями и не насмѣхается надъ ними. Но я, съ своей стороны, предпочелъ-бы шутки Вольтера апологіи подобнаго рода.

Примираясь съ общественнымъ мнѣніемъ, навязывающимъ извѣстную роль, и выполняя ея тяжелыя условія, Іисусъ, по Ренану, начинаетъ относиться все болѣе и болѣе страстно къ своимъ противникамъ. Его идеи становятся горячѣе, страстнѣе и возбужденнѣе; расположеніе духа становится тяжелѣе,—отъ противорѣчій. Онъ дѣлается неяснымъ и апокалиптичнымъ (apocalyptique); его понятіе о сынѣ Божіемъ становится смутнымъ и преувеличеннымъ. Онъ приходитъ въ столкновение и возмущается при сношеніи съ міромъ: *недовольство* (mauvaise humeur) *каждымъ сопротивленіемъ приводитъ его къ необъяснимымъ и, повидимому, даже нелѣпымъ (absurdes) дѣйствіямъ.* Его борьба съ дѣйствительностью становится невыносимой. Является фанатизмъ; скоро онъ и совсѣмъ переступаетъ всякія границы. Іисусъ, который, казалось, былъ свободенъ почти отъ всѣхъ недостатковъ евреевъ, кончаетъ тѣмъ, что заражается всѣми непріятными страстями этой расы, которой кисть Ренана мало польстила. Онъ раздражается бранью противъ своихъ враговъ. Онъ жаждетъ смерти: *наступило время, чтобы смерть явилась разрѣшить натянутое до крайности положеніе.* Въ немъ не остается уже болѣе ничего изъ небесной ясности первыхъ дней. Преувеличивая свои выраженія до крайности, едва вѣроятной въ столь прославленномъ писателѣ, Ренанъ кончаетъ тѣмъ, что называетъ Іисуса послѣднихъ дней *мрачнымъ гигантомъ* (géant sombre), котораго какое то грандіозное предчувствіе все болѣе и болѣе обособляло отъ всего остальнаго человечества.

Мрачный гигантъ! Вотъ какъ мы далеки отъ пастушеской поэмы! И вся эта перемѣна произошла въ какіе-нибудь два года! Развѣ это значитъ слѣдовать знаменитымъ *законамъ организма*, которые требуютъ, чтобы каждая перемѣна имѣла свою причину въ предыдущемъ состояніи? Я вижу здѣсь только внезапное превращеніе,—настоящую Овидіеву метаморфозу. Развѣ это *тотъ* рассказъ, который обѣщаль намъ Ренанъ,—рассказъ

логичный, правдоподобный, чуждый всякой фальши? Что-же вышло изъ этого пресловутаго закона, „органическаго единства?“ Да, Ренана осуждаетъ его собственный *критерій*, а не я...

Однако, того, кто будетъ ближе изучать это романическое сочиненіе, ожидаетъ въ немъ нѣчто, еще болѣе изумительное. Между двумя противорѣчивыми изображеніями Іисуса, соотвѣствующими двумъ періодамъ его жизни, проскользнулъ очеркъ, имѣющій свою цѣну и заслуживающій полного освѣщенія: это — характеристика (*esquisse*) Іисуса новѣйшихъ временъ, почти нашего современника. Конечно, этотъ основатель христіанства не христіанинъ. Ренанъ опредѣляетъ христіанство на первой страницѣ своей книги какъ религію, основанную на ученіи о божественномъ единствѣ, св. Троицѣ и воплощеніи Сына Божія. Но Іисусъ, котораго, такъ сказать, открылъ Ренанъ, не имѣлъ никакого понятія ни о божественномъ единствѣ, какъ его опредѣляетъ христіанская догматика, ни о св. Троицѣ, ни о воплощеніи. У него, правда, было нѣсколько представленій (*unes*) объ Отцѣ, Сынѣ и св. Духѣ, изъ которыхъ позднѣе вывели понятіе о св. Троицѣ и воплощеніи, но они оставались у него еще въ состояніи неопредѣленныхъ образовъ... Опъ есть сынъ Божій; но вѣдь и всѣ люди суть сыны Божіи или могутъ быть ими въ разныхъ степеняхъ. Никогда Іисусъ не думалъ выдавать себя за воплощеніе Бога¹⁾.

У него также не было будто-бы и никакой теологіи, никакого символа, никакого таинства въ обыкновенномъ смыслѣ слова: крещеніе для Іисуса было будто-бы чѣмъ-то не существеннымъ, второстепеннымъ, а Евхаристія — простою метафорою. Зато онъ заложилъ основаніе религіи чистой, вѣчной, абсолютной, окончательной, такъ какъ она освобождена у него отъ всякой теологіи, отъ всякаго догмата и оффиціальнаго обряда. Онъ основалъ культъ чистый, (внѣвременный, всемірный, безъ отечества), — культъ, котораго будутъ держаться всѣ возвышенныя души до конца временъ²⁾. Іисусъ не теологъ, имѣющій

¹⁾ Стр. 212, 297.

²⁾ Стр. 128, 244, 305.

болѣе или менѣе хорошо построенную систему. Чтобы быть ученикомъ Иисуса, нужно было только одно—привязаться къ нему и любить его. Единственная теологія, которую онъ знаетъ, есть теологія любви.—Я хотѣлъ бы, однако, знать, что такое религія, которая основана на чистомъ чувствѣ, освобожденномъ отъ всякаго догмата,—даже отъ догмата о Богѣ? Что такое чувство безъ объекта, который бы его поддерживалъ и возбуждалъ? Развѣ утвержденіе этого объекта не есть уже догматъ? Намъ говорятъ: когда рѣчь идетъ объ Иисусѣ, то нужно отказаться отъ всякихъ споровъ о деизмѣ и пантеизмѣ,—отъ всѣхъ споровъ, которыми занимаются „умы мелкіе“. Для такихъ людей, какъ Иисусъ, Сакья-Муни, Платонъ, св. Павелъ, подобные вопросы не имѣютъ смысла. Они ни деисты, ни пантеисты. Они чувствуютъ божественное въ самихъ себѣ, не спрашивая себя есть-ли Богъ существо опредѣленное внѣ насъ или нѣтъ ¹⁾. Только сухой умъ Декарта заглушилъ будто-бы въ нашихъ сердцахъ всякое плодотворное чувство божественности, чрезъ то какъ-бы умаливъ Бога, *ограничивъ Его исключеніемъ изъ понятія о Немъ, всего, что не есть Богъ.*

Наконецъ, Иисусъ, по Ренану, идеалистъ, а не спиритуалистъ. Онъ не имѣлъ будто-бы ни малѣйшаго понятія о душѣ, отдѣльной отъ тѣла, равно какъ никогда не имѣлъ яснаго понятія о томъ, что такое индивидуальность, такъ какъ тѣло для него ничто, а вѣдь только тѣломъ различаются между собою отдѣльныя лица ²⁾. Изъ всего этого слѣдуетъ, что онъ понималъ безсмертіе въ томъ смыслѣ, какъ Ренанъ самъ его понимаетъ, т. е., двумя или тремя различными способами, которые очень трудно согласовать между собой, но изъ которыхъ самый ясный тотъ, который утверждаетъ, что нѣтъ безсмертія въ собственномъ смыслѣ слова, такъ какъ действительскій догматъ о безсмертіи души находится будто-бы въ противорѣчій съ физиологіей.

Въ этомъ эскизѣ недостаетъ лишь одной черты: Иисусъ на 19

¹⁾ Стр. 225, 234, 445 и т. д.

²⁾ Стр. 74.

вѣковъ раньше критической школы основалъ *великое ученіе о равнодушіи ко всему трансцендентному* (превышающему опытъ) ¹⁾.

Хотѣлось бы, однако, думать, что всѣ эти опредѣленія суть не что иное, какъ нѣкоторая хитрость, уловка—для того, чтобы обновить предметъ и придать ему болѣе современный оборотъ. Эта изящная личность, питающая ужасъ къ теологін; этотъ философъ чистаго чувства,—ни деистъ, ни пантеистъ, ни спиритуалистъ; этотъ великій образецъ ироніи (!?), поожиданный основатель ученія о презрѣннѣи ко всему трансцендентному... Иисусъ—ли это? О немъ-ли здѣсь идетъ рѣчь? Путемъ незамѣтныхъ превращеній эта великая личность въ концѣ концовъ удивительно приближается къ намъ. Еще немного,—и она будетъ походить, хотя быть можетъ и не вполне, на кого-нибудь изъ нашихъ современниковъ, на какого-нибудь приверженца критической школы, можетъ-быть даже на какого-нибудь члена института!

А теперь пусть Ренанъ восклицаетъ въ великолѣпныхъ выраженіяхъ: „Поставимъ же Иисуса на вершинѣ Человѣческаго величія“; пусть онъ развиваетъ съ своимъ лирическимъ краснорѣчіемъ эту апофеозу Человѣчества на десяти послѣднихъ страницахъ своей книги: напрасно! Ужъ слишкомъ поздно! Обаяніе его словъ исчезло: оно разрушено цѣлой книгой. Впрочемъ, Ренанъ, до конца вѣрный своей „системѣ ограниченій“, не рѣшается оставить Иисуса одного на этой высотѣ. Опъ ставитъ его тамъ въ многочисленномъ обществѣ. Онъ туда допускаетъ вмѣстѣ съ нимъ *честнаго* и *мягкаго* Марка Аврелія, неизбежнаго Сакья-Муни, Спинозу и проч. И даже скромный и тихій Спиноза имѣетъ преимущество предъ Иисусомъ: онъ не вѣрилъ въ чудеса и не совершалъ ихъ,—не подвергалъ своихъ защитниковъ опасности отстаивать въ его пользу компрометирующій тезисъ о „степеняхъ искренности“. Въ этомъ,—увѣряетъ насъ Ренанъ и пожалуй не безъ основанія,—жизнь Спинозы болѣе, чѣмъ жизнь Иисуса, соотвѣтствуетъ нашему современному идеалу нравственности.

¹⁾ Стр. 119.

Вотъ послѣднее слово этой книги! Предыдущія сочиненія Ренана указывали намъ для поклоненія, вмѣсто живаго Бога,—чистую идею, Идеаль, абстракцію. *Жизнь Иисуса* изображаетъ намъ, вмѣсто сына Божія, человѣка, обоготвореннаго невѣжественнымъ легковѣріемъ, не свободнаго отъ нашихъ страстей, слабостей и ошибокъ,—человѣка возвышеннаго, но смущавшагося и падавшаго духомъ, личность экзальтированную до горячности, до изступленія ¹⁾; фанатика съ почти сверхъестественнымъ величіемъ, который однако внушалъ людямъ уваженіе къ своему величію самыми печальными средствами,—выступая безъ убѣжденія въ качествѣ чудотворца и изгонителя бѣсовъ; душу сложную до противорѣчія, въ теченіе нѣсколькихъ немногихъ лѣтъ перешедшую отъ идеальной ясности Галилейскихъ пастуховъ, къ мрачному энтузіазму сектантовъ и иллюминатовъ, заранѣе обреченныхъ на безуміе или смерть.

Развѣ это тотъ образъ Христа, Который начертанъ въ евангеліяхъ и запечатлѣнъ въ нашемъ сердцѣ? Развѣ это тотъ Иисусъ, о Которомъ говоритъ намъ божественное повѣствованіе,—человѣкъ, не имѣвшій грѣха? Историческая безгрѣшность Иисуса есть одна изъ чертъ наименѣе оспариваемыхъ самыми строгими критиками. „Это объясняется,—говорятъ они,—отсутствіемъ подробностей“. Однако, развѣ самое отсутствіе подробностей не есть уже весьма замѣчательная черта божественнаго Образа? Въ евангеліи мы видимъ Иисуса дѣйствующимъ и слышимъ говорящимъ; но Онъ дѣйствуетъ и говоритъ только для блага людей, Онъ ихъ просвѣщаетъ, будитъ въ нихъ сознаніе божественнаго, любовь къ Богу, къ справедливости и истинѣ, уваженіе къ слабымъ. Уже во время своей земной жизни, Онъ находится въ томъ постоянномъ и исключавшемъ борьбу (*stable et sans lutte*) состояніи святости, которая не отъ міра сего. Онъ какъ бы погруженъ въ высшій эфиръ божественной жизни; Онъ носитъ небо въ своемъ сердцѣ и Своимъ словомъ рас-

¹⁾ „Безумный граничитъ здѣсь съ человѣкомъ *вдохновеннымъ*; только безумный никогда не имѣетъ успѣха“ (стр. 77.) „Всякое великое твореніе влечетъ за собой нарушеніе равновѣсія“... См. развитіе этой мысли, стр. 453.

пространяетъ вокругъ себя небесный свѣтъ. Человѣческія мелочи въ Немъ или не существовали, или исчезли. Онъ прошелъ жизнь, участвуя въ ней только добромъ, которое исходило отъ Него. „Конечно, говоритъ Ренанъ, многія изъ его слабостей были скрыты“. Однако, откуда и что вы объ этомъ знаете? Это неосторожныя и достойныя сожалѣнія слова. Если вы могли это только подумать, то у васъ нѣтъ чувства и вы не любите Иисуса. Я не удивляюсь болѣе тому, что вы рѣшились компрометтировать эту достопокланяемую (adorable) личность, подвергая ее ужаснымъ случайностямъ вашихъ гипотезъ, когда онѣ стали необходимы для того, чтобы поддержать зданіе вашей романтической исторіи. Я не удивляюсь теперь и тому, что вы иногда наносите такіе жестокие удары этому нравственному величію, которое вы сами-же восхваляете,—этой нечеловѣческой красотѣ евангельскаго Образа, которою, повидимому, увлечена и ваша собственная художническая душа. Наконецъ, я уже не удивляюсь теперь болѣе и тому, что вы дѣлаете изъ Иисуса, вашего идеала, въ одномъ мѣстѣ постыднаго соучастника печальной комедіи съ Лазаремъ, а въ другомъ—„мрачнаго гиганта“, жалкаго безумца. Все это теперь для меня объясняется...

Я встрѣтилъ нѣсколькихъ искреннихъ скептиковъ, которые, будучи поражены этими, болѣе чѣмъ странными, контрастами, остановились въ полномъ недоумѣніи предъ заключеніемъ книги. Они чувствовали глубокой внутренней протестъ противъ всѣхъ этихъ предположеній и гипотезъ, безъ всякаго основанія отвергающихъ тексты, которые не подвергаются даже изслѣдованію. Они энергично возставали противъ этихъ объясненій, болѣе непостижимыхъ и таинственныхъ, чѣмъ сама тайна. Чрезвычайная неопредѣленность результатовъ; противорѣчія утонченнаго анализа и при томъ въ столь важныхъ вопросахъ: все это наводило ихъ на глубокія размышленія. Они задавали себѣ вопросы съ совершенно новымъ для нихъ безпокойствомъ. Они спрашивали себя: откуда происходитъ эта полная неудовлетворительность критическихъ пріемовъ, какъ только хотятъ примѣнять къ Иисусу тѣ правила индукціи, которыя такъ легко

выдали ученымъ тайну жизни Магомета, и почему эта книга, въ которой переданы всѣ результаты самаго смѣлаго толкованія, такъ опечалила ихъ, заставила беспокоиться, произвела въ нихъ разладъ съ самими собою и съ своими идеями и снова побуждаетъ ихъ на поиски,—какъ будто бы по этому вопросу ничего еще не было сдѣлано,—или, скорѣе, такъ утомила ихъ своими отрицательными приемами и результатами, что у нихъ нѣтъ уже болѣе мужества продолжать свои изысканія? Тогда, подъ гнетомъ такого настроенія, эти искренніе скептики спрашивали себя: не есть ли этотъ элементъ въ жизни Христа, столь упорно неподдающійся никакимъ приемамъ критики, ни какому, самому тонкому анализу,—элементъ, который Ренанъ такъ настойчиво, но вмѣстѣ и такъ безуспѣшно хочетъ устранить,—не есть ли онъ именно то, что называютъ *божественнымъ*?

Да, дѣйствительно, надо выбирать. Дилемма неизбежна и настоятельна. Она съ неумолимой ясностью представляется всякому уму, не удовлетворяющемуся словами. Отъ нея могутъ ускользнуть лишь отрицающіе достовѣрность Евангелій. Но вѣдь вы гдѣ—то признаете, что Евангелія *почти* принадлежатъ тѣмъ авторамъ, которымъ они приписываются. Слѣдовательно вамъ остается только два рѣшенія: или признать, что Иисусъ есть сынъ Божій, истинный Богъ, или что Онъ даже не есть обыкновенный человѣкъ, есть даже человѣкъ не высокой нравственности, потому что онъ создалъ свою призрачную божественность преступнѣйшими средствами. Говоря иначе, вамъ необходимо или признать, что христіанство есть абсолютная, окончательная, высшая религіозная истина, или—ложь, продолжавшаяся 18-ть вѣковъ, созданная обманомъ и легковѣріемъ и поддерживаемая деспотизмомъ и интригой. Средины нѣтъ: необходимо принять одну изъ этихъ двухъ крайностей. Напрасно Ренанъ старается возвысить человѣка въ отринутомъ Богѣ. Онъ повидимому не замѣчаетъ, что все отнятое имъ отъ Бога во Христѣ тѣмъ самымъ умалетъ въ нашихъ глазахъ и человѣка—даже унижаетъ его въ сравненіи съ обычнымъ человѣческимъ сознаниемъ. Если вы исключаете сверхъестественное изъ этой жизни, то вы дѣлаете изъ Иисуса менѣе,

чѣмъ великаго человѣка, даже просто—менѣе, чѣмъ человѣка честнаго, такъ какъ вѣдь въ такомъ случаѣ оказалось-бы, что онъ обманулъ міръ!

Вотъ грубый выводъ изъ этой книги въ его печально обыкновенной формѣ. Наконецъ, относительно изліяній, умиленій, экстазовъ, наполняющихъ книгу, элегій и слезъ, проливаемыхъ на произведенныхъ развалинахъ: относительно всего этого общественное чувство не обманулось. Оно увидало въ этомъ долгъ вѣжливости автора въ отношеніи къ тому, что служило культомъ его молодыхъ лѣтъ. Но,—повторяемъ еще разъ,—эти приступы чувствительности ничего не мѣняютъ въ главномъ впечатлѣніи, получаемомъ отъ книги,—въ томъ впечатлѣніи, которое сдѣлало изъ нея причину такихъ большихъ волненій въ эти послѣдніе годы.

* * *

(Продолженіе будетъ).

ДУХОВЕНСТВУ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

25-го іюня н. г. членъ миссіонерскаго Совѣта по сектантскимъ дѣламъ, протоіерей Тимоѳей Буткевичъ, вошелъ къ Его Высокопреосвященству оъ докладною запискою слѣдующаго оодержанія:

„Миссіонерскій Совѣтъ по сектантскимъ дѣламъ въ харьковской епархіи, между прочимъ, сдѣлалъ постановленіе, утвержденное Вашимъ Высокопреосвященствомъ, о томъ, чтобы въ засѣданіе его, имѣющее быть 2-го сентября н. г., были приглашены священники тѣхъ приходоѡ, которые наиболѣе заражены какою либо раціоналистическою сектою: толстовщиною, штундизмомъ и т. п. На меня Совѣтъ возложилъ обязанность —своевременно выработать и редактировать тѣ вопросы, которые должны подлежать обсужденію въ предположенномъ засѣданіи Совѣта по сектантскимъ дѣламъ совмѣстно съ нѣкоторыми священниками изъ зараженныхъ сектантствомъ приходоѡ.

„Приступая къ выполненію возложенной на меня обязанности, я нахожу, что подлежащіе обсужденію вопросы сами собою вытекаютъ изъ той точно опредѣленной цѣли, съ какою Миссіонерскій Совѣтъ по сектантскимъ дѣламъ въ харьковской епархіи сдѣлалъ свое постановленіе. По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя обыкновенно доставляются благочинными и приходскими священниками о сектантахъ и сектантствѣ, въ большинствѣ случаевъ сухимъ, канцелярскимъ, часто наполненнымъ лишь одними ничего не говорящимъ общими фразами, перѣдко сбивчивымъ и неяснымъ особенно относительно опредѣленія характера того или другаго сектантскаго лжеученія,—Совѣту по сектантскимъ дѣламъ въ харьковской епархіи трудно было бы составить ясное и точное представленіе о состояніи сектантства въ харьковской епархіи и его характерѣ, а потому не-

возможно было бы предпринимать и дѣйствительныхъ, радикальныхъ мѣръ для борьбы съ этимъ ужаснымъ зломъ для русскаго народа. Вотъ что служило побужденіемъ для Миссіонерскаго Совѣта по сектантскимъ дѣламъ сдѣлать свое вышеприведенное постановленіе. Для цѣлей борьбы съ раціоналистическимъ сектантствомъ Совѣтъ нашелъ необходимымъ лично и непосредственно отъ самихъ приходскихъ священниковъ изъ наиболѣе зараженныхъ сектантствомъ мѣстностей выслушать живое, искреннее, обстоятельное и правдивое изложеніе всего того, что касается сектантства въ ихъ приходахъ, познакомиться съ ихъ личнымъ, непосредственно изъ жизни и опыта заимствованнымъ мнѣніемъ объ этомъ прискорбномъ явленіи въ жизни Православной нашей Церкви, и узнать, какія мѣры для борьбы съ нимъ они употребляютъ и какія признаютъ еще желательными и необходимыми, но для нихъ недоступными.

„Въ виду изложеннаго я находилъ бы необходимымъ прежде всего просить вызываемыхъ въ указанное засѣданіе приходскихъ священниковъ изъ наиболѣе зараженныхъ сектантствомъ мѣстностей—заблаговременно, еще до прибытія въ Харьковъ, составить особыя памятные записки, которыя представляли бы живую и полную картину состоянія сектантства въ данномъ приходѣ. Въ частности желательно, чтобы эти памятные записки были составлены по слѣдующему плану и заключали въ себѣ точные и обстоятельные отвѣты на слѣдующіе вопросы:

1. Краткій историческій очеркъ сектантства въ N--номъ приходѣ.

1. Когда явилась въ приходѣ секта?

2. Кто былъ первымъ ея распространителемъ? Его имя, отчество, фамилія, лѣта, званіе, первоначальное мѣстожителство? Его природныя дарованія и умственное развитіе, а также начитанность и преданность лжеученію? Какъ онъ относился къ Православной Церкви до сектантства? Гдѣ онъ проживалъ въ отлучкахъ и какую вообще велъ жизнь до своего отпаденія отъ Церкви? Бывалъ ли онъ вообще въ Церкви, у исповѣди и причастія Св. Таинъ? Не посѣщали ли его домъ какія либо подозрительныя личности? Кто былъ его совратителемъ или откуда вообще онъ принесъ свое лжеученіе? Какъ первоначаль-

но относились къ его увлеченію сектантствомъ его родные (отецъ, мать, жена, дѣти) и односельчане? Пользовался ли онъ въ селѣ какимъ либо вліяніемъ и уваженіемъ? Живъ ли онъ въ настоящее время и гдѣ именно проживаетъ? Что было сдѣлано на первыхъ порахъ для его вразумленія? Если онъ былъ предаваемъ суду, то чѣмъ окончилось его дѣло? Въ какомъ отношеніи къ сектантамъ находится онъ въ настоящее время и велико ли вообще его вліяніе среди сектантства? Какимъ путемъ онъ распространялъ или распространяетъ свое лжеученіе?

2. Кто были его сотрудники? Ихъ имя, отчество, фамилія, званіе, лѣта, мѣстожителство до сектантства, природныя дарованія, начитанность, жизнь до отпаденія отъ Церкви, ихъ совратители. Гдѣ они находятся въ настоящее время и какое имѣютъ отношеніе къ мѣстнымъ сектантамъ? Что было предпринято для борьбы съ ними?

3. Какъ быстро распространялось первоначально сектантство и что въ немъ могло быть привлекательнымъ для крестьянъ?

4. Въ чемъ состояла сущность распространяемаго первоначально въ приходѣ лжеученія? Во что вѣруютъ сектанты? На какія вѣрованія Православной Церкви они по-преимуществу нападали? Какіе тексты Св. Писанія они ложно истолковывали въ пользу своего сектантскаго вѣроученія и какіе искажали въ видѣ возраженій противъ вѣроученія Православной Церкви?

5. Каково нравоученіе сектантовъ? Каковы правила ихъ жизни—частной, семейной и общественной? Какъ учатъ мѣстные сектанты о православномъ Государѣ Императорѣ, присягѣ, военной службѣ, административныхъ и судебныхъ властяхъ, податяхъ, поземельной собственности и вообще о существующемъ порядкѣ русской общественной и государственной жизни?

6. Бывали ли у сектантовъ первоначально молитвенныя собранія? Какой характеръ они имѣли? Въ чемъ выражались? Гдѣ сектанты собирались для своихъ молитвословій? Кто руководилъ ими въ этомъ дѣлѣ?

7. Что первоначально сектанты осуждали въ жизни православныхъ и на что они указывали какъ на мнимую причину своего отпаденія отъ единства съ Православною Церковію?

8. Какъ первоначально относились мѣстные сектанты къ Православной Церкви и къ православному духовенству и чѣмъ

должно объяснять ихъ враждебное отношеніе къ духовенству, если таковое существовало въ дѣйствительности?

9. Какія обстоятельства особенно благопріятствовали распространенію сектантства въ приходѣ и чѣмъ объяснить въ частности то обстоятельство, что сектантство появилось и развилось именно въ данномъ приходѣ?

10. Какія мѣры были употребляемы приходскимъ духовенствомъ въ борьбѣ съ сектантами? Были ли дѣлаемы первоначально вразумленія наединѣ? Были ли ведены виѣбогослужебныя собесѣдованія? Какъ относились къ нимъ сектанты? Дѣлало ли приходское духовенство своевременныя донесенія духовному и свѣтскому начальствамъ о появленіи и распространеніи сектантства въ его приходѣ?

11. Какими книгами и руководствами пользовался приходскій священникъ въ борьбѣ съ сектантскимъ заблужденіемъ и насколько оказывались пригодными тѣ или другія противусектантскія сочиненія?

12. Бывали ли случаи искренняго возвращенія сектантовъ въ лоно Православной Церкви? Кто именно и когда былъ возвращенъ? По какому чину было совершаемо присоединеніе?

13. Если всѣ мѣры, которыя были предпринимаемы приходскимъ священникомъ въ борьбѣ со лжеученіемъ сектантовъ, не привели къ благимъ послѣдствіямъ, то чѣмъ должно объяснить это прискорбное явленіе?

14. Изъ кого состоялъ приходскій причтъ со времени появленія сектантства въ приходѣ и всѣ ли члены причта соответствовали своему высокому назначенію по своимъ способностямъ, образованію, поведенію, ревностному исполненію своихъ обязанностей и по всей подготовкѣ къ борьбѣ съ сектантами?

15. Что дѣлало приходское духовенство для охраненія православныхъ отъ совращенія и вреднаго вліянія на нихъ со стороны сектантовъ? Какъ и сколько разъ въ недѣлю было совершаемо въ св. храмѣ богослуженіе и въ особенности божественная литургія? Часто ли были произносимы поученія въ храмѣ при богослуженіяхъ съ цѣлію уясненія и защищенія отвергаемыхъ сектантами вѣроученія и правоученія Православной Церкви? Каковы въ церкви клиросное чтеніе и пѣніе? Не были

ли допускаемы вымогательства при требоисправленіяхъ у прихожанъ и не существовало ли какихъ либо прискорбныхъ недоразумѣній между членами причта и прихожанами? Посѣщаль ли и какъ часто приходскій священникъ дома своихъ пасомыхъ и—не по своекорыстнымъ ли только побужденіямъ?

16. Была ли въ приходѣ во время появленія и распространенія сектантства церковно-приходская школа и когда вообще она открыта? Кто и какъ велъ тогда въ ней дѣло обученія крестьянскихъ дѣтей? Всегда ли было обращено особенное и серьезное вниманіе на религіозно-нравственное воспитаніе дѣтей прихожанъ въ духѣ Православной Церкви? Всегда ли ученики церковно-приходской школы принимали дѣятельное участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ и прислуживая въ алтарѣ? Какъ первоначально относились сектанты къ церковно-приходской школѣ?

17. Существовала ли въ селѣ во время появленія и распространенія сектантства земская школа? Кто былъ тогда учителемъ? Какъ велось дѣло обученія въ этой школѣ? Отличался ли учитель преданностію Православной Церкви? Не имѣлъ ли онъ какого-либо посредственнаго или непосредственнаго отношенія къ сектантству? Часто ли онъ бывалъ въ церкви при богослуженіяхъ? Неопустительно ли онъ ежегодно говѣлъ, исповѣдывался и приобщался Св. Таинъ? Не нарушалъ ли онъ открыто постовъ и другихъ церковныхъ постановленій? Имѣлъ ли онъ вліяніе на своихъ учениковъ и—какое именно? Пользовался ли онъ среди поселянъ вліяніемъ и уваженіемъ?

18. Какъ относились къ сектантамъ со времени ихъ появленія въ селѣ православные прихожане? Какъ относилось къ нимъ сельское общество? Не было ли случаевъ составленія общественныхъ приговоровъ о выселеніи сектантовъ по причинѣ вреднаго вліянія ихъ на молодое поколѣніе? Были ли приведены таковыя приговоры въ исполненіе, кѣмъ и когда? А если нѣтъ, то—почему и кто именно былъ причиною ихъ неисполненія?

19. Какъ относилось къ сектантству въ селѣ съ самаго начала его распространенія мѣстное начальство—сельское и волостное правленія, урядникъ, становой приставъ, исправникъ и въ особенностяхъ—земскій начальникъ? Были ли подвергаемы

сектанты какому либо наказанію за неисполненіе общественныхъ или государственныхъ обязанностей: присяги, военной службы, податей и т. д.?

20. Не появлялись ли когда либо среди мѣстныхъ сектантовъ неизвѣстныя подозрительныя личности, какъ, напр., агенты Толстого и социалисты, подозрительныя книгоноши или лица не русскаго происхожденія, какъ, напр., американскіе и англійскіе квакеры, нѣмецкіе анабаптисты, южно-русскіе колонисты—нѣмцы и т. п.?

II. Состояніе сектантства въ N—скомъ приходѣ въ настоящее время.

1. Сколько сектантовъ въ приходѣ въ настоящее время? Кто такіе эти сектанты? Желательно было бы, чтобы въ своихъ памятныхъ запискахъ приходскіе священники представили хотя краткія біографическія свѣдѣнія о каждомъ сектантѣ своего прихода,—чтобы они указали его званіе, имя, отчество, фамилію, лѣта, настоящее мѣстожителство, семейное и общественное положеніе, его отношеніе къ роднымъ—отцу, матери, женѣ, дѣтямъ и наоборотъ—отношеніе родныхъ къ нему. Кроме того, желательно, чтобы священники дали точные отвѣты и на слѣдующіе вопросы: Пользуется ли тотъ или другой сектантъ вліяніемъ и уваженіемъ среды своихъ односельчанъ? Каковы его природныя дарованія и умственное развитіе или начитанность? Насколько искренно и сильно онъ преданъ своему лжеученію? Какъ онъ относился къ Православной церкви и православному духовенству до своего совращенія въ сектантство? Какую онъ велъ жизнь до своего сектантства и какую ведетъ теперь? Въ какихъ мѣстностяхъ Россіи онъ бывалъ въ отлучкахъ или на заработкахъ до сектантства? Кто увлекъ его лжеученіемъ или откуда онъ его заимствовалъ? Есть ли надежда на его раскаяніе и обращеніе въ лоно Православной церкви? Былъ ли онъ судимъ за отпаденіе въ сектантство и чѣмъ окончилось его дѣло?

2. Существуетъ ли секта въ приходѣ въ настоящее время изолированно или же находится въ связи и сношеніяхъ съ сектантами, проживающими въ другихъ приходахъ, и въ какихъ именно? Кто въ настоящее время можетъ быть названъ главнымъ руководителемъ сектантства въ приходѣ?

3. Какія книги или рукописи, сочиненія или „псалмы“ пользуются въ приходѣ среди сектантовъ особенною популярностію? Откуда мѣстные сектанты получаютъ эти книги и рукописи? Какими средствами въ настоящее время пользуются мѣстные сектанты въ дѣлѣ пропаганды своего лжеученія и въ своихъ сношеніяхъ съ сектантами другихъ селъ и приходовъ?

4. Есть ли въ приходѣ сектанты и до сихъ поръ не принесшіе присяги на вѣрнопопданство Государю Императору? Кто именно эти сектанты? Есть ли въ приходѣ сектанты, имѣющіе въ настоящее время некрещенныхъ дѣтей? Кто эти сектанты? Сколько у нихъ некрещенныхъ дѣтей? Какого пола и возраста эти дѣти? Существуютъ ли между сектантами сожительства безъ совершенія таинства брака православнымъ священникомъ? Кто именно находится въ такомъ сожительствѣ? Есть ли у такихъ лицъ дѣти? Не бываетъ ли случаевъ, когда сектанты зарываютъ въ землю своихъ умершихъ сродниковъ безъ церковнаго отиѣванія? Если такіе случаи бываютъ, то кто, когда и гдѣ былъ погребенъ безъ отиѣванія?

5. Какія вообще причины и обстоятельства въ настоящее время благопріятствуютъ сектантамъ пребывать въ ихъ упорствѣ и нежеланіи возвратиться въ лоно Православной церкви?

6. Измѣнилось ли въ настоящее время вѣроученіе сектантовъ въ сравненіи съ первоначальнымъ и въ чемъ именно состоитъ это измѣненіе?

7. Измѣнилось ли вообще въ настоящее время правоученіе сектантовъ и ихъ отношеніе къ существующему порядку государственной и общественной жизни? Не замѣчается ли между ними такихъ пороковъ, какъ пьянство, ссоры, воровство, грабежъ и т. п.?

8. Есть ли у сектантовъ въ настоящее время молитвенныя собранія? Кто руководитъ ими и какъ онъ у сектантовъ называется? Какой характеръ у сектантовъ носятъ ихъ молитвенныя собранія? Въ чемъ они состоятъ и гдѣ происходятъ?

9. Каково отношеніе мѣстныхъ сектантовъ къ Православной Церкви, православному духовенству и православнымъ одпосельчанамъ въ настоящее время? Измѣнилось ли оно въ сравненіи съ первоначальнымъ и въ чемъ состоитъ это измѣненіе?

10. Какъ относятся въ настоящее время православные прихожане къ мѣстнымъ сектантамъ?

11. Нѣтъ ли случаевъ совращенія православныхъ въ сектантство?

12. Какой характеръ имѣеть сектантство въ приходѣ въ настоящее время? Усиливается ли оно или уменьшается? Ожесточается ли или тупѣеть и теряетъ первоначальную силу?

13. Не принимаетъ ли въ настоящее время какихъ либо мѣръ противъ распространенія сектантства въ приходѣ свѣтское начальство, и если предпринимаетъ, то какія именно, и каковы достигнутые ими результаты?

14. Изъ кого состоятъ въ настоящее время члены приходского причта? Удовлетворяютъ ли они своему назначенію? Каково вообще ихъ поведеніе? Нѣтъ ли между ними соблазнительныхъ ссоръ и непріятностей?

15. Какъ и часто ли совершается въ настоящее время въ приходской церкви богослуженіе? Произносятся ли и какъ часто поученія въ церкви? Какая цѣль преслѣдуется въ нихъ? Ведутся ли внѣбогослужебныя противусектантскія собесѣдованія и какъ относятся къ нимъ православные прихожане и сектанты?

16. Каково содержаніе членовъ причта и условія изъ жизни?

17. Есть ли въ настоящее время въ приходѣ народная школа и какая именно—земская или церковно-приходская?

18. Кто состоитъ учителемъ въ земской школѣ? Отличается ли онъ преданностію и любовію къ Православной Церкви. Ведется ли въ земской школѣ нравственно-религіозное обученіе и воспитаніе крестьянскихъ дѣтей въ духѣ Православной Церкви и въ преданности Государю и Отечеству? Читаются ли въ земской школѣ ежедневно молитвы и Слово Божіе? Преподается ли церковно-славянскій языкъ и обиходное церковное пѣніе? Водитъ ли учитель земской школы своихъ учениковъ въ церковь по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ? Неопустительно ли ученики земской школы бываютъ ежегодно у исповѣди и причастія Св. Таинъ? Принимаютъ ли они участіе въ чтеніи и пѣніи на клиросѣ, а если—нѣтъ, то почему?

19. Кто и какъ ведетъ дѣло обученія крестьянскихъ дѣтей въ церковно-приходской школѣ?

20. Какъ относятся сектанты къ земской и церковно-приходской школамъ? Посѣщаютъ ли ихъ дѣти какую либо изъ этихъ школъ? Не обучаетъ ли кто изъ сектантовъ крестьянскихъ дѣтей въ частныхъ домахъ безъ разрѣшенія начальства?

21. Какія особенныя и исключительныя мѣры въ борьбѣ съ

сектантствомъ употребляетъ приходское духовенство въ настоящее время? Какія мѣры оно признаетъ самыми дѣйствительными и потому необходимыми, но не отъ него зависящими?

22. Есть ли при приходской церкви или въ благочинническомъ округѣ миссіонерская противусектантская бібліотека и изъ какихъ именно книгъ она состоитъ?

23. Какими книгами и сочиненіями, въ качествѣ пособій, пользуется приходскій священникъ въ настоящее время въ борьбѣ со лжеученіемъ сектантства?

Составленные по такому плану памятные записки должны быть прочитаны въ засѣданіи смѣшаннаго собранія, имѣющаго быть въ Харьковѣ въ сентябрѣ мѣсяцѣ н. г.; изложенныя въ нихъ сообщенія должны подлежать тщательному и всестороннему обсужденію, при свободномъ обмѣнѣ мыслей по близкому для всѣхъ православныхъ пастырей дѣлу и съ единственною цѣлію уясненія различныхъ недоумѣній, особенно относительно характера и сущности сектантскаго лжеученія и правильнаго указанія дѣйствительныхъ и необходимыхъ мѣръ для борьбы съ нимъ.

Съ другой стороны такъ какъ не менѣе важная задача предположеннаго собранія состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность членамъ Миссіонерскаго Совѣта по сектантскимъ дѣламъ въ харьковской епархіи точно и обстоятельно ознакомиться съ положеніемъ раціоналистическаго сектантства въ епархіи, и такъ какъ постановленія этого собранія ни въ какомъ случаѣ не могутъ подлежать опубликованію, то желательно было бы, чтобы священники составили свои памятные записки со всею откровенностію и искренностію, не заботясь о томъ, что имъ придется сообщать свѣдѣнія о *массахъ*, которыя, при другихъ условіяхъ, могли бы имъ причинить какую-либо непріятность, не опасаясь, что ихъ сообщенія не могутъ быть подтверждены свидѣтельскими показаніями, требуемыми, напр., судомъ, и не стѣняясь изложеніемъ ученія мѣстныхъ сектантовъ о царской власти (у толстовцевъ) или существующемъ государственномъ и общественномъ порядкѣ. Совѣту по сектантскимъ дѣламъ, какъ сказано, необходимо имѣть полныя и вѣрныя свѣдѣнія о характерѣ и состояніи сектантства въ епархіи. И приходскіе

священники принесли бы дѣлу большую пользу, если бы изложили все, что они вообще знаютъ о сектантствѣ въ своихъ приходахъ, въ истинности чего они убѣждены и что изъ сообщаемого ими согласно съ ихъ пастырскою совѣстію.

На предложенное засѣданіе Совѣта по сектантскимъ дѣламъ приглашены священники не изъ всѣхъ приходоѡ, зараженныхъ сектантствомъ, а только изъ тѣхъ, которые *наиболѣе* заражены имъ и въ которыхъ сектантство имѣетъ острый, воинствующій характеръ или имѣло таковой, по свѣдѣніямъ Совѣта, въ недавнее время. Между тѣмъ для Миссіонерскаго Совѣта по сектантскимъ дѣламъ весьма важно имѣть памятные записки, составленныя по вышеуказанному плану, изъ *всѣхъ* приходоѡ харьковской епархіи, въ которыхъ есть сектанты хотя бы то даже и въ незначительномъ количествѣ.

Если Вашему Высокопреосвященству благоугодно будетъ одобрить изложенныя мною соображенія, то я осмѣливаюсь покорнѣйше просить Вашего Архипастырскаго распоряженія въ слѣдующемъ: 1) настоящую записку въ копіяхъ разослать священникамъ *всѣхъ* приходоѡ, въ которыхъ есть сектанты и 2) предписать этимъ священникамъ составить памятные записки по указанному плану съ тѣмъ, чтобы эти записки были присланы въ Миссіонерскій Совѣтъ по сектантскимъ дѣламъ въ харьковской епархіи не позже 1-го сентября н. г.

Его Высокопреосвященству благоугодно было сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Докладную записку протоіерея Тимоѳея Буткевича напечатать въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“.

2) Священникамъ *всѣхъ* приходоѡ, въ которыхъ есть сектанты, предложить озаботиться составленіемъ памятныхъ записокъ по указанному плану, каковыя записки должны быть представлены въ Совѣтъ по сектантскимъ дѣламъ въ харьковской епархіи къ 1-му сентября н. г.

3) На будущее время благочинные и приходскіе священники въ своихъ донесеніяхъ о появленіи той или другой секты въ приходахъ должны руководствоваться докладною запискою протоіерея Буткевича и изложенными въ ней требованіями.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Юля № 13. 1896 года.

Содержаніе. Высочайшая благодарность.—Опредѣленія Св. Синода.—Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго Духовнаго училища за 1896 годъ.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Высочайшая благодарность.

По поводу всерадостнаго торжества Священнаго Коронованія Его Императорскаго Величества къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода поступило заявленіе отъ Архіепископа Харьковскаго Амвросія, что крестьяне слободы Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, по прочтеніи Манифеста о Священномъ Коронованіи, по предложенію священника Слюсарева, пожертвовали 1,000 рублей изъ общественныхъ средствъ на устройство придѣльнаго иконостаса въ Рѣчанской Троицкой церкви.

На всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ Синодальнаго Оберъ-Прокурора Его Императорскому Величеству, въ 25-й день минувшаго мая, благоугодно было Собственноручно начертать: „Искренно благодарю. Прочель съ удовольствіемъ“.

Опредѣленія Святѣйшаго Синода.

I. Определеніемъ Св. Синода отъ 29 мая—7 іюня 1896 года, за № 1515, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, магистръ богословія, протоіерей Іоаннъ Знаменскій, утвержденъ въ должности предсѣдателя Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

II. Опреждленіемъ Св. Синода отъ 5—17 января и 8—15 февраля 1896 года за № 24 и 67, преподано, за заслуги по духовному вѣдомству, благословеніе Святѣйшаго Синода, безъ грамоты, Харьковскому мѣщанину Леоптію Школяренку.

Разрядный списокъ учениковъ Харьковскаго духовнаго училища, составленный правленіемъ училища послѣ годичныхъ испытаній, произведенныхъ въ маѣ мѣсяцѣ 1896 года и утвержденный Его Преосвященствомъ 11 іюня сего 1896 г.

ЧЕТВЕРТЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й 1. Гутняковъ Михаилъ. Этотъ ученикъ за благоправіе и отличные успѣхи награждается книгою. Чернявскій Николай.

Разрядъ 2-й. Вербницкій Пантелеймонъ, Архангельскій Илья, 5. Пантелеймоновъ Антоній, Антоновъ Александръ, Крыжановскій Сергѣй, Чернявскій Анатолій, Ведринскій Василій, 10. Ишупинъ Гавріилъ, Протопоповъ Гавріилъ, Нѣмчиновъ Евгеній, Власовскій Алексѣй, Эйсманъ Иванъ, 15. Литвиновъ Петръ, Васильковскій Гавріилъ, Пономаревъ Аванасій, Алѣйниковъ Сергѣй, Бердичевскій Иванъ, 20. Григорьевъ Яковъ, Ильинъ Михаилъ, Поповъ Николай, Ступницкій Семень, Молодыхъ Александръ, 25. Буваковъ Максимъ. Эти двадцать пять учениковъ признаются окончившими полный курсъ ученія въ духовномъ училищѣ съ правомъ поступленія въ I классъ духовной семинаріи безъ новаго испытанія.

Кіяновскій Георгій, Найдовскій Михаилъ, Иванецкій Константинъ, Шебатинскій Василій, 30. Еверскій Іосифъ. Эти пять учениковъ не признаются достойными перевода въ первый классъ духовной семинаріи на основаніи постановленія Правленія училища, утвержденного Его Высокопреосвященствомъ 2 мая 1884 года, но, согласно § 87 уст. дух. учил., получаютъ свидѣтельства объ окончаніи полного курса ученія въ духовномъ училищѣ.

Николаенко Сергѣй. Этотъ ученикъ также можетъ быть признанъ окончившимъ курсъ ученія, если удовлетворительно выдержитъ переэкзаменовку послѣ каникулъ по церковному пѣнію. Чернявскій Леонидъ, Сильванскій Аристархъ. Эти два ученика остаются на повторительный курсъ въ IV классъ по прошенію родителей.

ТРЕТІЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Якубовичъ Виталій, Рубинскій Иванъ.

Разрядъ 2-й. Вореико Аркадій, Рахманъ Илья, 5. Шишловъ Григорій, Найдовскій Иванъ, Вѣликовъ Евгеній, Якубовичъ Сергѣй, Вѣлошенко Александръ, 10. Рудневъ Кирилъ, Базилевичъ Александръ, Чумаковъ Василій, Яновскій Анатолій, Эвенховъ Константинъ, 15. Любарскій Николай, Евменовъ Андрей, Добровицкій Савва, Протопоповъ Павелъ, Яншицъ Петръ, 20. Филиппенко Сергѣй, Цыбулевскій Борисъ, Богославскій Николай, Дьяковъ Александръ, Мигулицъ Николай, 25. Корнильевъ Семень, Михайловскій Василій, Шенелевскій Іуліанъ, Корнильевъ Алексѣй, Квятковскій Константинъ, 30. Чефраповъ Павелъ, Понировскій Иванъ, Рубинскій Евграфъ. Эти тридцать два ученика признаются достойными перевода въ четвертый классъ. Протопоповъ Иванъ, Евецкій Николай.

Разрядъ 3-й. 35. Виноградовъ Алексѣй, Камышанъ Иванъ, Коробкицъ Федоръ, Васильевъ Сергѣй, Анисимовъ Александръ, 40. Андреенковъ Яковъ, Лобковскій Иванъ, Толмачевъ Веніаминъ, Ракшевскій Евгеній, Цыбулевскій Григорій, 45. Лобковскій Михайлъ, Македонскій Петръ. Эти четырнадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ IV классъ, если выдержатъ экзаменъ послѣ каникулъ: Протопоповъ Иванъ—по диктанту, Евецкій Николай—по латинскому языку, Камышанъ Иванъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и диктанту. Коробкицъ Федоръ—по латинскому языку и диктанту, Васильевъ Сергѣй и Виноградовъ Алексѣй—по латинскому и греческому языкамъ, Анисимовъ Александръ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, греческому и латинскому языкамъ, Андреенковъ Яковъ—по русскому съ церковно-славянскимъ и греческому языкамъ и диктанту, Лобковскій Иванъ и Толмачевъ Веніаминъ—по диктанту, греческому и латинскому языкамъ, Ракшевскій Евгеній—по катихизису, русскому съ церковно-славянскимъ, греческому и латинскому языкамъ, Цыбулевскій Григорій и Македонскій Петръ—по всѣмъ предметамъ.

ВТОРОЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Николаевскій Николай, Власовскій Иванъ, Эвенховъ Николай. Эти три ученика за благонравіе и отличные успѣхи награждаются книгами.

Паншинъ Иванъ 5. Вербицкій Митрофанъ.

Разрядъ 2-й. Николаевскій Михаилъ, Измайловъ Петръ, Григоревичъ Василій, Ѳедоровскій Василій, 10. Ивановъ Андрей, Чернивецкій Александръ, Соколовскій Петръ, Клевановъ Николай, Краснокутскій Павелъ, 15. Грома Даміанъ, Васильковскій Митрофанъ, Власовскій Андрей, Евфимовъ Петръ, Евецкій Александръ, 20. Дорошенко Петръ, Измайловъ Иванъ, Ястремскій Георгій, Леткинъ Яковъ, Шебатинскій Яковъ, 25. Любицкій Стефанъ, Толмачевъ Виталій, Червонецкій Ильи, Якубинскій Иванъ, Могиланскій Александръ, 30. Дьяковъ Илларионъ, Цыбулевскій Мануилъ, Добровольскій Иванъ. Эти тридцать два ученика признаются достойными перевода въ третій классъ.

Разрядъ 3-й. Краснопольскій Михаилъ, Грабовскій Тимофей, 35. Максимовъ Максимъ, Петинъ Василій, Пономаревъ Петръ, Ѳедоровъ Николай, Жуковъ Алексѣй, 40. Ѳаворовъ Николай, Григоровичъ Семенъ, Гридинъ Михаилъ, Зикеевъ Иванъ. Эти одиннадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ 3-й классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзамень послѣ капикулъ: Краснопольскій Михаилъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, диктанту и церковному пѣнію, Грабовскій Тимофей—по латинскому и греческому языкамъ, Максимовъ Максимъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, диктанту и латинскому языку, Петинъ Василій—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, греческому и латинскому языкамъ, Пономаревъ Петръ и Ѳедоровъ Николай—по греческому и латинскому языкамъ и ариѳметикѣ, Жуковъ Алексѣй—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, диктанту, греческому и латинскому языкамъ, Григоровичъ Семенъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, греческому и латинскому языкамъ и ариѳметикѣ, Гридинъ Михаилъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ греческому и латинскому языкамъ, ариѳметикѣ и церковному пѣнію и Зикеевъ Иванъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ, диктанту, греческому и латинскому языкамъ, ариѳметикѣ и церковному пѣнію.

45. Ведринскій Андрей, Протопоповъ Александръ, Дзюбановъ Михаилъ. Эти три ученика оставляются въ томъ же классѣ на повторительный курсъ, по прошеніямъ родителей.

ПЕРВЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Мальцевъ Петръ, Кипріяновъ Владиміръ, Ѳе-

доровъ Александръ. Эти три ученика за благо нравіе и отличныя успѣхи награждаются книгами. Степурскій Георгій, 5. Будяскій Николай, Петровъ Стефанъ, Богославскій Василій, Юшковъ Николай, Ракшевскій Леонидъ, 10. Найдовскій Александръ.

Разрядъ 2-й. Кіяновскій Илья, Лащенко Даніилъ, Анисимовъ Сергій, Соринъ Владиміръ, 15. Николаевскій Александръ, Пивоваровъ Илья, Сильванскій Константъ, Бобловскій Сергій, Мухинъ Тихонъ, 20. Рубинскій Борисъ, Шенелевскій Иванъ, Пересыпкинъ Иванъ, Поповъ Михаилъ, Стахевичъ Иванъ, 25. Невпрядинъ Стефанъ, Кротенко Григорій, Буханцевъ Иванъ, Дейнеховскій Павелъ, Олейниковъ Александръ, 30. Твердохлѣбовъ Георгій, Крыжановскій Николай, Богославскій Александръ, Михайловскій Антонинъ, Бѣляевъ Владиміръ, 35. Ведринскій Александръ, Платоновъ Георгій, Поповъ Иванъ, Туранскій Павелъ, Рубинскій Веніаминъ, 40. Сергѣевъ Викторъ, Тоцкій Георгій. Эти сорокъ одинъ ученикъ признаются достойными перевода во второй классъ.

Разрядъ 3-й. Сулима Ѳедоръ, Грызодубовъ Николай, Рудинскій Валентинъ, 45. Квитковскій Александръ, Аксенецковъ Александръ, Александровъ Вячеславъ, Андреенковъ Алексѣй, Макухинъ Петръ, 50. Иваницкій Иванъ, Нестеровъ Николай, Пономаревъ Константинъ. Эти одиннадцать учениковъ также могутъ быть переведены во второй классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзаменъ послѣ каникулъ: Сулима Ѳедоръ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и церковному пѣнію, Грызодубовъ Николай, Рудинскій Валентинъ, Квитковскій Александръ, Аксенецковъ Александръ, Александровъ Вячеславъ, Андреенковъ Алексѣй, Макухинъ Петръ и Иваницкій Иванъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и диктанту, Нестеровъ Николай и Пономаревъ Константинъ—по русскому языку съ церковно-славянскимъ и арифметикѣ.

Торанскій Михаилъ, этотъ ученикъ оставляется въ томъ же классѣ на повторительный курсъ по болѣзни.

ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫЙ КЛАССЪ.

Разрядъ 1-й. 1. Зеленинъ Константинъ, Вертеловскій Александръ, Пасѣдкинъ Андрей, Мухинъ Владиміръ. Эти четыре ученика за благо нравіе и отличныя успѣхи награждаются книгами 5. Михайловскій Владиміръ, Павловскій Иванъ.

Разрядъ 2-й. Андреевъ Владиміръ, Любицкій Тихонъ, Новомірскаій Семенъ, 10. Власовскій Ананій, Михайленко Александръ, Стрѣльцовъ Захарій, Архангельскій Константинъ, Сулпа Александръ, 15. Жуковъ Иларіонъ, Матвѣевъ Яковъ, Толмачевъ Дмитрій, Дюковъ Алексѣй, Ивановъ Николай, 20. Рубинскій Василій, Чернявскій Мвхалъ, Сяльванскій Анатолій, Пантелеймоновъ Иванъ, Стеллецкій Василій, 25. Ступницкій Дмитрій, Дюковъ Сергѣй, Корнильевъ Антоній, Ѳедоровъ Василій, Чумаковъ Константинъ, 30. Васильковскій Георгій, Любарскій Петръ, Антоновскій Дмитрій, Павловъ Поликарпъ, Литкевичъ Моисей. Эти тридцать четыре ученика признаются достойными перевода въ первый классъ.

Разрядъ 3-й. 35. Аксененко Афанасій, Буханцевъ Гавріилъ, Васильковскій Ѳеодоръ, Гордѣенко Александръ, Кравченко Антоній, 40. Ковалевскій Александръ, Лебедисскій Иванъ, Мураховскій Петръ, Ракшевскій Андрей, Сіятовскій Иванъ, 45. Созонтъевъ Ѳеодоръ, Тугариновъ Николай, Хижняковъ Владиміръ. Эти тринадцать учениковъ также могутъ быть переведены въ первый классъ, если удовлетворительно выдержатъ экзаменъ послѣ канцуль: Аксененко Афанасій, Васильковскій Ѳеодоръ, Мураховскій Петръ, Созонтъевъ Ѳеодоръ,—по Закону Божію, русскому языку, диктанту и ариметикѣ, Гордѣенко Александръ, Лебедисскій Иванъ, Ракшевскій Андрей,—по Закону Божію, русскому языку и диктанту, Буханцевъ Гавріилъ—по русскому языку, диктанту и ариметикѣ, Ковалевскій Александръ—по Закону Божію, русскому языку и ариметикѣ, Сіятовскій Иванъ и Кравченко Антоній—по русскому языку и ариметикѣ, Тугариновъ Николай—по Закону Божію и русскому языку, Хижняковъ Владиміръ—по всѣмъ предметамъ.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго Училища.

Въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ въ настоящемъ году экзамены учениковъ, получившихъ неудовлетворительныя годовыя отмѣтки, имѣютъ быть произведены 26 и 27 августа; пріемные экзамены въ приготовительный классъ—28 августа (въ остальныхъ классахъ вакансій не предвидится).

Прошенія о принятіи учениковъ Харьковскаго духовнаго училища на содержаніе въ училищномъ общежитіи полнокоштное, полубоштное и съ уменьшенною платою должны быть поданы въ

Правленіе Харьковскаго духовнаго училища не позже 9 сентября сего 1896 года.

Епархіальныя извѣщенія.

На праздное священническое мѣсто при Николаевской церкви с. Буймерь, Лебединскаго уѣзда, опредѣленъ окончившій курсъ Харьковской Духовной Семинаріи, Опенимъ *Семеновъ*.

— Діаконъ Николаевской церкви г. Купянска, Алексѣй *Левандовскій*, опредѣленъ на священническое мѣсто при Благовѣщенской церкви сл. Зориковки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Діаконъ церкви сл. Тарановки, Зміевского уѣзда, Петръ *Никитинъ*, опредѣленъ на священническое мѣсто къ церкви м. Средняго Бурлука, Волчанскаго уѣзда.

— На праздное діаконское мѣсто при Николаевской церкви с. Мартыновки Лебединскаго уѣзда переимѣненъ діаконъ Николаевской церкви с. Липецъ, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Гавраиенко*.

— На праздное діаконское мѣсто при Пятицкой церкви с. Бакировка, Ахтырскаго уѣзда, опредѣленъ псаломщикъ Сергіевской церкви, с. Колодезнаго, Купинскаго уѣзда, Іоаннъ *Поповъ*, который 9 іюня н. г. рукоположенъ въ санъ діакона.

— На праздное діаконское мѣсто при Казанской церкви с. Басовки, Сумскаго уѣзда, опредѣленъ 2-го мая н. г. псаломщикъ Петро-Павловской церкви с. Петро-Павловки, Волчанскаго уѣзда, Василій *Войтовъ*, а 13 мая рукоположенъ въ санъ діакона.

— Уволенный изъ 4 класса Духовной Семинаріи Евлампій *Торанскій* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при церкви сл. Верхней Писаревки, Волчанскаго уѣзда.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: Пятицкой церкви с. Великаго Исторопа, Лебединскаго уѣзда, 2 гл. куп. Стефанъ *Овчаровъ*, съ 9 декабря 1895 г.; Трехсвятительской церкви г. Лебедина кр. Игнатій *Чигринецъ*; Успенской церкви с. Пристайлова, Лебединскаго уѣзда, ост. ряд. Ілія *Вялковъ*; Георгіевской церкви с. Степановки, Сумскаго уѣзда, кр. Антоній *Шевченко*; Николаевской церкви с. Влѣзокъ, Лебединскаго уѣзда, ост. ряд. Василій *Козикъ*; Всѣхсвятской церкви с. Котельвы, Ахтырскаго уѣзда, кр. Іоакимъ *Емецъ*; Николаевской церкви с. Котельвы кр. Афанасій *Гонко*; Николаевской церкви с. Голубовки, Лебединскаго уѣзда, ост. ротм. Алексѣй *Величко*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Столѣтіе со дня рожденія Императора Николая I-го.—Дѣятельность церковно-приходскихъ попечительствъ.—Миссіонерскіе комитеты и епархіальныя братства.—Мѣры для успѣшности миссіонерскаго дѣла.—Притязанія раскольниковъ.—Заботы о благоговѣнномъ совершеніи богослуженія.—Общее церковное пѣніе.—Заслуживающее вниманія духовенства распоряженіе.—Участіе воспитанниковъ семинарій въ содѣйствіи противораскольниковческой миссіи.—Типографія при епархіальномъ братствѣ.—Школы церковно-приходскія и земскія.—Содѣйствіе губернскихъ земствъ церковно-приходскимъ школамъ.—Сельскія бібліотеки и читальни.—Убѣжище для проваженныхъ.—Цѣлство и его послѣдствія.—Всероссійская выставка.—Предстоящее солнечное затменіе.—Нскрологъ.—Тиражъ серій билетовъ 1-го внутренняго съ выигрышами займа 1-го іюля.

25 іюня исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія третьяго сына императора Павла, императора Николая I, который въ теченіе тридцати лѣтъ (1825—1855 г.) велъ русскій народъ къ славѣ и, по примѣру своей бабки Екатерины Великой, научалъ Россію смотрѣть на себя какъ на великій народъ, призванный къ самостоятельной, независимой жизни. Величавый образъ монарха наложилъ свою печать на цѣлую эпоху, и исторія съ такимъ же правомъ говоритъ о Николаевскомъ времени, съ какимъ говоритъ о временахъ Екатерины.

Казалось бы, такая крупная, цѣльная личность, какъ покойный императоръ, придавшая характеръ цѣлой эпохѣ, могла быть понята не только современниками, но и потомками одинаково. Рыцарь безъ страха и упрека, искренній и примодушный, ненавидѣвшій ложь и неправду во всѣхъ видахъ, вѣрный другъ своихъ друзей, императоръ Николай I оставался всегда вѣренъ себѣ и слѣдовалъ путемъ, которой онъ призналъ въ интересахъ Россіи самымъ вѣрнымъ. И въ то время, когда въ Европѣ рушились старые порядки, когда подрывались авторитеты гражданской и духовной власти и не оставалось ничего неизблемаго, одинъ императоръ Николай оставался твердъ подобно скалѣ и являлся спасителемъ поколебленныхъ царствъ. И въ тѣ минуты, когда дѣло шло о дорогихъ для него принципахъ легитимизма, императоръ не разсуждалъ о томъ, кому онъ оказываетъ помощь, такъ какъ для него имѣли значеніе не лица, а принципы, и онъ также охотно оказывалъ эту помощь другу, защищая его отъ возставшихъ Мадьяръ, какъ и недавнему врагу, султану, спасая Оттоманскую имперію отъ ударовъ египетскаго паши. Защищая монархическихъ началъ императоръ Николай признавалъ своимъ долгомъ и какъ во всемъ исполнять долгъ до конца. Вступая на престолъ при трудныхъ обстоятельствахъ, императоръ Николай Павловичъ въ своемъ манифестѣ обѣщалъ „жить единственно для любезнаго отечества“. Императоръ исполнилъ это обѣща-

ніе: вся жизнь его протекла въ нескончаемыхъ трудахъ на пользу Россіи и до послѣднихъ дней, когда полубольной отправился на смотръ войскъ, онъ служилъ для Россіи примѣромъ исполненія долга и неутомимаго работника. Люди, неспособные понять обширность задачи, выпадающей на долю призванныхъ управлять государствомъ, признавали дѣятельность императора одностороннею, потому что онъ посвящалъ главную массу заботы военнымъ дѣламъ и старался дисциплину вводить во всѣ области—школьную, гражданскую и общественную. Какъ ошибочны были такіа заключенія показываетъ то, что никогда въ Россіи не посвящалось равнѣе столько заботъ просвѣщенію и не основывалось столько учебныхъ заведеній, что „золотой вѣкъ“ русской литературы относится къ царствованію императора Николая и что рядъ ученыхъ и профессоровъ, составляющихъ гордость русской науки, вышелъ изъ школъ Николаевского времени. Императоръ Николай лично интересовался ходомъ образованія, основывалъ училища, институты, корпуса, часто посѣщалъ ихъ и требовалъ чтобы министры подробно сообщали о нихъ ему. Являясь защитникомъ монархизма въ Европѣ, утверждая порядокъ внутри Россіи, императоръ научалъ ее вѣрять въ свои силы и будущность и воспиталъ въ ней ту бодрость и твердость, которыя давали Россіи возможность переносить легко такіа крупныя событія, какъ Крымская война, освобожденіе крестьянъ и война балканскихъ Славянъ. Онъ „сковалъ“ Россію, и ни польское возстаніе, ни печальной памяти шестидесятые годы не могли расшатать то, что было воздвигнуто императоромъ Николаемъ и что облегчило Императору Александру III поднять Россію такъ высоко, какъ она никогда не стояла. «Моск. Вѣд.»

— Большое значеніе въ церковно-приходской жизни должны со временемъ пріобрѣсти церковно-приходскія попечительства, которыя и въ настоящее время уже вносятъ по мѣстамъ значительное оживленіе въ теченіе церковно-приходскихъ дѣлъ. По свѣдѣніямъ пермскаго епархіальнаго журнала о попечительствахъ въ пермской епархіи, гдѣ эти полезныя учрежденія только въ послѣдніе годы получили нѣкоторое распространеніе, мѣстныя попечительства заявили о себѣ многими достойными вниманія дѣйствіями по благоустройству церквей и приходовъ. За время своего существованія (за исключеніемъ ближайшаго времени, свѣдѣнія о которомъ еще не опубликовано), они употребили на ремонтъ церковныхъ зданій, постройку церквей, церквей—школъ и часовень, содержаніе церковныхъ хоровъ, пособія причтамъ—14.339

рублей; на устройство школъ, читаленъ и библіотекъ, содержаніе учащихъ, раздачу книгъ и брошюръ, устройство народныхъ чтеній—5.334 р., на раздачу денежныхъ пособій нуждающимся жителямъ прихода, содержаніе больныхъ въ больницахъ и престарѣлыхъ въ богадѣльняхъ, на помощь погорѣльцамъ, погребеніе безпріютныхъ и т. п.—5.709 р. Кромѣ денежныхъ вспоможеній, нуждающіеся пользовались отъ попечительствъ хлѣбомъ, зерномъ на обрѣженіе полей, обувью, одеждой, топливомъ, лекарствами.

— Отчеты епархіальныхъ миссіонерскихъ учрежденій сообщаютъ о новыхъ, признанныхъ необходимыми, миссіонерскихъ начинаніяхъ этихъ учрежденій. Симбирское братство Трехъ Святителей, обращая вниманіе на небольшую цифру присоединившихся къ церкви пзъ раскола въ прошломъ году (240 присоединившихся при 33.116 раскольниковъ) и на увеличеніе числа вновь показанныхъ въ расколѣ (3.925, цифра, объясняющаяся отчасти пропагандой раскола), признало, по словамъ «Церк. Вѣст.», необходимымъ измѣнить постановку противораскольническаго дѣла въ епархіи. Совѣтъ братства счелъ дѣломъ необходимости, чтобы въ симбирской епархіи, по примѣру другихъ епархій, была открыта хотя бы одна должность миссіонера, который былъ бы совершенно свободенъ отъ другихъ обязанностей и посвятилъ бы себя на служеніе этому дѣлу, именно—должность епархіальнаго миссіонера, въ лицѣ котораго окружные миссіонеры и приходскіе священники имѣли бы руководителя и контролера ихъ противораскольнической дѣятельности. Кромѣ того найдено желательнымъ, чтобы, помимо существующихъ окружныхъ миссіонеровъ—приходскихъ священниковъ, въ вѣдѣніи коихъ состоятъ по нѣскольку уѣздовъ, повсемѣстно въ епархіи были учреждены подобныя должности миссіонеровъ въ каждомъ благочинническомъ округѣ, гдѣ имѣются раскольники. Начало организованію такихъ должностей священниковъ-миссіонеровъ по благочинническимъ округамъ уже положено.

— Астраханскій комитетъ миссіонерскаго общества рѣшилъ въ 1896 г. устроить еще одинъ миссіонерскій станъ и по преимуществу въ сѣверной части калмыцкой степи, не имѣющей ни одного стана. На устройство его, со школою и общежитіемъ при ней, уже изыскано комитетомъ до 7 т. р. Затѣмъ комитетъ рѣшилъ отпустить 1000 р. на постройку домовъ для причтовъ, при вновь устроаемыхъ церквахъ во внутренней Киргизской Ордѣ, чтобы ускорить открытіе штатовъ и служеніе въ этихъ приходахъ и чрезъ то положить хотя начало

для просвѣщенія блуждающихъ въ магометанствѣ и язычествѣ 200000 киргизовъ, обитающихъ въ астрах. губерніи. Кромѣ того, комитетъ продолжалъ ходатайствовать объ улучшеніи сельско-хозяйственнаго быта причтовъ миссіонерскихъ церквей и ново-крещенныхъ калмыковъ, чрезъ отводъ въ постоянное ихъ пользованіе опредѣленнаго количества при миссіонерскихъ станахъ удобной земли. Последнее, по мнѣнію «Церк. Вѣст.», безусловно необходимо. Миссіонеры заявляютъ, что вообще калмыцкій народъ склоненъ къ принятію христіанства, и они могли-бы окрестить не десятки, а сотни ламаитовъ въ годъ, если-бы подлежащею властью устранены были затрудненія относительно обезпеченія новопросвѣщаемыхъ просимою землею, границы которой въ пользу крещенныхъ калмыковъ не увеличиваются, а уменьшаются; новыхъ же отмежеваній въ пользу ежегодно просвѣщаемыхъ св. крещеніемъ калмыковъ не производится, и всѣ ходатайства и комитета, и миссіонеровъ остаются пока безъ удовлетворенія. Поэтому многіе калмыки, желающіе креститься, остаются некрещеными, возвращаются среди некрещенныхъ и подъ вліяніемъ ихъ держатся ламаизма, а крещенные — утрачиваютъ христіанскіе навыки. Воздѣйствовать комитету противъ этого трудно, при малочисленности православныхъ миссіонеровъ и въ виду массы калмыцкаго духовенства.

— Проповѣдническое отдѣленіе тобольскаго братства св. Димитрія Солунскаго указало способъ улучшить организацію дѣла по изданію братствомъ религіозно-нравственныхъ листковъ. По этому предмету, какъ передаетъ «Церк. Вѣст.», помощникомъ предсѣдателя братства было сдѣлано слѣдующее заявленіе. Главною цѣлью братскихъ листковъ поставляется содѣйствіе религіозно-нравственному просвѣщенію народа. Всего ближе знаютъ, что нужно для народа, что любитъ онъ читать, — приходскіе пастыри. Но у нихъ много и своего дѣла пастырскаго; часто нѣтъ ни времени, ни досуга заняться приготовленіемъ къ печати въ листкахъ того, что бы они хотѣли предложить своимъ прихожанамъ для чтенія. Къ тому же и трудъ этотъ былъ, и есть доселѣ бесплатный. При необезпеченности приходскаго духовенства и это имѣетъ не малое значеніе: вмѣсто того, чтобы писать и готовить рукописи для печати въ листкахъ, многіе употребляютъ часы и минуты отдыха отъ трудовъ пастырскихъ на другія занятія, коими для семьи добывается кусокъ хлѣба. Не естественно-ли пастырю и минуты досуга употреблять на пастырскіе же труды, давши ему возможность и здѣсь хотя небольшой кусокъ хлѣба для семьи?

Отдѣленіе братства постановило: Авторамъ рукописей, доставляемыхъ для напечатанія въ листкахъ, если они изъявятъ желаніе получить гонораръ, платитъ изъ суммъ братства по 1 р. 50 к. за каждую рукопись. Относительно пастырей, трудящихся на поприщѣ просвѣщенія народа, докладывать въ концѣ отчетнаго года архипастырскому вниманію.

— Черниговское братство св. Михаила, князя черниговскаго, примѣняло къ дѣлу нѣкоторыя новыя средства миссіонерскаго дѣйствованія на раскольниковъ. Согласно послѣднему отчету братства, значительная помощь миссіонерскому дѣланію братства оказываютъ содержимыя имъ въ центрахъ раскола (г. Новозыбковъ, поселокъ Воронокъ и поселокъ Клявцы) три склада книгъ противораскольническаго содержанія, въ двухъ изъ которыхъ, для привлеченія большаго числа посѣтителей, введена въ послѣднее время различная продажа церковныхъ восковыхъ свѣчей. При этомъ организациа складовъ такова, что сидѣльцы ихъ не только обыкновенные продавцы, но и люди, могущіе побесѣдовать о предметахъ вѣры, порекомендовать для прочтенія книгу, указать необходимое свидѣтельство въ старопечатныхъ книгахъ, что тоже немало влечетъ раскольниковъ къ складамъ. Иногда въ складахъ, при значительномъ стеченіи народа, заводятся настоящія публичныя бесѣды, на которыхъ борцами за православную церковь являются частныя лица изъ единовѣрцевъ. Къ таковымъ относится, напр., въ пос. Воронкѣ купецъ Гордій Коробейниковъ, ревность котораго къ собесѣдованіямъ настолько велика, что въ послѣднее время онъ испросилъ себѣ чрезъ совѣтъ братства у его преосвященства благословеніе на веденіе бесѣлъ съ раскольниками, подъ руководствомъ и наблюденіемъ миссіонера Радіонцева. Онъ-то по преимуществу и подвизается на этомъ поприщѣ при Воронковскомъ складѣ. Правда матеріальной выгоды отъ складовъ братство не имѣетъ, а напротивъ само и книгами снабжаетъ ихъ и сидѣльцевъ нанимаетъ (по 10 руб. въ мѣсяцъ) для нихъ, но здѣсь важно не стяжаніе, а услуги ихъ задачамъ миссіи. А что это такъ, видно изъ того, что вороновскій, напр., складъ далъ прибыли отъ продажи книгъ всего 1 руб. 60¹/₂ коп., но зато изъ него продано в разошло по рукамъ раскольниковъ 404 экземпляра книгъ полемическаго содержанія, и многіе раскольники, подъ вліяніемъ фанатичныхъ женъ и матерей, боящіеся посѣщать публичныя миссіонерскія бесѣды, безбоязненно заходятъ въ открытыя ежедневно склады и здѣсь нерѣдко заходятъ въ ихъ душу первыя

сѣмена сомнѣнія въ правотѣ раскола, послѣ чего они сами начинаютъ искать случая бесѣдовать съ свѣдущимъ лицомъ о своей вѣрѣ.

— Особенно настойчиво, говоритъ «Цер. Вѣст.», попытка злоупотребить принципомъ свободы религіозной совѣсти была заявлена въ послѣднее время со стороны нашего раскола, представители котораго не только нашли себѣ заручку въ разныхъ либеральныхъ органахъ печати, но даже лично выступили въ печати съ заявленіями своихъ правъ на признаніе за такъ называемымъ старообрядствомъ полноправія съ господствующею церковію. Къ счастью эта попытка, какъ и слѣдовало ожидать, осталась безъ послѣдствій. Удовлетвореніе этихъ притязаній было-бы логическимъ противорѣчіемъ съ тою тѣсною, органическою связью, въ которой находится православное государство съ православною церковію. Вѣдь нашъ расколъ есть вопіющее выраженіе протеста противъ этой именно связи; онъ объявилъ и наше государство, и нашу церковь царствомъ антихриста, съ фанатическою злобою отрицалъ и отрицаетъ самый принципъ ихъ взаимоотношенія; а такъ какъ на этомъ принципѣ создано именно величіе и нашего государства, и нашей церкви, то расколъ, яростно отрицая его, тѣмъ самымъ становится врагомъ нашей государственности и змѣнникомъ самымъ существеннымъ принципамъ нашей жизни. Въ этомъ отношеніи онъ стоитъ дальше отъ принципа нашей церковно-государственной жизни, чѣмъ всѣ другія религіи, потому что тѣ стоятъ внѣ православной церкви, а раскольники яростно враждуютъ противъ нея и безумно изрыгаютъ страшныя хулы, называя ее антихристіанскою, лишенною благодати Божіей. Если по праву государственному измѣнники государству знамени подвергаются самой строгой карѣ, то тѣмъ менѣе имѣютъ право на равноправность съ господствующею церковью тѣ, которые, будучи русскими людьми, измѣнили не только знамени государственному, но и знамени св. церкви. Всякое послабленіе въ отношеніи этихъ притязаній раскола было-бы признаніемъ неувѣренности въ истинѣ основныхъ началъ нашей государственности и необходимо внесло-бы элементъ слабости въ самыя отправленія церковно-государственной жизни. Да не будетъ сего!

— Въ настоящее время многія изъ епархіальныхъ начальствъ, по словамъ «Моск. Церк. Вѣд.», озабочены вопросомъ о благолѣпномъ и благоговѣйномъ совершеніи духовенствомъ церковнаго богослуженія. Съ подобнаго рода воззваніемъ обратился недавно

преосвященный Пермскій Петръ къ духовенству ввѣренной ему епархіи. Со скорбію замѣчаетъ оцъ въ этомъ воззваніи, что въ послѣднее время церковное богослуженіе очень часто и много теряетъ достоинства, своей поучительной силы и восторгающей священной красоты отъ неумѣлаго, маловнушительнаго и небрежнаго его исполненія. Этимъ неумѣніемъ, при малопонятности еще славянскаго текста, и объясняется по мнѣнію архимандрита, то печальное обстоятельство, что богослуженія въ воскресные и праздничные дни посѣщаются не совсѣмъ усердно прихожанами, а нѣкоторые изъ православныхъ, жаждущихъ духовной пищи, увлекаются вслѣдствіе этого разными сектами, которые предлагаютъ имъ понятныя, хотя малосмысленныя, а часто и совсѣмъ безтолковыя духовныя пѣсни и тѣмъ постепенно затягиваютъ ихъ въ свои темныя сборища. Принимая все это во вниманіе, преосвящ. Петръ и предписываетъ духовенству ввѣренной ему епархіи отправлять богослуженіе благообразно и съ подобающимъ ему благоговѣніемъ. Для этого онъ считаетъ, прежде всего необходимымъ, чтобы церковное чтеніе было не спѣшное, внатное, назидательное, а пѣниестройное. А самое лучшее и вѣрное средство къ достиженію этой цѣли состоитъ въ томъ, чтобы предъ богослуженіями чтецы и пѣвцы всегда въ урочное время подготовляли то, что будетъ читаться и пѣться на клиросѣ въ церкви, при чемъ должно не только хорошо ознакомиться со смысломъ текста, но и прочувствовать его, потому что сердцемъ преимущественно одушевляется чтеніе и пѣніе, и оно придаетъ имъ назидательность. Особенно должны озаботиться этимъ, конечно, діаконы и псаломщики, на которыхъ обязанность читать и пѣть лежитъ главнымъ образомъ. При этомъ имъ необходимо уяснить себѣ славянскій текстъ въ непонятныхъ мѣстахъ русскимъ переводомъ, для чего преосвященный рекомендуетъ выписывать существующія по этой части пособія. Далѣе, такъ какъ и при чинномъ отправленіи богослуженія, многое назидательное и поучительное въ нихъ можетъ, тѣмъ не менѣе, ускользнуть отъ вниманія молящихся, вслѣдствіе малопонятности для нихъ славянскаго текста, то преосвящ. Петръ считаетъ необходимымъ возможно чаще раскрывать глубокой смыслъ в возвышенную красоту церк. пѣснопѣній (догматиковъ, стихирь, каноновъ и т. д.) при помощи перевода ихъ на русскій языкъ. Для этого, по его мысли, а) священники—законоучители обязаны объяснять въ школахъ предъ каждымъ воскреснымъ и праздничнымъ днемъ дневныя чтенія изъ евангелія и апостола, исторію празд-

ника, смыслъ богослуженія и при этомъ обращать особенное вниманіе на мѣста неудобопонятныя въ богослужебныхъ книгахъ, и б) на это же должно быть обращено особое вниманіе священниковъ при веденіи виѣбогослужебныхъ собесѣдованій въ воскресные и праздничные дни. Хорошо, если священнику въ дѣлѣ объясненія богослуженія прихожанамъ помогутъ діаконы и учителя школъ подъ надзоромъ священника. Затѣмъ преосвященный Пермскій составляетъ въ непремѣнную обязанность діаконамъ и псаломщикамъ, на обязанности которыхъ обыкновенно лежатъ обученіе въ церк.-приходскихъ школахъ церковному пѣнію, выбирать учениковъ, наиболѣе способныхъ и съ лучшимъ голосами для пѣнія на клиросѣ, устраивая съ ними сѣвки въ школѣ предъ каждымъ праздникомъ и подготавливая нѣкоторыхъ изъ нихъ для церковнаго чтенія во время богослуженія. За такимъ приготовленіемъ чтецовъ и пѣвцовъ къ богослуженію обязаны наблюдать священники, а провѣрять это дѣло—благочинные при посѣщеніи приходоѡ; послѣдніе въ своихъ полугодичныхъ отчетахъ отмѣчаютъ болѣе усердныхъ и способныхъ въ этомъ отношеніи и доносятъ о неисправныхъ, которые будутъ вызываться для лучшаго подготовленія къ исполненію своихъ обязанностей въ монастыри. Преосвящ. Петръ рекомендуетъ и нѣкоторыя другія средства къ упорядоченію богослуженія и привлеченію народа въ храмы, напр. устройство общаго пѣнія, учрежденіе при церкѡвахъ или школахъ библіотекъ для народнаго чтенія, продажу книгъ, иконъ и крестиковъ и т. д.,—и заканчиваетъ свое обращеніе къ духовенству выраженіемъ твердой увѣренности, что если священники съ любовью и усердіемъ будутъ приводить въ исполненіе всѣ эти и другія мѣропріятія, рекомендованныя епархіальнымъ начальствомъ для религіозно-правственнаго развитія и просвѣщенія ихъ паствы,—то народъ, безъ сомнѣнія, съ радостью будетъ стремиться въ храмы Божіи на богослуженія и выносить отсюда поученіе для себя, освященіе и благочестивое настроеніе, которыя благотворно отразятся на его отношеніяхъ къ своимъ пастырямъ, другъ къ другу и на всѣхъ дѣлахъ семейныхъ и общественныхъ,—и тогда церковь сдѣлается матерью—кормилицею его души.

— Ставропольскій общенархіальный съѣздъ депутатовъ духовенства, по сообщенію того же журнала, въ январѣ текущаго года имѣлъ сужденіе по вопросу о мѣрахъ къ развитію общаго церковнаго пѣнія въ приходскихъ храмахъ епархіи, при чемъ выяснилось, что главнымъ тормазомъ ко введенію общаго пѣнія служатъ

то обстоятельство, что весь трудъ обученія прихожанъ пѣнію почти вездѣ ложится на одного священника, потому что многіе діаконъ и псаломщики недостаточно обучены церковному пѣнію, а многіе изъ нихъ не обладаютъ хорошимъ голосовыми средствами, нѣкоторые же просто не желаютъ принятыя за это дѣло, считая труды по оному не входящими въ кругъ прямыхъ обязанностей. Вслѣдствіе этого съѣздъ постановилъ: общее церковное пѣніе, какъ важную охранительную мѣру отъ увлеченія сектантствомъ, признатъ желательнымъ и обязать всѣ причты епархіи вводить его въ своихъ приходахъ, возложивъ обязанность обученія прихожанъ церковному пѣнію на низшихъ членовъ клира—діаконовъ и псаломщиковъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ священниковъ. Неумѣлыхъ изъ діаконовъ и псаломщиковъ побудить непременно обучаться церковному пѣнію, для чего открывать ежегодно въ лѣтніе мѣсяцы въ городахъ Ставрополѣ и Екатеринодарѣ курсы церковнаго пѣнія, обязанности руководителей курсами возложить на двухъ учителей пѣнія, по одному въ каждомъ городѣ, или другихъ способныхъ къ тому лицъ, съ вознагражденіемъ изъ средствъ епархіи по 100 р.; проѣздъ же и содержаніе діаконовъ и псаломщиковъ на этихъ курсахъ отнести на собственные ихъ средства.

Идея повсемѣстнаго развитія и правильной организаціи общаго церковнаго пѣнія заслуживаетъ полнаго вниманія.

— Подольскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, какъ сообщаютъ «Тамб. Еп. Вѣд.», по предложенію преосвященнаго Дмитрія, 4 апрѣля сего года, опредѣлилъ повсемѣстно, во всѣхъ приходахъ Подольской епархіи, открыть внѣбогослужебныя воскресныя чтенія, гдѣ еще таковыя не открыты, по образцу уже нѣсколько лѣтъ открытыхъ и ведущихся воскресныхъ чтеній въ г. Каменецъ-Под. при нѣтъ церквяхъ. А чтобы такія чтенія происходили въ дѣйствительности во всѣхъ приходахъ, Совѣтъ призналъ обязательнымъ—во 1-хъ, занесеніе въ богослужебныя журналы приходскихъ церквей краткаго содержанія чтеній за подписью каждый разъ всего причта, съ указаніемъ, кто велъ чтенія, о чемъ, какого числа и мѣсяца, въ какіе часы, сколько приблизительно было слушателей и проч., и во-вторыхъ, чтобы о.о. благочинные строго слѣдили за исполненіемъ сего дѣла, внимательно просматривали записи въ богослужебныхъ журналахъ при ревизіи церквей, скрѣпляли свой просмотръ подписью и сообщили въ благочинническихъ отчетахъ свѣдѣнія о такомъ или иномъ веденіи чтеній въ приходахъ подвѣдомственныхъ имъ округовъ. Входя въ подробное

рѣшеніе вопросовъ: кто, что, гдѣ и когда, а также и кому должны предлагаться чтенія, Совѣтъ пришелъ къ заключенію: 1) о чтецахъ—прежде всего долженъ вести чтенія священникъ; въ исключительныхъ случаяхъ, когда священникъ или отвлекается нетерпящею отлагательства требою, или боленъ, или глубокой старикъ, вмѣсто него долженъ вести воскресное чтеніе псаломщикъ, или учитель, или кто либо изъ образованнымъ прихожанъ, если таковыя есть въ приходѣ, но впрочемъ каждый разъ по порученію или съ благословенія настоятеля прихода и подъ его руководствомъ и контролемъ. При этомъ въ богослужебномъ журналѣ должна быть сдѣлана оговорка, по какой причинѣ чтеніе велось не священникомъ, а другимъ лицомъ. 2) О предметахъ чтенія и пособіяхъ—предметомъ чтеній воскресныхъ должны быть: а) св. исторія ветхаго и новаго завѣтовъ (по программѣ, представленной г. Кудрявцевымъ), б) катихизисъ, в) объясненіе богослуженія, г) церковная исторія, общая, отечественная и юго-западнаго края, преимущественно въ жизнеописаніяхъ святыхъ. Лучшимъ пособіемъ по этимъ чтеніямъ Совѣтъ признаетъ: а) Внѣбогослужебныя бесѣды С.-Петербургскаго Братства Пресвятыя Богородицы, Троицкіе листки,—особенно объясненіе св. евангелія, какое предлагается редакціей „Троицкихъ Листковъ“. 3) По вопросу о мѣстахъ воскресныхъ чтеній: первое и самое главное мѣсто для сей цѣли—это церковь, потомъ церковно-школьное зданіе, если оно помѣстительно, затѣмъ зданіе министерскаго училища, волостныхъ правленій, фабрикъ, заводовъ и частныхъ помѣщенія; въ послѣднихъ случаяхъ, конечно, предполагается сношеніе священника съ подлежащими лицами, кому принадлежитъ и кто завѣдуетъ ими. 4) По вопросу о времени чтеній: а) по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ; б) по преимуществу осенью и зимою, примѣрно, съ октября по мартъ включительно и г) вечеромъ, послѣ вечерни (священникъ можетъ отслужить великую вечерню, прочитать акаѳистъ Спасителю, или Божіей Матери, или же какому святому или отпѣть молебенъ и пригласить на чтеніе своихъ прихожанъ).

— Будущіе пастыри, воспитанники семинарій, составляютъ особый предметъ вниманія мудрыхъ архипастырей нашихъ. Въ этомъ отношеніи интересно слѣдующее извѣстіе. Въ Пермской духовной семинаріи, по словамъ «Пер. Еп. Вѣд.», воспитанники VI класса привлечены къ участию въ содѣйствіи противораскольнической миссіи въ предѣлахъ епархій. Воспитанникамъ даются те-

мы для сочиненія по полемическимъ вопросамъ; лучшія изъ сочиненій, послѣ надлажаннаго ихъ редактированія, печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и выпускаются отдѣльными листками. И опыты уже показали, что результаты такой мѣры были очень хорошіе: уѣздные миссіонеры встрѣтили „семинарскіе“ листки (напр.: „о перстосложеніи“, „о таинствѣ св. причащенія“, „объ истинной церкви, противъ австрійцевъ“ и т. п.) съ живѣйшею радостью. Народъ съ удовольствіемъ читаетъ подобныя листки, и польза этого несомнѣнна, особенно—въ виду той безразборчивости, съ которою народъ относится ко всякимъ бродячимъ книжкамъ и „грамоткамъ“ и въ виду тѣхъ лукавыхъ цѣлей вождей раскола и сектантства, ради которыхъ они стараются распространить въ народѣ разныя свои излюбленныя книженки (иногда съ карриатурами на Православную Церковь и ея служителей). Нечего и говорить о томъ, какъ полезна указанная мѣра для семинаристовъ, какъ будущихъ пастырей—миссіонеровъ.

— Интересныя свѣдѣнія сообщаетъ отчетъ Тобольскаго епархіальнаго братства за 189⁴/₅, помѣщенный въ «Тоб. Еп. Вѣд.», о существующей при братствѣ типографіи. Со времени ея учрежденія протекло только два года, и уже къ концу перваго года всѣ расходы по ея устройству и содержанію были съ избыткомъ покрыты. Въ отчетномъ году типографія братства исполняла заказы частныхъ лицъ и разныхъ учрежденій духовнаго и гражданскаго вѣдомствъ, преимущественно же исполняла заказы для братства, которое въ видахъ своей просвѣтительной дѣятельности въ минувшемъ году приступило къ изданію листовъ религіозно-правственнаго содержанія для продажи и безплатной раздачи народу. Листковъ въ отчетномъ году отпечатано 47 номеровъ; 31 номеръ листовъ отпечатанъ вторымъ изданіемъ. Всего листовъ отпечатано въ братской типографіи 393, 400 экземпляровъ. Брошюры были изданы слѣдующія: 1) „Послѣдніе дни и кончина Государя Императора Александра III“ (56 стр.), въ количествѣ 10,000 экз.; 2) „Въ Бозѣ почившій Александръ III“ (32 стр.), въ томъ же количествѣ; 3) „Восшествіе на престолъ Императора Николая II“ (32 стр.) первымъ и вторымъ изданіемъ по 5000 экземпляровъ; 4) „Бракосочетаніе Императора Николая II“ (32 стр.) первымъ и вторымъ изданіемъ тоже по 5000 экз.; 5) „Жизнь Св. Дмитрія Солунскаго“ (53 стр.)—2000 экз.; 6) „Почаевская икона Божіей Матери“ (16 стр.) вторымъ изданіемъ въ количествѣ 3000 экз. Считаая вмѣстѣ

книги, брошюры и листки, всего перепечатано типографіей для братства за отчетный годъ 439, 400 экземпляровъ на 4854 руб., считая только наборъ и печатаніе. Частныхъ же заказовъ съ 20-го октября минувшаго года по 20 октября настоящаго года исполнено на 5,775 руб. 84 к. Такимъ образомъ типографіей братства въ отчетномъ году исполнено работъ на 10,639 р. 84 к. Всѣхъ служащихъ въ типографіи въ отчетномъ году состояло 24 человекъ. Жалованье служащимъ было различное. Управляющій типографіей и корректоръ получали по 200 р. въ годъ, факторъ—480 р., печатникъ 360 р., наборщикъ—одинъ 360 р., а остальные отъ 60 до 240 рублей. Предъ праздникомъ Пасхи выдается служащимъ денежная награда. Всего, по словамъ отчета, въ отчетномъ году наградныхъ денегъ выдано было 212 р. Съ настоящаго года при типографіи существуетъ переплетная мастерская.

— Объединеніи церковныхъ школъ съ свѣтскими начальными училищами несомнѣнно всѣ желаютъ, и оно въ недалекомъ будущемъ должно состояться, — но на какой почвѣ и на какихъ условіяхъ, этого нельзя еще предрѣшать. Но уже есть попытки къ объединенію, такъ сказать, — первые шаги. Такъ, по сообщенію «Тул. Еп. Вѣд.», въ Холмско-Варшавской епархіи церковно-приходскихъ школъ пока еще немного; большая часть существующихъ школъ принадлежатъ вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія. И однако же всѣ эти послѣднія школы находятся подъ ближайшимъ наблюденіемъ епархіальнаго вѣдомства. Законоучитель въ каждой школѣ состоитъ въ то же время и ея „блюстителемъ, обязаннымъ отвѣчать за духовно-нравственное направленіе и успѣхи школы и предъ епархіальнымъ начальствомъ и предъ попечителемъ учебнаго округа“. Архипастырь Холмско-Варшавской епархіи при ревизіи церквей посѣщаетъ министерскія школы и вмѣстѣ съ начальникомъ учебной дирекціи производятъ испытаніе учащимся. Сдѣланныя архипастыремъ въ школѣ замѣчанія сообщаются начальникомъ дирекціи всѣмъ учителямъ начальныхъ училищъ для точнаго исполненія. Послѣдствіемъ такихъ замѣчаній является то, что распоряженіями начальства учебнаго округа требуется, чтобы учитель былъ для учениковъ примѣромъ усердія къ храму Божию, исполнялъ уставы церкви и пріучалъ дѣтей къ чтенію и пѣнію въ церкви. Школа свѣтская, такимъ образомъ, въ полномъ своемъ составѣ, не исключая и учителя, ввѣряется здѣсь отвѣтственному завѣдыванію своего приходскаго пастыря, что значително сбли-

жаетъ, почти объединяетъ ее съ церковно-приходскою школою. — Въ Пермской епархіи дѣлаются попытки сближенія на почвѣ экономической. Такъ, въ Красноуфимскомъ уѣздѣ, земство безразлично помогаетъ въ содержаніи школамъ какъ своимъ земскимъ, такъ и церковнымъ. Съ 91 по 96 годъ церковныя школы получили отъ земства до 25¹/₂ тысячъ рублей. — Смоленское земство установило даже особенныя правила для выдачи пособій церковнымъ школамъ: 1) губернское земство приходитъ на помощь церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамоты наравнѣ съ земскими исключительно для постройки училищныхъ зданій; 2) на каждую школу оно выдаетъ пособіе не свыше 300 р.; 3) для полученія этого пособія сумма мѣстныхъ средствъ на постройку школы, включая сюда и средства, отпускаемыя духовнымъ вѣдомствомъ, должна быть не менѣе испрашиваемого отъ губернскаго земства пособія. Послѣ такихъ попытокъ къ сближенію на почвѣ административной и экономической, остается рѣшить уже сравнительно не трудный вопросъ о сближеніи на почвѣ учебной. Объединеніе учебныхъ программъ для церковныхъ и свѣтскихъ школъ оставалось бы послѣднимъ рѣшающимъ словомъ въ этомъ вопросѣ.

— Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, д. т. с. К. П. Побѣдоносцевымъ, какъ передаетъ «Гражд.», сдѣлано было чрезъ губернаторовъ предложеніе губернскимъ земствамъ оказать всевозможное содѣйствіе распространенію школьнаго образованія въ народѣ, хотя бы чрезъ посредство болѣе дешевыхъ церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты. На это предложеніе въ Св. Синодѣ получены отъ начальниковъ многихъ губерній постановленія губернскихъ земствъ, сущность которыхъ сводится къ слѣдующему: 1) по возможности въ каждомъ уѣздѣ учреждаются при пособіи земствъ 1—2 двух-классныя церковно-приходскія школы съ учительскими курсами и курсами сельскаго хозяйства; 2) въ отдаленныхъ отъ церквей деревняхъ устраиваются на земскія средства подходящія помѣщенія для школъ грамотности и 3) по мѣрѣ возможности, земства будутъ отпускать ежегодно денежныя пособія церковно-приходскимъ школамъ и школамъ грамотности, наиболее нуждающимся въ томъ.

— Главныя послѣ школъ общественныя проводники образованія въ народную среду—библіотеки и читальни—увеличиваются въ числѣ довольно замѣтно. Эти библіотеки иногда составляютъ плодъ частной предприимчивости и учреждаются въ память мѣстныхъ видныхъ уроженцевъ и дѣятелей. Такъ, 30 іюня, по сообщенію

«Церк. Вѣст.», предстоитъ открытіе бібліотеки въ память покойнаго профессора спб. дух. ак. Мих. Осип. Кояловича на его родинѣ въ м. Кузницѣ, Гродненской губерніи. Библіотека эта учреждается по мысли и на средства студентовъ с.-петербургской духовной академіи, при содѣйствіи и другихъ почитателей незабвеннаго профессора и публициста. Всего чаще устройство такихъ бібліотекъ бываетъ дѣломъ земствъ. Открытіе бібліотекъ встрѣчается населеніемъ съ величайшей радостью и книги изъ бібліотекъ берутся на расхватъ, какъ это недавно писали, на примѣръ, о читальнѣ-бібліотекѣ въ с. Пьяномъ Бору, Елабужскаго уѣзда. Для всего вообще дѣла народнаго образованія важно то, что забота о немъ не разграничивается между земствами, какъ это бывало прежде, когда по газетнымъ сообщеніямъ заботы о среднемъ образованіи возлагались земцами на губернскія земства, а о низшемъ— на уѣздныя. Теперь эта теорія о разграниченіи обязанностей земствъ оставляется и сами губернскія земства, на примѣръ саратовское, воронежское и другія признаютъ обязательность со стороны губернскихъ земствъ оказывать матеріальную помощь уѣзднымъ земствамъ на потребности народнаго образованія.

— «Вир. Вѣд.», отмѣчая нѣсколько случаевъ появленія на югѣ Россіи проказы, указываютъ на необходимость учрежденія убѣжища для прокаженныхъ. Въ Херсонской губерніи зарегистрированъ недавно цѣлый рядъ характерныхъ случаевъ проказы. Въ мѣстную губернскую больницу поступили воспитанникъ реальнаго училища Павловскій, пораженный лепрой съ 9 лѣтъ, и дѣвушка-крестьянка. Въ Очаковѣ врачебнымъ инспекторомъ Готкевичемъ явленіе проказы обнаружено у двухъ женщинъ и одного мушны—еврея. Всѣ они заражены проказой не первый годъ, обращались въ свое время ко многимъ врачамъ, испробовали на себѣ всякія лечебныя и врачебныя средства, но попытки къ излѣченію остались безуспѣшными. М. И. Готкевичъ предложилъ названнымъ больнымъ переселиться въ существующую въ Петербургской губерніи спеціальную колонію для прокаженныхъ. Больные не согласились, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что они являются исключительными работниками на свои семьи и не могутъ оставить на произволъ судьбы своихъ дѣтей. По провѣркѣ оказалось, что обѣ пациентки, помимо домашняго хозяйства, имѣютъ кой какое торговое дѣло, а пациентъ изъ мушны занимается ремесломъ. Докторъ Готкевичъ, въ виду отказа послѣднихъ изолпить себя въ колоніи прокаженныхъ,

рекомендовалъ мѣстному приставу по возможности предупредить столкновеніе прокаженныхъ и общеніе ихъ съ населеніемъ. Самымъ пациентамъ былъ объясненъ характеръ ихъ болѣзни и возможность передачи проказы другимъ. Въ Очаковѣ, по заявленію городского врача, имѣются еще два прокаженные: одинъ изъ нихъ землевладелецъ, проживающій въ собственномъ имѣніи въ 18 верстахъ отъ Очакова, другая въ настоящее время находится на излѣченіи въ одесской городской больницѣ. Въ виду этихъ случаевъ необходимость учрежденія на общія средства южныхъ земствъ убѣжища для прокаженныхъ на югѣ Россіи, съ цѣлью лѣченія ихъ и абсолютной изоляціи, становится очевидною.

— Въ послѣднее время въ печати собрано много матеріала, выясняющаго пагубныя послѣдствія пьянства. Въ Бельгіи, говоритъ „Новое Время“, до 27 процентовъ преступленій приписывается пьянству. Въ Америкѣ изъ 49,423 судившихся преступниковъ 30,509 оказались пьяницами. Въ Голландіи четыре пятыхъ преступныхъ мотивовъ объясняется пьянствомъ. Въ Швейцаріи три четверти преступленій совершены пьяницами. Изъ 90,000 осужденныхъ въ Англіи въ послѣдніе годы до 50,000 были завсегдатаями кабаковъ. Алкоголь возбуждаетъ свою жертву, прокладывая ему дорогу къ преступности быстрыми, автоматическими дѣйствіями, все болѣе и болѣе пріучая его пить. Онъ убиваетъ всякія благородныя чувства и превращаетъ здоровый мозгъ въ больной. У пьяницъ замѣчается склерозъ мозга, почекъ и печени. По изслѣдованіямъ Грассе, дѣти пьяницъ подвергаются вліянію алкоголя, сами не будучи пьяницами. Французскіи изслѣдователи нашли между алкоголиками страдающихъ алкоголизмомъ наследственно. Совершая преступленіе, пьяница поступаетъ обыкновенно „автоматично“. Опьяненіе вооружаетъ его руку, разжигаетъ страсть, отуманиваетъ здравый смыслъ и совѣсть, атрофируетъ чувство стыда. Преступное дѣло совершается точно въ сонномъ состояніи, нерѣдко въ полномъ противорѣчій съ прежней жизнью пьяницы. Такое лицо находится въ своего рода эпилепсіи, обусловливаемой отравленіемъ алкоголемъ, которая бываетъ совершенно сходна съ наследственной эпилепсіей и, подобно этой послѣдней, безъ нагляднаго повода можетъ побуждать также къ убійству и самоубійству. Мысль внезапно переходитъ въ дѣло. Полное отсутствіе нравственнаго чувства не знаетъ никакихъ препятствій. Извѣстный вѣнскій психіатръ Крафъ-Эбингъ и Марсель 23 раза наблюдали

пьяницъ, которые совершали женоубійства лишь на основаніи нячѣмъ неподтвержденныхъ подозрѣній своихъ женъ въ невѣрности. Точно также и наследственные эпилептики въ принадлежкахъ злоупотребляютъ своей физической силой. Бурневиль нашелъ, что большинство эпилептиковъ (51 процентъ) происходятъ отъ пьяницъ, при чемъ злополучная эпилепсія въ несчастныхъ потомкахъ усиливается во сто кратъ. Итакъ, за грѣхи отцовъ, горько расплачивается потомство. И не отрадно то слабое утѣшеніе, что помянутое предрасположеніе исчезаетъ только въ седьмомъ—восьмомъ поколѣніи, и съ этихъ позднихъ потомковъ начинается новая, лучшая порода людей. Въ виду указанныхъ, поистинѣ ужасныхъ, послѣдствій алкоголизма въ послѣдніе годы и у насъ въ Россіи ведется усиленная борьба противъ этого порока со стороны Правительства путемъ упорядоченія иитейной торговли и постепеннаго прекращенія распивочной продажи итей, а со стороны общества—особенно въ великорусскихъ губерніяхъ—учрежденіемъ обществъ трезвости. Такъ какъ инициатива въ этомъ случаѣ принадлежитъ по преимуществу приходскимъ священникамъ, то нельзя не пожелать, чтобы они обратили на это особенное вниманіе а также другими мѣрами содѣйствовали искорененію пьянства въ народѣ.

— По словамъ «Нов. Тел.», Нижегородская выставка представляетъ собою красивый видъ. Много грандіозныхъ зданій и кокетливыхъ павильоновъ; декоративныя украшенія обильны, разнообразны и изящны. По всей территоріи выставки разбитъ паркъ (деревья 15—20-лѣтняго возраста), съ группами высокорастущихъ и густыхъ лиственныхыхъ деревъ въ возрастѣ отъ 35 до 40 лѣтъ и кониферъ (деревья хвойныхъ породъ). Цвѣтники раскинуты повсюду и въ общемъ займутъ площадь около пяти десятинъ. У главнаго входа, представляющаго красивый вестибюль, раскинута громадная (около десятины) круглая клумба цвѣтовъ, посрединѣ ея высится изящный обелискъ. За клумбой находится большой, въ 700.000 ведеръ прудъ, на которомъ устраиваются группы фантановъ. По всей территоріи выставки извивается электрическая желѣзная дорога, устраиваемая фирмою М. Побѣдовъ и К°. Все протяженіе этой дороги 3½ версты. Поѣзда будутъ отходить черезъ каждыя 5 минутъ; плата за одинъ конецъ 5 копѣекъ. Выставка открывается съ 10 часовъ утра до 7 часовъ вечера. По вечерамъ открытъ лишь одинъ отдѣлъ художественный, въ саду играетъ музыка, открыты концертный залъ,

панорама, тиръ и проч. Освѣщеніе выставки исключительно электрическое. Въ сельско-хозяйственномъ отдѣлѣ, какъ передаетъ «Прав. Вѣст.», привлекаетъ общее вниманіе теплица для научныхъ опытныхъ культуръ, устроенная по порученію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, профессоромъ Императорскаго московскаго университета К. А. Тимирязевымъ. Послѣднему принадлежатъ и вообще заслуга устройства первыхъ подобныхъ теплицъ въ Россіи: первая теплица была устроена имъ въ 1872 году, въ бывшей Петровской академіи, а вторая, въ 1890 году, въ Императорскомъ московскомъ университетѣ. Теплица на выставкѣ имѣетъ цѣлю демонстрировать результаты водной и песчаной культуры, выясняющіе значеніе различныхъ веществъ для питанія и прозябанія растений. Обозрѣватель имѣетъ при этомъ возможность не только видѣть плоды опытовъ, блестяще выполненныхъ проф. Тимирязевымъ въ теплицѣ Императорскаго московскаго университета, но и повтореніе этихъ опытовъ, — можетъ, такъ сказать, присутствовать при отвѣтахъ природы на пытливые вопросы исследователя. Стѣна теплицы украшена портретами иностранныхъ ученыхъ, трудамъ которыхъ наука обязана разрѣшеніемъ вопросовъ о питаніи растений. Часть этихъ портретовъ, составляющихъ собственность профессора Тимирязева, снабжена надписями, свидѣтельствующими о дружескихъ отношеніяхъ иностранныхъ ученыхъ и русскаго ихъ собрата, работы котораго содержатъ рядъ блестящихъ открытій въ области физиологіи растений. Около портретовъ развѣшены рисунки, иллюстрирующіе результаты опытовъ Вагнера надъ дѣйствіемъ разныхъ удобреній и въ частности отношеніе къ азотно-кислородному удобренію растений мотыльковыхъ. Тутъ же помѣщенъ и засушенный кустистый колосъ овса, никогда не выдавшій земли подъ собою и между тѣмъ развившійся вполне нормально при опытахъ проф. Тимирязева съ водною культурою, въ растворѣ необходимыхъ для питанія растений веществъ: азотно-кислаго калия, фосфорно-кислаго калия, хлористаго калия, серно-кислаго магнія и азотно-кислаго кальція, съ присоединеніемъ фосфорно-кислаго желѣза. Кромѣ овса, представленъ образецъ гречихи, также развивавшійся въ указанномъ водномъ растворѣ; рядомъ съ этимъ образцомъ помѣщенъ другой, иллюстрирующій необходимость всѣхъ перечисленныхъ веществъ для нормальнаго развитія растений: при отсутствіи одной части получается растеніе — карликъ: не смотря на то, что оно успѣло и отцвѣсти, оно

достигло лишь вершковой величины. Указанными экспонатами обозрѣватель теплицы вводится въ курсъ опытовъ, которые производятся тутъ же. Въ рядѣ сосудовъ съ указаннымъ растворомъ культивируются разныя сельско-хозяйственныя растенія; получены уже и карликовыя растенія, между прочимъ, та же гречиха, давшая уже цвѣтъ; наглядно видны результаты отсутствія желѣза въ питательномъ матеріалѣ, по блѣдному, болѣзненному виду листьевъ растеній; иллюстрируется вліяніе солнечнаго свѣта на развитіе водорослей въ питательномъ растворѣ, гдѣ развивается корневая система растенія, и пр. Рядомъ съ научными опытами слѣдуетъ обратить вниманіе на экспонируемую тутъ же маленькую теплицу, устроенную по мысли проф. Тимирязева. Это—передвижная тепличка, стоящая сравнительно очень дешево и потому доступная очень многимъ. Въ то время, какъ обыкновенно теплицы являются неподвижными и культивируемыя растенія выносятся изъ нихъ на вольный воздухъ, при пользованіи теплицей проф. Тимирязева растеніе развивается на одномъ мѣстѣ, можетъ быть прямо даже врыто въ землю и только на время бури или дождя покрывается этою теплицей. Въ зданіи инженернаго и строительнаго отдѣла, гдѣ сосредоточены паровозы, выдѣляется пирамида, построенная изъ довольно своеобразнаго матеріала. Пирамида эта, экспонируемая обществомъ коломенскихъ машиностроительныхъ заводовъ, составлена изъ мелкихъ желѣзныхъ частей и кусочковъ, служившихъ пробами отъ матеріаловъ, назначенныхъ для постройки на заводѣ этого общества двадцати товарныхъ, нормальнаго типа, паровозовъ съ тендерами. Отъ каждой части паровознаго матеріала была произведена проба по прилагаемой тутъ же пріемочной вѣдомости, и въ общемъ получилась эта коллекція кусковъ, изъ которыхъ и оказалось возможнымъ соорудить пирамиду. Всего въ экспонируемую пирамиду вошло 3.253 отдѣльныхъ части и не вошли еще отъ тѣхъ же двадцати паровозовъ 280 образцовъ отъ тендеровъ и 320 отъ другихъ частей паровоза. Въ средне азіатскомъ отдѣлѣ обращаетъ вниманіе витрина Высочайше утвержденнаго товарищества для торговли и промышленности въ Персіи и Средней Азіи. Товарищество учреждено въ 1889 году, причемъ первоначальная дѣятельность его была направлена, главнымъ образомъ, на вывозъ русскихъ издѣлій и продуктовъ въ Персію, и съ этой цѣлью правленіе товарищества открыло отдѣленія сначала въ Тегеранѣ, за-

тѣмъ въ Мешедѣ. Отдѣленія эти въ первые три года своего существованія продали въ Персію и выписали туда коммиссіоннымъ образомъ свыше 9.000 кипъ разнаго мануфактурнаго шелковаго товара—въ общемъ же всего товара болѣе чѣмъ на полторѣ милліона рублей. Въ настоящее время товарищество имѣетъ постоянныя отдѣленія въ Тегеранѣ, Бухарѣ, Кокандѣ, временное отдѣленіе на нижегородской ярмаркѣ и конторы: въ Андиджанѣ, Маргеланѣ, Намаганѣ, Чустѣ и Ассакѣ. Экспонаты, доставленные товариществомъ, заключаются частью въ продуктахъ хлопководства и образцахъ мануфактурнаго товара, какъ предмета спеціальности товарищества, частью въ коврахъ, матеріяхъ, персидскихъ и среднеазіатскихъ кустарныхъ издѣліяхъ. Послѣднія выставлены, по приглашенію департамента торговли и мануфактуръ, съ цѣлью дать посетителямъ представленіе о степени развитія промышленности въ Азіи. Въ кустарномъ отдѣлѣ публика съ большимъ любопытствомъ осматриваетъ витрину троицкаго рѣзчика Хрустачева. Недалеко отъ витрины, за особымъ столикомъ, этотъ мастеръ со своимъ сыномъ, для болѣе нагляднаго ознакомленія любопытныхъ съ искусствомъ рѣзбы по дереву, почти по цѣлымъ днямъ занимаются обыкновенною имъ работою. Въ настоящее время они вырѣзываютъ по картинѣ Леонардо да-Винчи „Тайную вечерю“. Содержаніемъ большинства ихъ издѣлій являются изображенія святыхъ, евангельскихъ сценъ, и т. п. За свои издѣлія Хрустачевы уже имѣютъ четыре медали. Между прочимъ на парижской всемірной выставкѣ 1889 г. имъ дана серебряная медаль, на послѣдней всероссійской (въ Москвѣ 1882 г.)—золотая. На дняхъ въ витринѣ будетъ выставлена коллекція издѣлій, сохранившихся въ семьѣ Хрустачевыхъ; характеризующая постепенное изъ поколѣнія въ поколѣніе развитіе художественнаго вкуса и совершенствованіе техники.

— 28-го іюля по сообщенію «Изв. Рус. Геогр. Общ.», предстоитъ въ нынѣшнемъ году полное солнечное затменіе, которое пройдетъ отъ Лапландіи, чрезъ Новую Землю, полуостровъ Ямалъ, устья Оби и Енисея, на Вилюйскъ и Олекминскъ, къ рѣкѣ Амуру ниже Хабаровска и, такимъ образомъ, захватитъ полосу длиною съ запада на востокъ болѣе пяти съ половиною тысячъ верстъ. Среди русскихъ ученыхъ проявилось горячее желаніе принять дѣятельное участіе въ изученіи предстоящаго явленія. Императорское русское географическое общество разсчитываетъ при-

нять посильное участіе въ лицѣ своихъ дѣйствительныхъ членовъ: И. А. Вилькицкаго, Ѳ. Ѳ. Витрама, А. В. Вознесенскаго, А. В. Григорьева и П. Я. Капустина. Во время предстоящаго солнечнаго затменія спектроскопическія изслѣдованія короны, съ цѣлью опредѣлить ея вращеніе, будутъ произведены многими русскими учеными, которые будутъ находиться въ полосѣ полнаго затменія во всѣхъ болѣе доступныхъ пунктахъ. На сѣверѣ Финляндіи отправилась экспедиція русскаго астрономическаго общества, состоящая изъ гг. Вучиховскаго, Рызевскаго и Сикоры. На Новой Землѣ будутъ двѣ экспедиціи: одна—отъ Императорской академіи наукъ, во главѣ съ академикомъ кн. Голицынымъ, другая—отъ казанскаго университета, во главѣ съ проф. Дубяго. Въ Обской губѣ приметъ участіе въ наблюденіи солнечнаго затменія гидрографическая экспедиція полковника Вилькицкаго. Въ Енисейскую губу отправился профессоръ томскаго университета Капустинъ. На берега рѣки Лены снаряжена экспедиція русскимъ астрономическимъ обществомъ на средства, Всемилостивѣйше дарованныя Государемъ Императоромъ. Эта экспедиція состоитъ изъ гг. Тачалова, Блумбаха, Гершуна и Лебединскаго. На рѣкѣ Амурѣ будутъ наблюдать гг. Вѣлопольскій, Витрамъ и Орбинскій, отправленные пулковскою обсерваторіею. Наиболѣе грандіозною является экспедиція, отправленная на берега рѣки Лены. Тамъ, между прочимъ, предполагается фотографировать солнечную корону по способу Шеберле, при помощи объектива длиннаго фокуснаго разстоянія, въ данномъ случаѣ около 40 футовъ. Способъ этотъ впервые съ успѣхомъ испытанъ американскимъ астрономомъ Шеберле во время солнечнаго затменія 1893 года. Выгода этого способа заключается въ томъ, что получается изображеніе солнца большихъ размѣровъ, такъ что на фотографическихъ пластинкахъ можно замѣтить много такихъ подробностей, получить которыя невозможно на обыкновенныхъ снимкахъ. Кромѣ русскихъ ученыхъ, на Амурѣ ожидаются для наблюденія затменія, американцы и англичане. Полоса полнаго солнечнаго затменія на этотъ разъ пройдетъ чрезъ мѣста мало доступныя и малонаселенныя. Слѣдовательно, только на долю немногихъ лицъ выпадетъ счастье въ текущемъ году любоваться чудною картиною полнаго солнечнаго затменія. Но зато частное затмѣніе будетъ видно въ этотъ день, т. е. 28-го іюля, почти во всей Европейской Россіи. Въ Харьковѣ начало затменія будетъ въ 5 ч. 8 м. ут., а конецъ 6 ч. 50 м. у., величина фазы 0,50.

Наблюдать затменіе слѣдуетъ чрезъ законченное стекло, иначе можно испортить себѣ глаза. Лица же, желающія наблюдать затменіе въ трубу, должны надѣть на окуляръ темное стекло.

Н Е К Р О Л О Г Ъ.

2-го іюня 1896 года, въ 6 часовъ утра, волею Божіей, скончался на 76 году своей жизни заштатный священникъ Михаилъ Іаковлевъ Рубинскій, прослужившій въ санѣ штатнаго іерея 48 лѣтъ и прожившій за штатомъ около 5 лѣтъ. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія Харьковской губерніи, Купянскаго уѣзда. По окончаніи полнаго курса наукъ въ Харьковскомъ Духовномъ Коллегіумѣ, онъ въ 1843 г. 3 октября былъ рукоположенъ въ священническую санъ къ Александро-Свирской церкви слободы Александровки, Старобѣльскаго уѣзда, а чрезъ три года, по прошенію, переведенъ въ сл. Петропавловку, Купянскаго уѣзда, для вспоможенія отцу съ малолѣтними дѣтьми. Въ 1850 г., по случаю закрытія 3 штата въ сл. Петропавловкѣ, по прошенію, онъ переведенъ былъ въ сл. Араповку Купянскаго уѣзда, гдѣ и прослужилъ безпорочно 27 лѣтъ. Въ Араповкѣ покойный о. Михаилъ лишился своей жены, похоронилъ дочь 18 лѣтъ и двухъ сыновей—отроковъ. Такая потеря жены и 3 членовъ своей семьи сильно повліяла на крѣпкое прежде здоровье покойнаго, но со смиреніемъ и покорностію воли Божіей перенесъ онъ это испытаніе Божіе. Въ 1878 г., по прошенію, онъ переведенъ былъ въ сл. Александровку, Старобѣльскаго уѣзда, гдѣ прослужилъ только пять лѣтъ, а потомъ, оставивъ хорошій приходъ, принужденъ былъ перейти въ село Липивку, Зміевскаго уѣзда, по случаю смерти зятя своего, священника села Липивки Иларіона Яновскаго, для поддержанія осиротѣвшей семьи, состоявшей изъ семи душъ дѣтей. На семь приходѣ покойный прослужилъ до 1890 г., 5 марта, пока старшій его внукъ Яновскій окончилъ курсъ въ Харьковской Духовной Семинаріи, которому онъ и уступилъ свое мѣсто. Въ Липивкѣ покойный о. Михаилъ опять много перенесъ горя въ своей семейной жизни: умерли два его зятя и дочери переѣхали къ нему на жительство, изъ которыхъ одна дочь была съ дѣвочкой; здѣсь похоронилъ онъ въ одинъ годъ свою родную сестру—вдову, жившую при немъ, и одну изъ овдовѣвшихъ своихъ дочерей, другая же умерла вскорѣ по выходѣ его заштатъ. Въ Липивкѣ же покойный потерялъ почти все свое движимое имущество, въ свое отсутствіе, во время сильнаго пожара, бывшаго въ 1887 г. Последнія, Богомъ посланныя испытанія, а главное, болѣзнь—острое

воспаленіе легкихъ, перенесенная почившимъ на 70 году жизни, окончательно пошатнула здоровье о. Михаила и въ 1890 г. покойный, по прошенію, уволился за штатъ.

По выходѣ за штатъ о. Михаилъ переехалъ на жительство къ сыну своему, священнику села Тарасовки Богодуховскаго уѣзда, у котораго и жилъ до самой своей смерти. Незадолго предъ смертію, надъ покойнымъ, по его желанію, мѣстный о. духовникъ два раза совершалъ таинство Св. Елеосвященія и причастилъ Св. Христовыхъ Таинъ. Покойный о. Михаилъ отличался всегда добрымъ и кроткимъ характеромъ и въ кругу своей семьи и среди прихожанъ, за что и снискивалъ всегда среди своихъ пасомыхъ любовь и уваженіе послѣднихъ. Въ продолженіе своей многолѣтней службы покойный о. Михаилъ проходилъ должности: законоучителя около 40 лѣтъ, учителя земской школы, депутата, духовника и члена благочинническаго совѣта; за свою усердную и полезную службу онъ былъ награжденъ начальствомъ всеми доступными приходскому священнику наградами включительно до наперстнаго креста и знака краснаго креста.

4 іюня, послѣ заупокойной литургіи, погребеніе надъ почившимъ было совершено мѣстнымъ благочиннымъ, протоіеремъ Мстремскимъ, при участіи четырехъ священниковъ и діакона, при стройномъ и прекрасномъ пѣвчій хора пѣвчихъ и многочисленномъ стеченіи народа.

Миръ праху твоему, честный и терпѣливый труженникъ на нивѣ Христовой! Да упокоитъ Господь Богъ душу твою въ селеніяхъ праведныхъ!

Нижеслѣдующіе номера серій вышли въ тиражъ погашенія при розыгрышѣ 1 іюля билетовъ 1-го внутрен. съ выигрышами займа.

14034 8556 5067 19555 11885 17154 18124 19243 16743 11907 10829 14389
 1718 12017 14990 890 9407 12951 12787 7855 19952 19305 8520 19013 18612
 2723 19954 12050 19142 1263 13306 8522 6371 13184 11256 8126 4460 11005
 5230 7655 967 9346 15964 234 322 5528 3332 9618 17959 7201 14381 9149
 18679 16054 261 17279 7108 1012 6249 16550 14186 18403 18482 2050 18998
 3507 4968 18274 1495 6296 2449 627 3336 4120 14052 3235 5259 4359 10614
 7291 9362 2082 16959 7993 1722 14317 3344 12646 9417 6583 2745 15763
 14262 2405 9518 249 16906 14779 19356 10601 6267 2302 2463 7225 14072
 9960 9290 5715 13031 16681 7437 5633 15090 1143 6274 13060 19133 1095
 17775 14424 4047 6721 2546 16180 13187 16910 9426 3906 10477 3494 14686
 17600 14680 18611 18371 19355 4089 853 15649 10928 18293 10598 13805
 13410 8037 14938 3844 17714 17506 13808 8270 9774 575 18481 10867 3824
 10037 3879 5576 6649 869 3701 556 1983 15718 15277 13174 11278 5035 4550
 1924 12241 18763 146 16539 3838 2344 15912 10707 4096 14028 5209 16752
 10923 5882 1736 9934 2038 5792 13029 2895 8544 14935 8936 8802 16572 11
 8081 8436 1879 14448 10322 1078 9060 7486 18765 11509 8131 18343 15592
 10726 19730.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„ПРОПОВѢДИ“ (слова, рѣчи и бесѣды),

какъ богослужебныя, такъ и виѣбогослужебныя, на разные случаи изъ церковно-общественной жизни.

Священника Д. РОМАШКОВА.

МОСКВА. Изданіе книгопродавца А. Д. СТУПИНА. 1896 годъ.

ЦѢНА 1 руб. 50 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1896 ГОДЪ

НА ГАЗЕТУ

„ОТГОЛОСКИ“.

Въ программу изданія входятъ всѣ обычные отдѣлы политическихъ, общественныхъ и литературныхъ газетъ. Въ каждомъ № дается въ сжатомъ, но живомъ и общедоступномъ изложеніи систематическій обзоръ всѣхъ важнѣйшихъ повостей въ области политики и общественной жизни за недѣлю, а также отчеты о всѣхъ выдающихся и интересныхъ новинкахъ русской литературы съ приведеніемъ наиболѣе характерныхъ отрывковъ изъ нихъ, что можетъ до известной степени замѣнить непосредственное съ ними знакомство. Газета предназначается преимущественно для лицъ, не имѣющихъ возможности или времени слѣдить за ежедневными изданіями и ежемѣсячными журналами и разбираться въ массѣ даваемого ими матеріала. Изданію придана серьезная постановка. Особенное вниманіе обращено на сообщенія изъ провинціи, силами которой питаются наши центры, умственный и моральный ростъ которой составляетъ такое замѣтное явленіе въ наши дни.

Газета выходитъ еженедѣльно нумерами обычнаго формата еженедѣльныхъ и иллюстрированныхъ изданій.—Условія подписки: на годъ съ дост. и пер. 5 р., на полгода 3 р. За границу на годъ 7 р.—Адресъ редакціи и конторы С.-Петербургъ 6-я Рождественская ул. д. 10.

Редакторъ-издатель И. В. СКВОРЦОВЪ.

НАСТОЛЬНЫЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ,

ИЗДАНИЕ Т-ВА А. ГРАНАТЪ И К^о.

ОКОНЧЕНЪ ПЕЧАТАНІЕМЪ.

Цѣль изданія—въ сжатомъ изложеніи дать точныя и обстоятельныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія и болѣе важнымъ вопросамъ жизни и тѣмъ содѣйствовать самообразованію и болѣе разностороннему развитію.

Въ „Настольномъ Энциклопедическомъ Словарѣ“ приняли участіе: маг. И. С. Абельманъ, проф. Д. К. Анучинъ, губ. агроп. В. Г. Бажаевъ, проф. П. Г. Виноградовъ, прив.-доц. П. П. Вознесенскій, Д. С. Вольпинъ, маг. М. Я. Герцонштейнъ, маг. Викт. А. Гольцевъ, инж. А. Н. Гранатъ, И. Н. Гранатъ, В. Н. Григорьевъ, прив.-доц. И. Я. Гурлицъ, инженер. А. М. Донде, Гр. А. Джаиніевъ, В. Е. Ермиловъ, д-ръ Р. М. Жирмунскій, инж. И. М. Зиновьевъ, И. Н. Златовратскій, проф. Н. П. Ивановскій, Е. Н. Каменецкая, маг. А. И. Каменка, Я. Н. Колубовскій, инж. В. Г. Крапивинъ, В. Ф. Лазурскій, М. Е. Лаудау, проф. В. Ф. Ловитскій, д-ръ М. Е. Ліонъ, прив.-доц. И. Л. Досъ, проф. И. В. Лучицкій, прив.-доц. П. Н. Милоковъ, проф. С. А. Муромцевъ, проф. В. А. Мякотинъ, проф. П. А. Некрасовъ, проф. В. М. Нечаевъ, М. М. Нечаевъ, Викт. П. Острогорскій, проф. В. В. Пашутинъ, М. Л. Песковскій, проф. Э. Ю. Петри, М. В. Познеръ, А. С. Пругавинъ, проф. Э. Л. Радловъ, А. С. Размадзе, М. Н. Ремезовъ, прив.-доц. А. Р. Свирщевскій, прив.-доц. В. Д. Соколовъ, П. Н. Сокулинъ, В. Н. Сторожевъ, Н. Г. Тарасовъ, проф. А. С. Тауберъ, маг. М. И. Туганъ-Барановскій, проф. Н. А. Умовъ, проф. А. О. Фортунатовъ, проф. О. Д. Хвольсонъ, проф. А. И. Чупровъ, проф. Щегловъ и мн. др.

Все изданіе составляетъ 8 томовъ (до 11000 столбцовъ убористой печати). Въ изданіи помѣщено 71890 статей и замѣтокъ, 1567 портретовъ и рисунковъ, 26 географическихъ картъ, 150 таблицъ рисунковъ, хромо-и олеографій, статистическихъ таблицъ и картограммъ. Первые шесть томовъ вышли третьимъ стереотипнымъ изданіемъ, 7-ой—вторымъ стереотипнымъ изданіемъ.

ЦѢНА полному изданію на обыкновенной бумагѣ безъ перепл.—38 руб., въ переплетѣ—42 руб., ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА: при подпискѣ 5 руб., при полученіи шести томовъ 5 руб., остальные деньги выплачиваются ежемѣсячными взносами по 2 рубля.

ПОДРОБНЫЕ ПРОСПЕКТЫ съ отзывами печати, выдержками изъ текста и условіями разсрочки высылаются по требованію **БЕЗПЛАТНО!**

Главная Контора: Москва, Большая Никитская, д. 5 (Рихтеръ), рядомъ съ университетомъ.

БОЛЬШОЙ МОСКОВСКИЙ МАГАЗИНЪ

МАНУФАКТУРНЫХЪ И СУЖОННЫХЪ ТОВАРОВЪ

М. В. ЕМЕЛЬЯНОВА

ВЪ ХАРЬКОВѢ.

Уголь Ключковской ул. и Бурсадкаго пер., близъ Бурсы.

Извѣщаетъ гг. многоуважаемыхъ покупателей о полученіи громаднаго выбора **НОВОСТЕЙ** къ осеннему и зимнему сезонамъ.

КРАТКІЙ-ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ.

	Р.	К.		Р.	К.
Драпъ модный	отъ	1 40	Кашемиръ цвѣт.	отъ	15
Драпъ плюшь	"	1 25	Шерстяныя матеріи	"	10
Плюшь шерст. шир.	"	2 95	Шелковыя	"	25
Плюшь шелковый	"	1 25	Чесуча наст. Китайск.	"	38
Бибирь касторъ	"	1 60	Ковры	"	27
Сукно черн. и цвѣт.	"	— 78	Дорожки	"	12 1/2
Трико дв. ширины	"	— 23	Трико бумажн.	"	5
Трико зпнее	"	— 65	Ситецъ	"	3
Шевіотъ модный	"	— 28	Сатинъ 5/4 ширины	"	15
Фланель сукон.	"	— 40	Сатинъ обыкновенный	"	8
Отрѣзы брюкъ	"	1 23	Бумазей	"	9

а также распродаютъ остатки, оставшіеся отъ лѣтняго сезона.

И масса другихъ **НОВОСТЕЙ** во всевозможныхъ тканяхъ: Суконныхъ, Шелковыхъ, Шерстяныхъ, Льняныхъ и Бумажныхъ товаровъ; большой выборъ разнообразныхъ матерій для лицъ духовнаго званія и другихъ вѣдомствъ.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА И ТОРГА.

ЗА ДОВОРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ И ДЕШЕВИЗНУ РУЧАЮСЬ

М. В. Емельяновъ.

Журналь „ВѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за всѣ истекшіе годы въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектанствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Какъ всего проще и удобнѣе научиться вѣровать“? Собесѣдованія прот. А. Хойнацкаго.—„Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Библиографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова.—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова.—„Церковно-религіозное состояніе Запада и вселенская Церковь“. Свящ. Т. Буткевича.—„Западная средневѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Язычество и іудейство ко времени земной жизни Господа нашего Иисуса Христа.“ Свящ. Т. Буткевича.—Статьи „о штундистахъ“. А. Шугаевскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами“? В. Ковалевскаго.—„Основныя задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова.—„О славянскомъ языкѣ въ церковномъ богослуженіи“. А. Струникова.—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ современной умственной жизни“. А. Бѣляева.—„Очерки русской церковной и общественной жизни“. А. Рождествина.—„О церковныхъ плодотвореніяхъ“. Н. Протопопова.—„Вторая книга „Исходъ“ въ переводѣ и съ объясненіями“. Проф. П. Горскаго—Платонова.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова.—„О покоѣ воскреснаго дня“. Доцента А. Бѣляева.—„Мысли о воспитаніи въ духѣ православія и народности“. Шестакова.—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„Ученіе Стефана Яворскаго и Теофана Прокоповича о свящ. Преданіи“ М. Савкевича.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Отношеніе раскола къ государству“. С. Г. С.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Замѣтки о церковной жизни за-границей“. А. К.—„Сущность христіанской нравственности въ отличіи ея отъ моральной философіи графа Л. Н. Толстого“. Свящ. І. Филевскаго.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Ученіе Канта о Церкви“. А. Кириловича.—„Православленъ-ли intercomunion, предлагаемый намъ старокатоликами“. Прот. Е. К. Смирнова.—„Разборъ протестантскаго ученія о крещеніи дѣтей—съ догматической точки зрѣнія“. Прот. А. Мартынова и проч.

Въ философскомъ отдѣлѣ журнала помѣщены статьи профессоровъ Академіи и Университета: А. Введенскаго, А. Зеленогорскаго, В. Кудрявцева, П. Линицкаго, М. Остроумова, В. Снегирева, П. Соколова и другихъ. А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на не полученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи,
Протоіерей Іоаннъ Знаменскій.